

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ,
ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Под общей редакцией кандидата философских наук,
доцента В. Н. Варич

Основан в 2004 г.

Выпуск XII

Брест 2019

ББК 66+60,5
УДК 301+327

Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук содержит результаты исследований ученых по проблеме трансформационных и инновационных процессов, проявляющихся в Беларуси и других европейских странах. Анализируются различные аспекты трансформации и глобализации: экономический, политический, культурно-образовательный, информационный, ценностный, экологический и др.

Редакционный совет:

Кучмаева О. П., доктор экономических наук (Россия)
Стрелец М. В., доктор исторических наук (Беларусь)
Лисовская Т. В., кандидат исторических наук (Беларусь)

Рецензенты:

*Вабищевич А. Н., доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории славянских народов БрГУ имени А. С. Пушкина*
*Зданович В. В., доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Беларуси БрГУ имени А. С. Пушкина*

МОДЕРНО-ТРАДИЦИОННАЯ И НЕОТРАДИЦИОННАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. БЕЛЯЕВА

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь*

Для характеристики системы нравственности современного белорусского общества следует рассмотреть ее в общем контексте исторических изменений, что позволит определить специфические черты нормативно-ценностной структуры и способа регуляции, которые сложились в нашей стране в начале XXI в.

На протяжении большей части своей истории белорусский этнос образовывал традиционное общество, ему были присущи все характеристики *традиционной*, а точнее, *религиозно-традиционной* системы нравственности. Приобщение белорусского народа к культуре модерна происходило в ходе разнородных исторических процессов. Первый связан с модернизацией в Европе XVII в., которая охватила и Великое княжество Литовское. Второй пришелся на конец XIX в., когда попытку модернизации предприняла Российская империя, в состав которой входила территория Беларуси. Третьей специфической волной модернизации стали преобразования времен советской власти, а четвертой – системная трансформация постсоветского периода. В результате чего нравственность белорусского общества приобрела *модерно-традиционный* характер. Наконец, по мере вхождения нашей страны в контекст глобализации в нравственности появились признаки *постмодерна* и – как реакция на них – нравственный *неотрадиционализм*.

В результате нравственность современного белорусского общества носит смешанный, плюралистический характер [2, с. 105], в ней продолжают развиваться процессы модернизации традиционной нравственности, а также сопряженные с ними процессы неотрадиционализации нравов.

Процессы образования модерно-традиционной системы нравственности предполагают в первую очередь модернизацию индивидуального субъекта регуляции, превращение его в автономную, рационально мотивированную, общечеловечески мыслящую личность, взаимодействующую как с традиционными (общины, сообщества), так и с модерными (класс, нация, национальное государство) коллективными субъектами нравственности. Кроме того, специфика моральной регуляции модерно-традиционной нравственности обусловлена теми способами, которыми коллективные субъекты нравственности традиционного и современного типа взаимодействуют между собой (например, становление класса буржуазии может опираться на семейные связи; а национальное государство апеллировать к традиционным этническим солидарностям). Традиционные же ценности и нормы, свойственные различным культурам, позволяют им поддерживать моральную идентичность. В ходе модернизации они вполне могут быть не только сохранены, но даже развиты за счет активных усилий индивидов и действий национального государства как коллективного субъекта нравственности. В модерно-традиционной нравственности современный способ регуляции определяет контекст функционирования ряда традиционных ценностей. Так, трудолюбие преобразуется в профессионализм, локальный патриотизм превращается в

гражданский, меняется их место в нормативно-ценностной структуре; периферийные элементы традиционной нравственности перемещаются в центр нормативно-ценностной структуры; актуализируется индивидуалистическая составляющая способа регуляции религиозно-традиционной нравственности; ценности модерна включаются в традиционную нормативно-ценностную структуру. Именно такие характеристики имеет система нравственности белорусского общества как социума, находящегося в процессе системной трансформации.

Понятие неотрадиционализма с недавних пор используется в этнографической и политологической литературе для обозначения определенной реакции традиционной культуры на вызовы современности. В целом неотрадиционализм связывается с оживлением внимания к тем или иным фрагментам традиционного наследия и включением их в современные практики. Применительно к нравственной культуре термин «неотрадиционализм» до сих пор практически не применялся, между тем он достаточно точно характеризует судьбу традиционной нравственности в современном мире.

В отличие от фундаментализма, противостоящего любой моральной инновации и расценивающего ее как разрушение устоев, неотрадиционализм предполагает ревитализацию собственной культурной традиции в контексте глобального мира. Более того, традиционная культура белорусского народа сама содержит автохтонные феномены, на основе которых становится возможным освоение постмодерных нравственных инноваций. В сетевом культурном пространстве традиционная нравственность оказывается одним из локальных вариантов нравственности, контактирующих с прочими по общим принципам взаимодействия. При этом неотрадиционалистское укрепление культурными сообществами собственных нравственных представлений не только не противоречит, но и способствует приобщению к глобальному миру. Традиционные ценности становятся предметом рефлексивного индивидуального выбора и поддерживаются постмодерными регулятивными механизмами. Как отмечает одна из разработчиков понятия «неотрадиционализм» С. А. Мадюкова, «социокультурный неотрадиционализм проявляется в привнесении в процесс воспроизводства традиций рефлексии и рациональности» [5, с. 11], в сохранении (возрождении) того содержания, которое несет с собой традиция, но в ином социальном контексте [5, с. 9]. Подобным образом *неотрадиционализм* в нравственной культуре представляет собой рефлексивную избирательную реактуализацию ценностей традиционной нравственности на базе современных и постмодерных способов моральной регуляции поведения.

Наличие в нравственности белорусского общества сопряженных процессов модерно-традиционного и неотрадиционного характера можно подтвердить различными социологическими исследованиями, интерпретируя их данные в этическом контексте. Общим для двух этих процессов является то, что ценности традиционной нравственности транслируются благодаря современным (рациональным, автономным) или постмодерным (модульным, сетевым, рефлексивным) субъектам моральной регуляции.

Доминантой традиционной системы ценностей является *семья*. Целый ряд исследований свидетельствуют о том, что в среде белорусской молодежи семья устойчиво занимает второе (после здоровья) место в системе важнейших жизненных приоритетов [3]. Между тем большинство исследователей отмечают

кризисные явления в существовании современной семьи, природа и функции которой существенно изменились. Поэтому сохранение семьи в современном обществе зависит не столько от сохранения устоев традиционной нравственности, сколько от самоопределения современного или постмодерного субъекта нравственной регуляции, осознанного выбора им ценностей семьи. Модерно-традиционный характер отношений между поколениями белорусского общества проявляется в том, что, не отказываясь от общей значимости нравственного авторитета старших, происходит отбор ситуаций, в которых этот авторитет действует, и изменение мотивов следования ему.

Безусловной ценностью традиционного белорусского менталитета является *трудолюбие*. Оно занимает первое место в списке идеальных черт белоруса (93%) и второе в автопортрете современного белоруса (74,6%) [2, с. 155–157]. Однако, если трудолюбие и стоит на первом месте в иерархии средств достижения жизненного успеха, то вовсе не является самоценностью [3, с. 50]. Если традиционное трудолюбие белоруса можно охарактеризовать как привычку к труду (*працавітасць*) [2, с. 147–148], то мотивацию к труду современных жителей Беларуси следует рассматривать в модерно-традиционном и неотрадиционалистском контексте, анализировать профессионализм и креативность как способности нравственного отношения к труду.

Существование различных исторических типов *патриотизма* побуждает к выяснению содержательного наполнения этого принципа в нравственном сознании современных белорусов. С одной стороны, системная трансформация нашего общества, направленная на построение национального государства, ведет к укреплению гражданского патриотизма модерно-традиционной нравственности. С другой стороны, в глобальном мире происходит некоторое ослабление роли национальных государств и усиление значения сообществ. Этот процесс находит корреляцию в традиционной идентичности белорусского народа, получившей название «тутэйшасці». Социологические данные показывают, что гражданский патриотизм по отношению к национальному государству остается относительно слабым [4]. Господствующим оказывается патриотизм локальный, при котором главным источником идентичности выступает не этнос или национальное государство, а общая территория и совместное проживание [6]. В результате, исторически преобладавший среди жителей Беларуси тип социокультурной идентичности под метафорическим названием «тутэйшыя» составляет основу неотрадиционалистских патриотических переживаний в глобальном постмодерном мире.

Функционирование принципа *коллективизма* в белорусском обществе обусловлено сохранением элементов традиционного способа моральной регуляции. Невзирая на волны модернизации, а, возможно, и как реакция на них, в белорусском социуме воспроизводятся сообщества общинного типа, транслирующие коллективистские установки традиционного сознания в малых группах. Солидарность и взаимовыручка на межличностном, семейном, микрогрупповом уровне сильна и одобряема общественным мнением, а на уровне общества в целом очень слабая. Наши соотечественники понимают коллективизм в духе «грамады» [1, с. 129], когда главной ценностью выступают хорошие межличностные отношения с ближайшим окружением. Под влиянием модернизации в общественном сознании нашего общества произошла переориентация с общественных проблем на личные интересы, жизненное пространство и сфера

самовыражения личности отождествляются с микросредой, семейной группой, дружеским и, наконец, виртуальным сообществом, роль которого постепенно растет. Традиционный коллективизм малых групп, устойчивая ценность низовых аффилиционных сообществ выступает функциональным аналогом коммунизма как ценностной ориентации постмодерного общества, предполагающего приверженность индивида ко множеству избранных им локальных сообществ. В этом плане традиционная приверженность белорусов аффективным типам идентичности (семья, друзья, соседи) [7, с. 33] свидетельствует о неотрадиционалистских тенденциях в нравах.

Толерантность как важнейшая ценность постмодерной нравственности имеет корреляцию с традиционной особенностью белорусского национального менталитета, которая исторически обусловлена пограничным положением страны между Западом и Востоком, католицизмом и православием [1, с. 131–132]. Толерантность белорусов проистекает из такого их качества, как «памяркоўнасць» (рассудительность), которое проявляется в том, что человеку проще согласиться с некоторыми вещами, чем тратить силы на борьбу с ними. Потребность в доброжелательных отношениях с другими людьми оказывается важнее, чем соответствие их жизни неким абстрактным нормам и принципам. В целом две трети современных белорусов считают толерантность чертой реального белорусского менталитета [2, с. 157]. В основе их постмодерной толерантности как способности адаптироваться к существованию в социуме различных систем нравственных представлений лежит традиционная «цярплівасць» (терпение) – общепризнанная особенность белорусского национального характера.

Таким образом, в современном белорусском обществе функционируют две сопряженные системы нравственности: модерно-традиционная и неотрадиционная. Первая складывается в результате преобразования традиционной нравственности в обществах, осуществляющих социальную модернизацию, за счет включения в нее некоторых элементов модерна. Вторая же – результат вхождения белорусского общества в контекст глобализации и стремления избирательно и рефлексивно реактуализировать традиционные ценности. Общим для процессов модернизации традиционной нравственности и процессов неотрадиционализации является их субъект: рефлексивный автономный индивидуальный субъект моральной регуляции.

Литература

1. Бабосов, Е. М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е. М. Бабосов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Право и экономика, 2005. – 229 с.
2. Кириенко, В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В. В. Кириенко ; Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого. – Гомель : Изд-во ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 321 с.
3. Климович, А. В. Динамика жизненных ценностей студенческой молодежи / А. В. Климович // Философские проблемы образования и воспитания студенческой молодежи : материалы Республик. науч.-практ. конф., Брест, 22–23 апр. 2009 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под ред. В. А. Степановича, П. П. Круся, А. В. Климович. – Брест, 2009. – С. 46–51.
4. Климович, А. В. Особенности формирования ценностного содержания мировоззрения студенческой молодежи / А. В. Климович, Л. В. Перевалова // Системная трансформация общества: инновации и традиции : сб. науч. тр. кафедр соц.-гуманитар. наук / под ред. И. И. Акинчица. – Брест, 2012. – Вып. IX. – С. 94–97.

5. Мадюкова, С. А. Феномен социокультурного неотрадиционализма / С. А. Мадюкова, Ю. В. Попков ; под ред. Е. А. Тюгашева. – СПб. : Алетей, 2011. – 132 с.

6. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность : Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларуская навука, 2012. – 202 с.

7. Титаренко, Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе / Л. Г. Титаренко ; Республик. ин-т высш. шк. – Минск : Изд-во РИВШ, 2006. – 144 с.

В современном белорусском обществе функционируют две сопряженные системы нравственности: модерно-традиционная и неотрадиционная. Первая складывается в результате преобразования традиционной нравственности в обществах, осуществляющих социальную модернизацию, за счет включения в нее некоторых элементов модерна. Вторая же – результат вхождения белорусского общества в контекст глобализации и стремления сохранить традиционные ценности путём их избирательной рефлексивной реактуализации. Общим для процессов модернизации традиционной нравственности и процессов неотрадиционализации является их субъект: рефлексивный автономный индивидуальный субъект моральной регуляции.

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

О. П. БУРКО

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В настоящее время уделяется большое внимание модернизации системы образования путем перехода от академического подхода в обучении к компетентностному, который предполагает не только получение знаний, но и умение использовать имеющуюся информацию и находить недостающую при решении проблем, возникающих в познавательной деятельности при освоении современных технологий и технических устройств, при взаимодействии с другими людьми и оценке собственных поступков. Поэтому к числу приоритетных задач относится подготовка компетентного, ответственного, готового к постоянному профессиональному росту, социально мобильного специалиста соответствующего уровня и профиля. В связи с этим, актуальным и значимым, на наш взгляд, становится развитие у будущих инженеров социальной компетентности, которая обеспечивает продуктивную адаптацию в трудовом коллективе, позволяет работнику выработать эффективные приемы общения и взаимодействия, находить оптимальные алгоритмы для решения нестандартных задач и проблемных ситуаций.

Анализ современных исследований позволяет утверждать, что в настоящее время традиционные подходы к организации образовательного процесса в университетах не обеспечивают необходимый уровень развития социальной компетентности у будущих специалистов технических специальностей [1; 2]. Экспертный опрос руководителей предприятий (21 респондент), в штате которых имеются выпускники Брестского государственного технического университета (БрГТУ), и выпускников университета (29 респондентов) показал, что у молодых специалистов часто возникают трудности в профессиональном общении с

коллегами (10%), отсутствует умение в публичных выступлениях (19%). Молодые специалисты демонстрируют неуравновешенное поведение, предъявляют завышенные, часто неадекватные требования к коллегам (10%), не умеют совместно решать вопросы с коллегами в рамках одного проекта (10%), что свидетельствует о недостаточно развитой социальной компетентности. Противоречие между возможностями молодых специалистов и требованиями руководителей определяет необходимость разработки подходов и апробации новых технологий развития социальной компетентности на протяжении всего периода обучения в университете и обуславливает актуальность нашего исследования.

Анализ сущности категорий «компетентность»/«компетенция» показывает, что сегодня в области психологии и педагогики существуют разные характеристики этих понятий (А. В. Хуторской, 2003, Э. Ф. Зеер, 2005, И. М. Осмоловская, 2006, Д. П. Заводчиков, 2007, А. П. Лобанов, Н. В. Дроздова, 2010 и др.).

С нашей точки зрения, принципиальное отличие данных научных категорий состоит в том, что компетенция отражает знания и опыт в определенной области, степень осведомленности специалиста, а компетентность – владение компетенциями. Соответственно компетентность специалиста в целом представляет собой систему социальных и личностных компетенций, отрефлектированную и присвоенную им в ходе профессиональной деятельности.

За последние десятилетия проблема компетентности специалиста исследуется разносторонне: определяется сущность и характеристики компетентности (Н. П. Анисимов, А. А. Бодалев, В. А. Бодров, А. А. Деркач, Е. М. Иванова, Э. Ф. Зеер, А. И. Каптерев, Е. А. Климов, Л. Г. Лаптев, А. К. Маркова, В. А. Машин, Ю. П. Поваренков, Н. С. Пряжников, Е. С. Романова, А. И. Турчинов, В. Д. Шадриков и др.); рассматриваются механизмы формирования компетентности (А. В. Карпов, Е. А. Климов, Н. Ф. Талызина, В. Д. Шадриков, Р. В. Шрейдер и др.), описываются условия становления субъекта деятельности (Б. Г. Ананьев, Л. А. Голowej, Е. И. Степанова), исследуются прикладные особенности компетентности в различных видах профессиональной деятельности (А. А. Деркач, А. М. Зимичев, К. В. Кузьмина, А. Л. Реан, А. К. Маркова, Н. Н. Нечаев, А. П. Ситников и др.).

Анализ существующих исследований развития социальной компетентности у студентов учреждений высшего образования позволяет обозначить общее: во-первых, социальная компетентность представлена как интегративное качество личности (С. З. Гончаров, В. Н. Куницына, В. Ш. Масленникова, И. А. Зимняя), во-вторых, как социальное взаимодействие (Ю. Мель, Г. Тард, К. Фрей, В. М. Басова, Н. М. Кодищева), в-третьих, социальная компетентность характеризуется как результат деятельности и/или показатель достижений личности в определенном виде деятельности (М. Форд, Н. В. Калинина, М. И. Лукьянова).

Социальная компетентность современного специалиста представляет собой интегративный комплекс личностных свойств и качеств (когнитивных, мотивационно-ценностных, поведенческих), позволяющих субъекту деятельности осуществлять эффективное общение в условиях профессиональной деятельности [2, с. 52].

В 2017/2018 году нами было проведено исследование специфики проявления компонентов социальной компетентности у студентов-будущих инженеров в процессе обучения с помощью опросников: «Методика диагностики социального интеллекта (Дж. Гилфорда, М. Салливена)», «Шкала диагностики компе-

тентности социального взаимодействия Н. М. Кодинцевой», «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности, разработанный Т. В. Корниловой / Шкала толерантности к неопределённости Баднера», «Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» разработанный А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным» и методика «СУМО / Саморегуляция и успешность межличностного общения В. Н. Куницыной». В качестве методов математической статистики использовались однофакторный дисперсионный анализ и апостериорный критерий Дункана.

В исследовании принял участие 321 респондент (108 студентов I курса, 114 студентов III курса и 99 студентов V курса) в возрасте от 17 до 24 лет. Все испытуемые обучаются по специальности «Промышленное и гражданское строительство» в Брестском государственном техническом университете.

Сравнительный анализ результатов исследования позволил выявить статистически значимые различия между студентами I, III и V курсов по следующим переменным: шкалы опросника «Адаптивность» – достоверность ($F(2, 318)=3,27$; $p=0,039428$), нервно-психическая устойчивость ($F(2, 318)=3,04$; $p=0,049023$), моральная нормативность ($F(2, 318)=3,96$; $p=0,020107$) и личностно-адаптационный потенциал ($F(2, 318)=3,44$; $p=0,033353$); два субтеста методики «Социальный интеллект»: группы экспрессии ($F(2, 318)=4,26$; $p=0,014995$) и вербальная экспрессия ($F(2, 318)=5,85$; $p=0,003186$); две шкалы опросника СУМО: раскрытие, открытость в беседе ($F(2, 318)=3,32$; $p=0,037556$) и доверие к людям ($F(2, 318)=3,53$; $p=0,030460$); а также фактор «Толерантность к неопределенности» опросника Т. В. Корниловой ($F(2, 318)=3,08$; $p=0,047406$).

Рассмотрим полученные результаты более подробно. По переменной «Достоверность» статистически значимо различаются студенты I и III курсов ($p=0,017088$), а именно, ответы третьекурсников по тесту «Адаптивность» ($M=3,17$) оказались более достоверными, чем ответы первокурсников ($M=4,00$).

По показателю «Нервно-психическая устойчивость» значимо отличаются друг от друга студенты I и III курсов ($p=0,035193$). Учитывая, что по опроснику «Адаптивность» больший балл соответствует меньшей выраженности свойства, следует говорить о большей нервно-психической устойчивости первокурсников ($M=29,21$) в сравнении с третьекурсниками ($M=33,34$) (рис. 1).

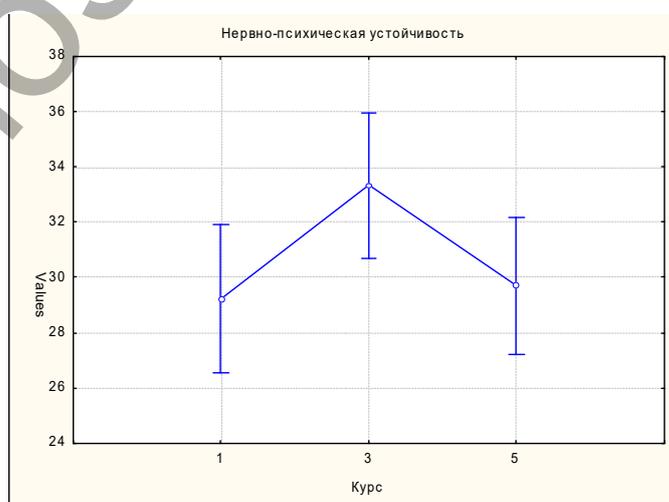

Рисунок 1 — Динамика средних и доверительных интервалов (95,00%) по переменной «Нервно-психическая устойчивость»

По переменной «Моральная нормативность» первокурсники статистически значимо отличаются как от третьекурсников ($p=0,015215$), так и от пятикурсников ($p=0,022732$). Студенты I курса более ориентированы на общепринятые нормы, реальнее оценивают свою роль в коллективе ($M=8,51$), чем студенты III ($M=9,56$) и V ($M=9,45$) курсов (рис. 2).

Рисунок 2 — Динамика средних и доверительных интервалов (95,00%) по переменной «Моральная нормативность»

В целом «Личностно-адаптационный потенциал» оказался значимо выше у студентов I курса по сравнению со студентами III курса ($M=50,39$ и $56,67$ соответственно при $p=0,015007$). Первокурсники легче адаптируются к новым условиям деятельности, быстрее входят в новый коллектив, свободнее ориентируются в ситуации, менее конфликтны, обладают более высокой эмоциональной устойчивостью, чем третьекурсники.

Способность быстро и правильно понимать речевую экспрессию в контексте той или иной ситуации, конкретных взаимоотношений, которая измеряется субтестом «Вербальная экспрессия», оказалась значительно выше у студентов III курса ($M = 8,28$) при $p=0,001151$, в то время как у студентов I и V курсов данная способность зафиксирована в более низких значениях (рис. 3).

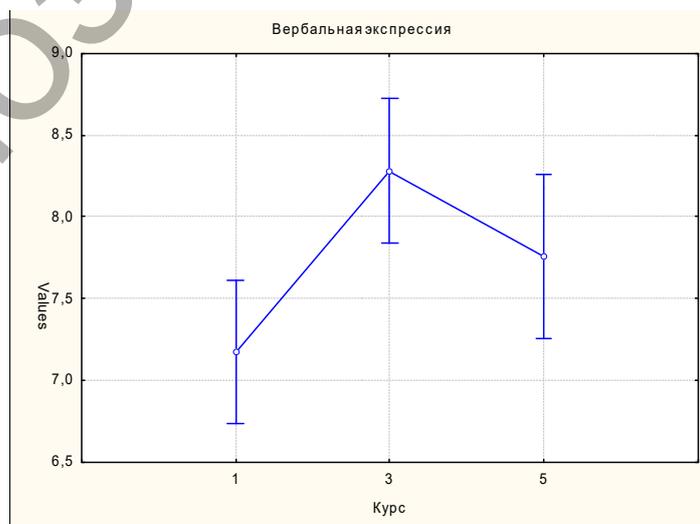

Рисунок 3 — Динамика средних и доверительных интервалов (95,00%) по переменной «Вербальная экспрессия»

Как видно из рисунка 3, студенты III курса по сравнению со студентами I и V курсов обладают более высокой чувствительностью к характеру и специфике человеческих взаимоотношений, что помогает им быстро и правильно понимать речевую экспрессию, смысл и содержание информации в контексте определённой ситуации, конкретных взаимоотношений. Они способны находить соответствующий тон общения с собеседниками в различных коммуникативных ситуациях, имеют бóльший репертуар ролевого поведения (то есть склонны проявлять ролевую пластичность).

В то же время следует отметить, что способность студентов правильно оценивать состояния, чувства, намерения партнёров по их невербальным реакциям, мимике, позам, жестам, которая измеряется субтестом «Группы экспрессии», линейно возрастает от I к V курсу ($M = 6,79—7,54$, при $p=0,038221$ и $p=0,006312$) (рис. 4).

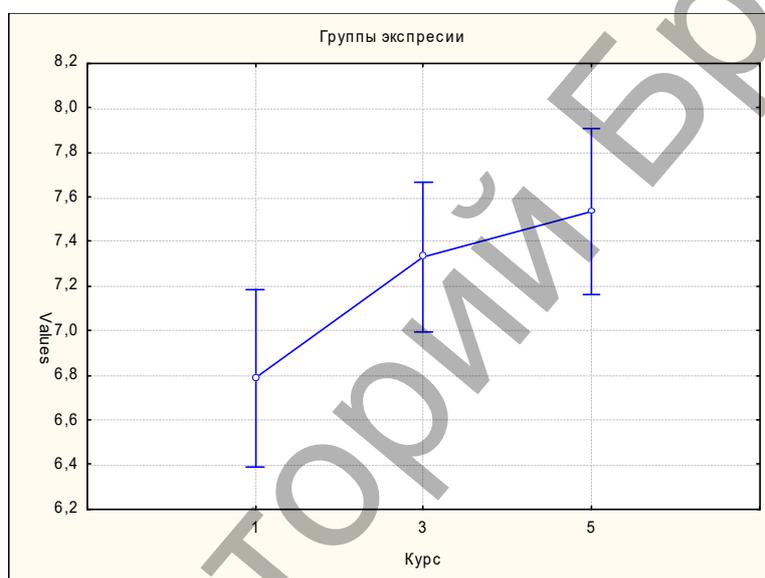

Рисунок 4 — Динамика средних и доверительных интервалов (95,00%) по переменной «Группы экспрессии»

В исследовании было зафиксировано значительное снижение показателей по переменным «Раскрытие и открытость в беседе» и «Доверие к людям» у испытуемых V курса, что требует дополнительного внимания исследователей. Тем не менее можно предположить, что это обусловлено изменением социальной среды и регламента межличностного взаимодействия в связи с окончанием обучения в университете и началом (или ожиданием) профессиональной деятельности.

Стремление к изменениям и склонность к переживанию чувства новизны и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений нарастают постепенно, от курса к курсу, что приводит к эффекту возникновения гораздо более высокого уровня толерантности к неопределенности у выпускников по сравнению со студентами первого года обучения ($M=57,40$ и $53,45$ соответственно при $p=0,017807$) (рис.5).

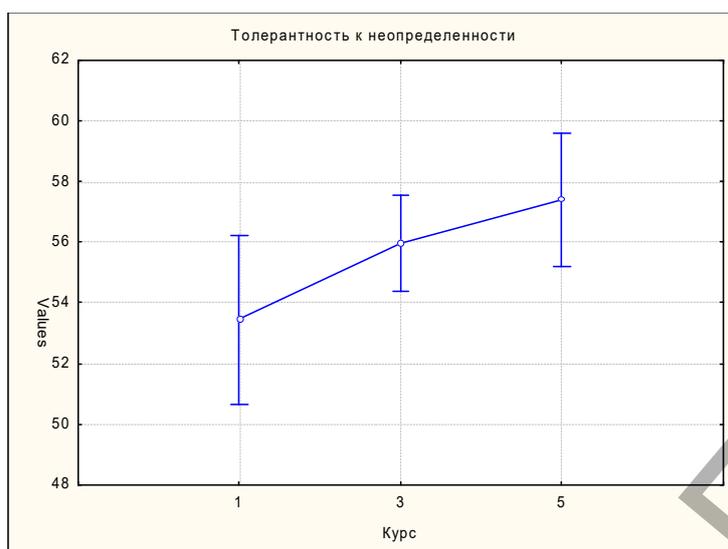

Рисунок 5 — Динамика средних и доверительных интервалов (95,00%) по переменной «Толерантность к неопределенности»

Таким образом, проведённое исследование показало наличие ряда динамических тенденций в проявлении компонентов социальной компетентности у студентов на разных этапах обучения. Анализ полученных данных позволяет утверждать, что образовательный процесс учреждения высшего образования создаёт условия для формирования значимых характеристик социальной компетентности. В то же время результаты исследования показывают, что существует необходимость системной работы по развитию социальной компетентности у студентов. Перспективными направлениями являются: внесение соответствующих дополнений и изменений в содержание существующих программ, разработка и апробация спецкурсов по выбору, включающих технологии развития социальной компетентности студентов с учётом требований к профессиональным компетенциям в рамках получаемой специальности.

Литература

1. Бурко, О. П. Анализ удовлетворённости потребителей учреждения образования «Брестский государственный технический университет» / О. П. Бурко, Ю. Д. Данилов, Е. Г. Кудрицкая // Вестник БрГТУ. — 2017. — № 3 (105). — С. 120—125.
2. Бурко, О. П. Мониторинг качества образовательных услуг в учреждении высшего образования / О. П. Бурко, Ю. Д. Данилов, Е. Г. Кудрицкая // Сборник материалов Международного конкурса курсовых, научно-исследовательских и выпускных квалификационных работ (25 января 2018 года) «Научные и творческие достижения в рамках современных образовательных стандартов». — Кемерово : ЗапСибНЦ, 2018. — С. 115—119.
3. Бакунович, М. Ф. Характеристики социального интеллекта студентов технических специальностей на разных этапах образовательного процесса / М. Ф. Бакунович, О. П. Бурко // Адукацыя і выхаванне. — 2018. — № 9 (321). — С. 50—57.

В статье проанализированы научные подходы к определению социальной компетентности, рассмотрены результаты эмпирического исследования социальной компетентности у студентов-будущих инженеров на разных этапах образовательного процесса. Полученные данные позволяют определить направления дальнейших исследований феномена «социальная компетентность» и могут быть использованы при разработке программ и технологий развития социальной компетентности в образовательном процессе.

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О. П. БУРКО, Ю. Д. ДАНИЛОВ, Е. Г. КУДРИЦКАЯ
*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В связи с вступлением Беларуси в единое европейское образовательное пространство, которое требует унификации процессов и гарантии качества образования, одним из основных направлений модернизации в сфере высшего образования является повышение результативности профессиональной подготовки специалистов.

В ст. 1 Кодекса Республики Беларусь об Образовании качество образования определяется как «соответствие образования требованиям образовательного стандарта, учебно-программной документации соответствующей образовательной программы» [1]. С наличием этих стандартов становится возможной объективизация оценки качества образования, появляются критерии для оценки показателей, характеризующих различные аспекты учебной деятельности учреждения высшего образования: содержание образования, формы и методы обучения, материально-техническая база, кадровый состав и т. п., которые в целом обеспечивают развитие компетенций студентов.

В Брестском государственном техническом университете (БрГТУ) в 2005 году был сформирован Отдел менеджмента качества образования. Его основными задачами являются:

- разработка мероприятий, направленных на постоянное обеспечение и улучшение качества высшего образования;
- координация и проведение работ по разработке, внедрению и поддержанию в рабочем состоянии, совершенствованию системы менеджмента качества в соответствии с требованиями СТБ ISO 9001;
- разработка методов обеспечения управления качеством;
- анализ результатов деятельности университета по качеству [2].

Одним из условий, позволяющим решать поставленные задачи, является проведение комплекса исследований по оценке удовлетворенности потребителей качеством образовательных услуг. В БрГТУ работа в данном направлении осуществляется с 2011 года социопсихологической лабораторией кафедры гуманитарных наук.

Для оценки уровня удовлетворенности в исследованиях применяются элементы теории ожиданий (проведение измерений ожиданий потребителя относительно качества образовательной услуги и восприятия качества фактически потребленной услуги) и шкальный метод оценки степени важности характеристик образовательной услуги потребителем. При этом результаты, согласно стандарту учреждения высшего образования, определяются через оценку индекса удовлетворенности внешних и внутренних потребителей и выведение балльных показателей. Комплекс исследований нацелен на решение двух основных задач:

1) диагностирование качества процесса предоставления образовательных услуг (формы и содержания образовательного процесса, мотивационных факторов, информационно-методического и материально-технического обеспечения качества подготовки специалистов, научной деятельности и т. п.);

2) совершенствование организации образовательного процесса и разработка рекомендаций и практических мероприятий для подразделений университета по повышению качества предоставляемых образовательных услуг с учетом требований потребителей.

Это позволяет составить динамическую картину показателей уровня удовлетворенности для различных категорий потребителей, классифицировать их по сопоставляемым показателям и выявить определенные тенденции в переменах [3].

Комплекс исследований проводится с помощью анкетирования среди таких групп потребителей: магистранты; аспиранты; слушатели ИПКиП; профессорско-преподавательский состав и сотрудники университета; выпускники; студенты; руководители предприятий, в штате которых имеются выпускники БрГТУ; слушатели подготовительного отделения; абитуриенты. Обработка данных осуществляется в программе MS Excel и методом линейной статистики.

Коэффициент удовлетворенности определяется в соответствии со стандартом «Оценка удовлетворенности потребителей» СТУ (ДП) СМК БрГТУ 9.1.2-01-2018 рассчитывается по формуле: $K (\%) = A * 100 / B$, где A – число респондентов, ответивших на вопрос, B – общая выборка респондентов, участвовавших в исследовании. Оценка удовлетворенности потребителей качеством образовательных услуг производится по следующей шкале: $K < 30\%$ – качество образовательных услуг оценивается как неудовлетворительное; $30\% \leq K < 50\%$ – как удовлетворительное; $50\% \leq K < 80\%$ – как хорошее; $K \geq 80\%$ – как отличное [4].

Комплексное исследование 2019 года показало следующие результаты.

Магистранты в подавляющем большинстве положительно оценили деятельность научных руководителей, содержание преподаваемых дисциплин, качество их преподавания, профессиональный уровень и компетентность преподавателей, уровень учебных и методических материалов.

Полученные результаты исследования позволяют утверждать о наличии высокой мотивации магистрантов и востребованности данного подразделения университета как образовательного центра в западном регионе страны. 59% магистрантов указали, что основной причиной их обучения в магистратуре является желание иметь «диплом и степень магистра», 55% участников опроса связывают это с реальной возможностью самореализации в будущей профессиональной деятельности.

Рейтинг оценок качества преподавания в магистратуре (средний балл) демонстрирует повышение по сравнению с прошлыми годами и остается на высоком уровне (87%). Результаты опроса по данной позиции коррелируют с показателями оценки профессионального уровня и компетентности преподавательского состава, а также оценками, полученными в ходе исследований по иным выборкам, которые также остаются высокими на протяжении всего времени проведения исследований.

Особый интерес представляют результаты опроса по проблеме будущей профессиональной самореализации магистрантов. Например, по сравнению с прошлогодним исследованием было отмечено трехкратное увеличение количе-

ства тех, кто планирует после окончания магистратуры поступать в аспирантуру. Также увеличилось количество магистрантов, которые в перспективе планируют заниматься научной деятельностью (без указания конкретных шагов реализации данного плана). Это позволяет утверждать о повышении престижа научной и преподавательской деятельности среди участников исследования.

Вместе с тем, отмечено резкое снижение (на 19%) мотивации и заинтересованности *аспирантов* к ведению научной деятельности по сравнению с предыдущими исследованиями, хотя квалифицированное большинство (91%) респондентов ответили, что удовлетворены результатами своей научной деятельности. Данное противоречие можно интерпретировать как свидетельство к понижению собственной требовательности и ответственности обучающихся за результаты своего труда.

Важным показателем исследования степени удовлетворенности аспирантов являются результаты ответов на вопросы, касающихся позитивных и негативных факторов, влияющих на продуктивность научной работы.

В опросе-2019 до 55% возросло количество аспирантов, которые выразили свою удовлетворенность информационной обеспеченностью и доступностью информационных ресурсов, что несомненно свидетельствует о результативности проводимых в этом направлении мероприятий.

Было установлено также смещение акцентов мотивации обучения в аспирантуре в связи перспективами будущей работы. Ожидания практически половины опрошенных связаны с возможностью своей будущей работы в качестве преподавателя университета.

Параметр позитивного отношения *слушателей ИПКиП* к обучению, по сравнению с его начальным периодом, увеличился практически в 1,5 раза по отношению к прошлогодним результатам, что говорит об имеющей место тенденции повышения положительного отношения участников опроса к учебе от момента ее начала и до завершения.

Исследование показало, что 88% *сотрудников и профессорско-преподавательского состава* демонстрируют удовлетворенность созданными в БрГТУ условиями для работы. По-прежнему высоким является балл, характеризующий психологический климат в коллективе – 7,7.

Подавляющее большинство преподавателей (84%) удовлетворены тем, каким образом распределена учебная нагрузка. Как и в прежние годы, их подавляющее число (97%) положительно оценивают свои отношения, складывающиеся с руководителями различных уровней. Это позволяет говорить о зрелости и профессиональной готовности руководящего состава выполнять свои служебные обязанности на высоком организационном уровне и обеспечивать необходимую атмосферу для работы сотрудников учебного заведения. Главным источником формирования негативного отношения к профессии у преподавателей по-прежнему остается низкий уровень оплаты труда. Кроме того, на уровень удовлетворенности в большей степени влияют: размер премий; качество взаимодействия с администрацией по актуальным вопросам совершенствования деятельности учебного заведения; уровень материального обеспечения учебного процесса.

Анализ результатов подтверждает наличие у *выпускников* тенденции повышения интереса к выбранной специальности в процессе обучения – 79% участников опроса демонстрируют высокий уровень профессиональной мотивации.

На высоком уровне сохраняется удовлетворенность выпускников качеством работы библиотеки, обеспеченностью учебно-методической литературой, состоя-

нием аудиторного фонда, обеспечением проведения лабораторных работ, компьютерами. Эти показатели во многом коррелируют и со значениями, полученными в опросах иных категорий респондентов – магистрантов, аспирантов, студентов.

Вместе с тем, отмечается снижение уровня безоговорочной удовлетворенности качеством проведения практик (при общем показателе неудовлетворенности в 28%). Очевидно, что проблемы в организации практик, как важнейшего компонента профессиональной подготовки специалистов, очевидны и требуют скорейшего принятия мер по разрешению.

Результаты исследования позволяют констатировать, что выпускники на протяжении уже нескольких лет переживают острый период неуверенности по поводу своего трудоустройства, правильности выбранной специальности, других направлений социализации, хотя при сопоставлении показателей с данными предыдущих опросов отмечается тенденция повышения уровня удовлетворенности *студентов* качеством предоставляемых образовательных услуг по многим параметрам.

В частности, у студентов университета с момента поступления в БрГТУ отмечается тенденция устойчивого повышения интереса к выбранной специальности и растет совокупный показатель полной удовлетворенности содержанием и уровнем преподаваемых дисциплин. Кроме того, повышается степень удовлетворенности учебно-методической базой обучения в университете, возрастает количество позитивных оценок работы библиотеки, обеспеченности учебно-методической литературой, санитарных условий в помещениях, методическим обеспечением лабораторных работ, компьютерным оснащением, организацией научно-исследовательской работы и собственной профессиональной подготовкой по избранной специальности;

В целом *работодатели* удовлетворены всеми параметрами подготовки специалистов, которые были предложены к оценке по программе исследования. Респонденты положительно оценили уровень теоретических знаний, практических умений и навыков выпускников БрГТУ и выразили готовность к дальнейшему сотрудничеству.

Результаты подтвердили тренд к сдвигу оценок работодателей в сторону от чисто технократического подхода в понимании значимости компетенций выпускников. Преобладающее значение у работодателей приобретают общекультурные, организационно-распорядительные и нравственные качества, формируемые в рамках социально-гуманитарного блока содержания образования.

Положительным фактом является то, что основной причиной обучения на подготовительных курсах остается стремление *слушателей подготовительного отделения* получить высшее образование именно БрГТУ (84%).

В области общей оценки качества подготовки слушателей следует особо отметить следующие показатели: 99% удовлетворены расписанием занятий, 98% – содержанием занятий, 99% респондентов выразили свое удовлетворение уровнем учебно-методической базы.

Значительная часть *абитуриентов*, как и в прошлые годы, мотивируют свой выбор (БрГТУ) высоким качеством образования. Кроме того, несколько возросла оценка такого мотивирующего фактора, как профессионализм преподавателей. Остальные позиции по оценке абитуриентов практически полностью сохранили результаты прошлых лет. 8% респондентов в качестве своей будущей

профессии избрали научную деятельность. Учитывая снижение результатов по таким позициям, как «учеба ради веселой студенческой жизни», можно утверждать о повышении ответственности поступающих в университет за свой выбор профессии в целом и учебного заведения для ее получения в частности.

В целом общая оценка удовлетворенности всех категорий потребителей БрГТУ является положительной. Ситуация в университете стабильная, происходят положительные изменения в техническом обеспечении университета, повышается профессионализм преподавательского состава, улучшается качество образования. Подразделениями учитываются все значимые студенческие предложения, которые способствуют улучшению учебного процесса в целом, появляется возможность прямого диалога между работодателем, преподавателем и студентом, что положительно сказывается на всем процессе обучения.

Удовлетворенность образовательными услугами всех групп потребителей изучается, анализируется, на основании этого предпринимаются корректирующие действия и планируются мероприятия по улучшению качества образования.

Таким образом, организованный комплекс исследований дает объективную характеристику состояния учреждения высшего образования, диагностирует его потенциал и конкурентоспособность. Анализ результатов позволяет выявить существующие недостатки в учебном процессе и организовать практическую деятельность по их устранению. Это способствует не только созданию и поддержанию репутации и имиджа университета, но и обеспечивает их положительную динамику на международном рынке образовательных услуг.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании: Кодекс Респ. Беларусь, 13 января 2011 г. №243-3: принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 декабря 2010 г.: в ред. от 26 мая 2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

2. Центр менеджмента качества образования / Брестский государственный технический университет [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.bstu.by/ru/sotrudnikam/sistema-menedzhmenta-kachestva-2/sistema-menedzhmenta-kachestva>. – Дата доступа: 27.05.2019.

3. Бурко, О. П. Мониторинг качества образовательных услуг в учреждении высшего образования / О. П. Бурко, Ю. Д. Данилов, Е. Г. Кудрицкая // Научные и творческие достижения в рамках современных образовательных стандартов: сборник материалов Международного конкурса курсовых, научно-исследовательских и выпускных квалификационных работ (25 января 2018 года). – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2018. – С. 115–119.

4. Центр менеджмента качества образования. Документы СМК / Брестский государственный технический университет [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.bstu.by/ru/sotrudnikam/sistema-menedzhmenta-kachestva-2/dokumenty-smk>. – Дата доступа: 27.05.2019

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования удовлетворенности потребителей качеством образования в УО «БрГТУ», которое проводилось среди магистрантов; аспирантов; слушателей ИПКиП; профессорско-преподавательского состава и сотрудников университета; выпускников; студентов; руководителей предприятий, слушателей подготовительного отделения; абитуриентов. Авторами проведен глубокий и систематизированный анализ проблемы в области образовательной деятельности университета, сделаны практические выводы, позволяющие совершенствовать деятельность университета в области качества образования.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

В. Н. ВАРИЧ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Специфика современного общества во многом определяется интенсивным развитием средств массовой коммуникации и информационных технологий, благодаря которым происходит постоянная интенсификация межкультурного взаимодействия. Анализируя особенности западной культуры конца XX века, Э. Тоффлер в книге «Третья волна» выделяет три периода в развитии цивилизации. Первая волна – аграрная (до XVIII века), вторая – индустриальная (до 1955 г.) и третья – постиндустриальная, в которой ведущая роль переходит к информационно-коммуникационным технологиям, воздействующим на все структуры общества, на образ жизни и сознание людей. По Тоффлеру, в обществах третьей волны формируется новый кодекс поведения, который уводит западного человека от стандартизации, синхронизации, централизации и концентрации энергии, сил и денег. «Новая цивилизация имеет свое специфическое мировоззрение, свои способы контакта со временем, пространством, логикой и причинно-следственными связями, а также собственные принципы управления будущим» [1, с. 254]. Поскольку ведущую роль в новой цивилизации играют информационно-коммуникационные технологии, постольку новое общество Тоффлер называет информационным и в числе его значимых признаков называет изменение отношения к информации. Во-первых, она воспринимается не только как средство коммуникации или как товар, но и как стимулятор творческих сил и поисков, а постоянное взаимодействие с компьютером учит человека ориентироваться в глобальных потоках информации. Во-вторых, человек из пассивного потребителя массовой культуры превращается в активного производителя ее возможностей на своих индивидуальных электронных устройствах. Аудитория средств массовой коммуникации отныне сама манипулирует информационными средствами, что приводит к разделению массовой культуры на сегменты (своего рода коммуникационные «ниши») и ее более глубокой дифференциации.

В таком обществе происходит перестройка основных принципов западной цивилизации: на смену стандартизации приходят многообразие и плюрализм; осуществляется децентрализация структурных связей в производстве, политике и культуре; выстраивается новая социальная иерархия, состоящая из многофункциональных ячеек, имеющих ситуативный характер; размываются прежние социальные структуры. Вместе с тем нарастание темпов социального развития, опережающее развитие информационно-компьютерных технологий по отношению к возможностям ресоциализации, а также экспоненциальный рост новаций и многообразия приводит к разрыву культурной преемственности и утрате фундаментальных ценностно-смысловых оснований духовной культуры: «В бездумной гонке за новизной нам не дает покоя все возрастающее чувство недостаточности, неудовлетворенности и неуверенности. Мы разучились жить тем, что имеем, но живем ожиданием новых ощущений, живем не в свете настоящего дня, но в сумерках будущего», – отмечает К. Г. Юнг и продолжает:

«... отдельный человек теряет навсегда последние родовые корни и инстинкты, превращаясь лишь в частицу в общей массе...» [2, с. 32]. Ситуация усугубляется тотальным проникновением перманентного информационного потока в частную и публичную жизнь индивида, который в конечном итоге оказывается неспособным провести внятную границу между собой и информационной средой. Возникает своего рода «экстаз коммуникации» (Ж. Бодрийяр), который приводит к социальной инерции, охватывающей все сферы и структуры общества.

Благодаря усилению межкультурной коммуникации в конце предыдущего и в первых десятилетиях нынешнего века культура современного западного общества приобретает значительное влияние во всем мире. Она принципиально отличается от классической гуманитарной культуры, ориентация на ценности и достижения которой была одним из основополагающих принципов всех образовательных и воспитательных программ. Гуманитарная культура, сложившаяся в Новое время, характеризовалась тем, что ее средоточием были некоторые основные ценности и главные темы размышлений в отличие от ценностей менее значимых и мелочей повседневной жизни. В ней выстраивалась иерархия идей и система обосновываемых ими ценностей, а восприятие мира индивидом соотносилось со своего рода «сетью» знаний, образованной маршрутами мысли, «ходить» которыми с помощью логической дедукции и формальных рассуждений обучали в школах и в университетах. Благодаря распространению классического образования культурной нормой стала такая ситуация: возникает мысль – подыскиваются слова для ее выражения, а затем выстраивается непротиворечивая, последовательная и обоснованная цепочка рассуждения.

В современном мультикультурном мире, пронизанном непрерывно воспроизводимыми информационными потоками, ситуация приобретает зеркальный характер. Вначале происходит знакомство с «пустыми» словами (сообщениями, картинками, сюжетами) и только потом (в лучшем случае) – обрастание их смыслом. Логические иерархии, восходящие к традициям аристотелевской логики, не имеют прежней цены ни в образовании, ни в повседневной деятельности. Современный человек открывает для себя мир по законам случая, в процессе проб и ошибок, остается на поверхности явлений, получая случайные впечатления более или менее сильно воздействующих на него фактов, не прилагая к их восприятию ни умственных усилий, ни критического анализа. «Мы будем называть эту культуру *мозаичной*, потому что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.)» [3, с. 45].

С учетом сказанного возникает закономерный вопрос: какую роль в формировании ценностных структур современного общества играет межкультурная коммуникация? Если исходить из ее общепринятых определений, то межкультурную коммуникацию можно охарактеризовать следующим образом: 1) это адекватное взаимное понимание двух или более участников коммуникации, которые принадлежат к различным культурам; 2) коммуникативное взаимодействие людей, которые осознают себя носителями различных культур (или субкультур) и выступают в качестве их представителей; 3) взаимодействие представителей различных культур не только на абстрактно-рефлексивном, но и на

поведенческом уровне. В рамках первого определения можно говорить лишь о ситуативной межкультурной коммуникации, в то время как большинство длительных контактов культур происходит осознанно и деятельно. Вместе с тем «мозаичная культура», о которой писал А. Моль более сорока лет назад, не предполагает ни рационального осмысления, ни сколько-нибудь длительной рефлексии. Поэтому традиционное понимание межкультурной коммуникации как процесса, который происходит если не по рациональному решению всех сторон взаимодействия, то в силу каких-либо объективных причин экономического, социального или политического характера, вряд ли применимо к анализу современной массовой коммуникации.

Относительно же традиционного или вообще любого общества с развитой доминирующей культурой вполне можно соглашаться с утверждением о том, что культурные явления имеют объективный характер, то есть существуют вне сознания отдельного человека и независимо от этого сознания. Справедливым для монокультурных обществ представляется и мнение В. П. Зинченко об универсалиях культуры: «Человек не связан ими, он должен не просто принять, а утвердить их для себя. Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» [4, с. 91]. В этом ключе формирование ценностной системы – как отдельного человека, так и социальной группы любого масштаба – представляет собой двусторонний процесс: ценностную активность субъекта и социализирующее воздействие различных социальных институтов и образований. При этом ценности личности, по распространенной классификации М. Рокича, подразделяются на базовые (терминальные) и инструментальные. Базовые ценности – это убеждения в том, что какая-либо цель индивидуальной жизни заслуживает того, чтобы к ней стремиться. Инструментальные ценности – это представления о том, что какой-либо образ действий предпочтителен для достижения указанной цели или (шире) должен реализовываться в любой ситуации. Общее число ценностей, значимых для человека, сравнительно невелико, поэтому ценности у всех людей сходны, хотя отношение к ним может быть более или менее заинтересованным.

Ценностная иерархия конкретного человека обусловлена его личным психологическим и житейским опытом, кругом общения, субъективными предпочтениями и даже пресловутым «ценностным чувством», о котором писали и Э. Гартман, и М. Шелер. Однако не менее важными детерминантами являются те культурные нормы и образцы, которые воспринимаются личностью и переводятся в плоскость собственных убеждений и ценностных ориентаций в процессе социализации. Двойственная обусловленность ценностной системы личности коррелирует с ее функциональным значением. С одной стороны, усвоенные и адаптированные человеком ценности позволяют ему успешно взаимодействовать с другими членами общества, достигать желаемого социального статуса и культурной идентификации. С другой стороны, эти же ценности становятся той основой, исходя из которой, он оценивает свои мысли и поступки, проявляя таким образом качества зрелой сформировавшейся личности: «Система ценностных ориентаций индивида формируется на высшем уровне развития личности (ее зрелости), регулируя поведение и деятельность личности в наиболее значимых ситуациях ее социальной активности» [5, с. 85]. Таким образом, ценностная иерархия личности выступает как опосредованное отражение и ин-

дивидуальная трансформация ценностной системы общества, но и сама личность активно участвует в социальных отношениях, тем самым участвуя в формировании иерархии социальных ценностей.

Все тезисы о взаимной обусловленности личных и социальных ценностей предполагают наличие общезначимой и принимаемой большинством членов общества ценностной системы. В современном трансформирующемся мире, образовавшем в информационном и культурном смысле «глобальную деревню» (термин канадского культуролога М. Маклюэна), такую систему выявить весьма затруднительно. И если основой межкультурной коммуникации является «взаимодействие базовых элементов культуры: ценностей, норм, установок, языковых кодов» [6], то возникает вопрос, происходит ли это взаимодействие в современном медиaprостранстве, которое характеризуется упомянутой выше «мозаичностью», фрагментарностью и ситуативностью. Впрочем, межкультурное взаимодействие, осуществляемое посредством мобильных и стационарных телекоммуникационных средств, – это лишь из форм межкультурной коммуникации, которая, тем не менее, является важнейшим фактором становления ценностного сознания личности в современном мире. Поскольку в информационном пространстве нет той самой социокультурной таблицы (термин А. Моля), через которую личность ранее воспринимала мир и оценивала его, постольку не приходится говорить о формировании в процессе подключения к нему сколько-нибудь устойчивой системы ценностей. Возможно, именно поэтому для ценностного сознания современных молодых людей характерны амбивалентность, эклектичность, нестабильность, сочетание противоположных оценок, преобладание индивидуальных ценностей над общезначимыми и инструментальными – над базовыми [см. 7, с. 90].

Литература

1. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер // Апокалипсис смысла: Сборник работ западных философов XX-XXI веков. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.
2. Юнг, К. Г. Аффект цивилизации / К. Г. Юнг // Юнг К. Г., Фуко М. Матрица безумия. – М.: Алгоритм, 2007. – 384 с.
3. Моль, А. Социодинамика культуры: пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. – изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
4. Зинченко, В. П. Ценности в структуре сознания / В. П. Зинченко // Вопросы философии. – 2011. – № 8. – С. 85-98.
5. Елишев, С. О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» / С. О. Елишев // Вестник Московского университета. – Сер. 18. Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 74-90.
6. Селюжицкая, Л. Н. Основные модели межкультурной коммуникации и их влияние на межкультурное общение / Л. Н. Селюжицкая // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции, Пинск, 12 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/14566/1/Seliuzhitskaia_LN_Osnovnye%20modeli%20mez%20hkul%27turnoi%20kommunikatsii.pdf. – Дата доступа: 18.05.2019.
7. Петров, А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений / А. В. Петров // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 83-90.

В статье рассматриваются особенности межкультурной коммуникации в информационном обществе и те ее стороны, которые оказывают влияние на сформированной ценностной системы личности.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

И. В. ВАШКЕВИЧ

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Беларусь*

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) оказывают значительное влияние на современное общество. Под воздействием ИКТ происходит трансформация экономической, социальной и политической системы. Знания и информация становятся капиталом нового типа, важнейшим ресурсом власти, на фоне которого сила и материальные ресурсы несколько утрачивают свое значение, хотя, разумеется, не обесцениваются полностью.

Свидетельством интенсивного воздействия ИКТ на политическую систему является появление ряда принципиально новых понятий: «кибердемократия», «цифровая демократия», «компьютеро-опосредованная политическая коммуникация» и др. Трансформация политических систем в современных демократиях позволяет рассуждать о начавшемся переходе от парламентарно-представительских систем к так называемым медиапредставительским [1, с. 105].

Теория «нового государственного управления», нацеленная на модернизацию исполнительной власти путем внедрения в ее работу методов корпоративного управления, основанных на ИКТ, воздействует на формирование концепции государства, существующего в условиях информационного общества. Политико-властные отношения в информационном обществе приобретают более открытый (по сравнению с индустриальной эпохой) характер. Это, в частности, выражается в использовании ИКТ в системе государственного управления путем создания «электронного правительства» с целью повышения эффективности деятельности государства. «Электронное правительство» предусматривает: перевод государственных органов на электронное делопроизводство; введение пластиковых карт для идентификации государственных служащих; перенесение в сеть Интернет большинства транзакций между государством с одной стороны и гражданами либо юридическими лицами с другой; свободный доступ граждан к государственной информации [2, с. 12-13]. Иными словами, основой политической коммуникации становится электронная интерактивность, обеспечивающая общение граждан с высшими органами власти без посредников. В полной мере идея «электронного правительства» может быть реализована при налаживании коммуникации между законодательными, исполнительными и судебными органами, гражданами и их объединениями, коммерческими структурами, а также между ведомствами различных государств.

Процесс политизации киберпространства в условиях информационного общества выражается не только в виртуализации институтов демократии и взаимодействия общества с властью, но также сопровождается более интенсивным вовлечением граждан в политические процессы. Информационное общество предоставляет индивидам и социальным группам возможности для артикуляции своих интересов, например, через Интернет-пространство, создав группу по интересам в социальной сети, заведя свой блог на различных платформах

или разработав собственный сайт. Ввиду широкой информатизации общества оповещение о любом мировом событии становится доступным для миллионов пользователей. Артикуляция интересов с помощью информационных средств позволяет донести информацию до аудитории в формулировках, необходимых автору. Таким образом, снижается зависимость распространения информации от идеологии политических партий, общественных организаций или от редакционной политики СМИ. Граждане получают дополнительные возможности влияния на власть, участия в формировании и осуществлении функций государства [3, с. 69].

Движение человечества к информационному обществу актуализирует проблему переосмысления специфических признаков государства как основного института политической системы. Неотъемлемым признаком государства является суверенитет. Государственный суверенитет напрямую связан с его территорией. Однако государственные границы в глобальном виртуальном пространстве утрачивают свое значение. Таким образом, понятие «территориальности государственного суверенитета» вступает в противоречие с экстерриториальностью информационных потоков, когда речь идет о его осуществлении в информационной среде.

Массовые миграционные потоки людей, перемещение товаров, финансов и информации, являющиеся следствием глобализации, оказывают воздействие на сущность суверенитета, поскольку государства вступают во взаимодействие с другими субъектами. Ж. Кохен и К. Шиманн рассматривают процесс трансформации суверенитета как появление нового дуалистического суверенного режима и установление нового мирового порядка на основе плюралистической, а не монополистической концепции осуществления политической власти. В качестве примера трансформации суверенитета авторы приводят Европейский союз [4].

В сентябре 2000 г. под эгидой ООН в Канаде была учреждена Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. Комиссия декларировала, что в современном мире «никакой передачи или ослабления государственного суверенитета не происходит», однако меняется характер интерпретации суверенитета [5, с. 22]. Он понимается как ответственность государств по защите своего населения как внутри страны, так и на внешней арене. Такая концепция имеет тройное значение: 1) органы государственной власти несут ответственность за выполнение функции защиты безопасности и жизни граждан и содействие их благосостоянию; 2) национальные политические органы власти несут ответственность перед гражданами внутри страны и перед международным сообществом посредством ООН; 3) органы государства несут ответственность как за свои действия, так и за бездействие [5, с. 22]. В сентябре 2005 г. во время Всемирного саммита ООН все государства-члены официально признали принцип «ответственности за защиту». Это определение отражает изменения, вызванные процессом глобализации, что особенно важно для информационной сферы, учитывая ее экстерриториальность. Однако сегодня концепция «суверенитета как ответственности за защиту» находится в стадии идейного формирования и правового наполнения и вызывает неоднозначные оценки [4].

Развитие концепции суверенитета «как ответственности за защиту», а также интенсивное развитие ИКТ требуют научного переосмысления функций государства. Государство остается центром принятия общественно значимых решений, но все менее воспринимается как политический институт, обеспечивающий директивный контроль. Его функции видятся в предоставлении социальных гарантий, создании правовых основ жизнедеятельности общества, стимулировании прогресса во всех его сферах. Государство должно выступать в роли координатора деятельности различных субъектов информационного общества, целенаправленной политикой способствовать интеграции граждан, отстаивая при этом свои интересы в мировом информационном пространстве. В целом, можно согласиться с М. Кастельсом в том, что глобализация, рост влияния ТНК, тотальная информатизация формируют распределенную ответственность между государством и негосударственными субъектами (гражданским обществом и частным бизнесом) [6].

Построение «тотально информатизированных государств» требует пересмотра принципа разделения властей, который является важнейшим элементом в теории демократии. Как отмечает российский политолог В. Е. Чиркин, в работах современных американских исследователей вместо английского термина «division of powers» (разделение власти) все чаще используется термин «separation of powers» (размежевание властей), что, по его мнению, свидетельствует о крене понимания разделения властей в сторону распределения компетенций [7, с. 142]. Обоснованным представляется вывод российского исследователя С. А. Осетрова о том, что реализация государственной власти на всем протяжении истории свидетельствовала о все большей дифференциации ее функций, требовавшей усложнения государственного механизма, профессионализации системы государственного администрирования [8, с. 70]. Базой для формирования концепции электронного государства, основанного на взаимодействии и единстве электронного законотворчества, электронного правительства и электронного правосудия, стала классическая модель теории разделения властей. При этом функционирование «тотально информатизированного государства» предполагает соответствие технических решений уровню развития ИКТ. А с другой стороны, предусматривает обеспечение единства ветвей государственной власти с целью недопущения их изоляционизма. Формирование новой правовой отрасли – телекоммуникационного права – призвано преодолеть неэффективность применения единичных нормативно-правовых актов, статей кодексов и иных документов. В таком случае ИКТ будут служить делу охраны прав человека и станут частью механизма принятия правовых решений.

Таким образом, ИКТ изменяют как политические институты, так и формы, механизмы, технологии воздействия на мир политический, общество в целом, его сознание, способы исследования политической реальности.

Литература

1. Иванов, Д. Д. Развитие политической коммуникации в условиях совершенствования ее форм и каналов / Д. Д. Иванов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 2. – С. 104 – 108.
2. Логуа, Р. А. Электронное правительство в цифровую эпоху: концепция, практика и развитие / Р. А. Логуа, А. С. Балюков // Основы экономики, управления и права. – 2014. – № 5 (17). – С. 12 – 18.

3. Политические институты и процессы в информационном обществе / И. В. Вашкевич; под ред. И.В. Вашкевич. – М.: БГУИР, 2018. – 236 с.

4. Пазюк, А. Трансформация концепции государственного суверенитета в условиях глобального информационного общества / А. Пазюк // Digital Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.report/transformatiya-gosudarstvennogo-suvereniteta/> – Дата доступа: 3.05.2019.

5. Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственному суверенитету «Ответственность по защите»: док. ООН А/57/303 [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/57/303>. – Дата доступа: 16.04.2019.

6. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – ГУ ВШЭ. – 2000. – 606 с.

7. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран / В. Е. Чиркин. – М.: Изд. группа «Юристъ», 2002. – 622 с.

8. Тихонова, С. В. Эволюция конституционного правового государства в информационном обществе: электронное государство / С. В. Тихонова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2 (109). – С. 67–71.

В статье анализируются процессы трансформации политической системы в условиях глобального информационного общества. Проникая в политическую систему, информационно-коммуникационные технологии преобразуют политические институты, традиционные модели взаимодействия между ними, а также политические представления и установки, формы и механизмы воздействия на мир политический и общество в целом.

УДК 297.17

ТАТАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ В НЕМУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ БЕЛАРУСИ: ОБЩИЙ ОБЗОР

С. В. ГРИБОВА

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

На сегодняшний день на территории Беларуси проживает более 140 национальных общностей, многие появились здесь в XX веке, а некоторые, такие как русские, поляки, литовцы, евреи, цыгане, проживают здесь уже не одно столетие и наравне с белорусами являются коренными этносами. К одному из таких можно отнести и татар, которые поселились на территории Беларуси уже более 620 лет назад.

Первые поселения татар появились на белорусских землях в XIV в. во времена ВКЛ. Наибольшее их количество было переселено на земли Беларуси при Витовте, который создал здесь благоприятные условия для их существования. Вообще татарское население на протяжении веков (конец XIV–XVI вв.) образовалось на этих землях из трех элементов: из оселых наемных и союзных воинов татарских орд; из улусов, пригнанных Витовтом, плененных в войнах с татарами; из выходцев, которым надоели междоусобицы на родине, и они добровольно переселились в Литву [1, с. 21].

В результате Люблинской унии ВКЛ с Польшей в 1569 г. было образовано государство Речь Посполитая, в составе которого, разумеется, оказались и татары. Их взаимоотношения с местным населением почти всегда были мирными,

причем они даже часто выступали против своих единоверцев – крымских татар и ногайцев, которые во время грабительских нападений достигали белорусских деревень и городов. Татары никогда не пытались завоевать господствующее место в политическом и экономическом положении страны. Только в военном деле они стремились отличиться и получить командные должности. Вместе с местным населением они участвовали в войнах со странами-завоевателями за освобождение Речи Посполитой [2, с. 32].

Анализ законодательных документов ВКЛ XVI в. свидетельствует, что право того времени предусматривало ряд ограничений для татар. В отличие от большинства населения ВКЛ, которое было христианским, татары, исповедовавшие ислам, относились к так называемой категории «еврей, татарин, всякий басурманин» [3, с. 158].

По Статуту 1566 г. запрещалось назначение татар на государственные должности [4, с. 9–10]. Высокого положения достигали представители только тех родов, которые переходили в христианскую веру. Закон так же запрещал христианкам быть кормилицами татарских детей. Не позволялось христианских детей обращать в ислам и делать им обрезание. Определенные ограничения существовали в судебном деле. Статут ВКЛ 1588 г. запрещал принимать в суде свидетельства мусульман. Правда, это не касалось татар, имевших привилегии на шляхетские вольности. Но стоит отметить, что источники XVI–XVII вв. сообщают о том, что, несмотря на некоторые ограничения в правах, татарская знать имела челядь, кормилиц христианского вероисповедания, между христианами и татарами заключались браки [5, с. 43]. При этом такие браки были запрещены (кроме случая, когда вторая сторона принимала христианство).

Первое поколение местных мусульман сохраняло и использовало родной язык. Однако уже в середине XVI в. татары в ВКЛ разговаривали в основном по-белорусски или по-польски. К тому же происходила определенная их ассимиляция. Многие мурзы и князья принимали христианство. Однако большинство татар сберегли свою веру – мусульманскую религию и тем самым смогли сохраниться как самостоятельная группа.

В начале XVII в. во время контрреформации католическая церковь ущемляла деятельность татар-мусульман. Виленский епископ Война (1600–1615) препятствовал строительству мечетей. В 1609, 1611, 1613 гг. по инициативе католической шляхты сойм запретил татарам служить ротмистрами, поручиками, хорунжими. В 1616 г. было издано антитатарское произведение М. Чижевского «Альфуркан татарский...». В том же 1616 г. сойм запретил татарам приобретать шляхетские владения, держать челядь, под угрозой смерти брать в жены христианок. Татарские женщины часто обвинялись в колдовстве. В итоге, много татар выехало в Крым и Турцию (преимущественно те, кто переехал сравнительно недавно). Часть татар приняла католичество и постепенно ассимилировалась.

В целом, стоит отметить дарованную татарам польскими королями автономию, достаточную самостоятельность в принятии решений, касающихся жизни общины. Речь в данном случае идет о системе джемиатов. Так, определенное количество татарских поселений, приписанных к мечети и жертвующих на ее содержание, создавало приход. Крупная община, или агол, называлась еще джемиатом (от арабского «собрание»). В XV – XVIII вв. джемиат играл важную

роль в жизни татар Литвы и Беларуси. Ему в первую очередь принадлежала прерогатива избрания имамов. Джемияты от имени татарской общины выдавали разнообразные аттестаты, свидетельства, подтверждения шляхетских привилегий и т. д.

Надо отметить, что политика полонизации, проводимая польскими властями, повлияла на участие татар в национально-освободительном польском движении в XIX в.

Нет единства во мнениях историков относительно количества татар-мусульман. В историографии цифры очень сильно разнятся. Согласно разным сведениям, во второй половине XVIII в. количество татар-мусульман на белорусских землях составляло от 50 до 8 тысяч человек [6, с. 40]. Представляется, что первое число значительно преувеличено.

В конце XVIII в. территория Беларуси, в результате трех разделов Речи Посполитой, была присоединена к Российской империи. Под контролем российских властей оказались такие важные вопросы в жизни верующих мусульман, как строительство новых и ремонт старых мечетей, выборы имамов (глав прихода, общины), конфликтные ситуации в общинах. В целом, можно отметить усиление бюрократической опеки над татарами западных губерний со стороны властей. Но, при этом российские власти белорусских татар уравнивали в правах с христианским населением и разрешили занимать высшие государственные должности. В 1831 г. российская власть приказала всех белорусских мусульман признать шляхтой. Указом от 25 июня 1840 г. дворянам-мусульманам западных губерний было разрешено владеть имениями и крепостными крестьянами-христианами, что было запрещено дворянам-нехристианам в других регионах империи. Царское правительство позволяло мусульманам приобретать землю, занимать разные должности, работать в полиции. Можно отметить, что в некоторых случаях, из-за трезвости мусульман, им даже отдавали предпочтение перед православными при назначении на определенную должность. Несмотря на то, что часть татар-мусульман западных губерний принимала участие в войне 1812 г. на стороне Наполеона, в восстаниях 1830 и 1863 гг., отношение к ним со стороны правительства было достаточно снисходительным, хотя определенные репрессии затронули и татар [7, с. 132–134]. Политика русификации коснулась и местное татарское население, в религиозной жизни это выразилось в запрете делать надписи на надмогильных памятниках на польском языке в пользу русского на татарских мизарах (кладбищах). Местных татар-мусульман с большей охотой принимали на гражданскую и военную службу, чем католическую шляхту (особенно после восстания 1864 г.), что способствовало быстрому движению вверх по иерархической лестнице татар-чиновников. Традиционно потомки татарских родов шли в армию, еще больше с середины XIX в. их было среди чиновников различных рангов в белорусских губерниях. Царское правительство, проводя дискриминационную политику в отношении католического и еврейского населения, татарам оставило полную свободу вероисповедания. Во многом это связано с желанием использовать религиозную разницу между жителями Беларуси в своей русификаторской политике и перетянуть на свою сторону татар-мусульман в борьбе с господством польско-католического влияния на этой территории.

О местных татарах в XIX веке П. Шпилевский писал, что они миролюбивые, много работают. В их слободе (места их компактного проживания) всегда тишина, не услышишь криков, шума, танцев, не встретишь бездельничества. Они больше держатся своего окружения, хоть и не отказываются от знакомства с христианами, но по возможности избегают взаимоотношений и конфликтов с евреями. Надо сказать, что со временем, несмотря на замкнутое проживание татар в рамках своих общин, все же взаимодействие и контакты с местным немусульманским населением были достаточно тесными. В связи с этим стоит отметить процессы аккультурации татарского населения. Нахождение в христианском моногамном окружении повлияло на отказ татар от многоженства, что свойственно мусульманской вере (конечно, не стоит забывать, что первыми поселенцами были мужчины, и они были вынуждены жениться на белорусках-христианках). При сохранении приверженности исламу местных татар, все же нужно отметить определенные его особенности, в отличие от классического ислама. Это же можно сказать и относительно обычаев и обрядов белорусских татар-мусульман, что объясняется влиянием на них христианской среды.

Надо отметить, что и татары оказали определенное влияние на белорусскую культуру. Так, например, они значительно обогатили язык своей новой родины, о чем свидетельствуют многочисленные татарские слова в белорусской лексике, которые уже давно воспринимаются как белорусские: андарак, армяк, брага, буда, бусел, вішня, вушак, дыван, кабак, кабыла, кайданы, каўбама, кішэнь, сабака, торба, тытунь и многие другие, принесенные в белорусский язык напрямую или через украинский или русский языки, где таких заимствований также очень много. Академик Е. Карский считал татарского происхождения также слова баламут, баран, барыш, гарбуз, качан, харч, чарга – всего около 2000 слов.

О дружелюбных отношениях татар с местным населением свидетельствуют воспоминания Стефана Тугай-Барановского в начале XX в., который, ведя речь о мусульманских праздниках, отмечает: «В татарских поселениях Королевства Польского на беседы и балы приглашали и соседей-христиан (часть татарского дворянства вела обычный образ жизни, характерный для местной шляхты. Нередко организовывались балы в мусульманские праздники – С. Г.). На меньших забавах обычно играла какая-нибудь из женщин, а если планировалось что-то более серьезное, приглашали еврейскую капеллу из соседнего местечка. Танцевали полонез, лансьёр, мазурку, а позже вошли в моду вальс и кадрили... Забавы продолжались до утра, ближайшие соседи ехали домой, а те, что жили дальше, оставались еще на день, а то и на пару дней» [7, с.134].

Доброжелательность во взаимоотношениях татар с местным немусульманским населением отмечает в воспоминаниях о межвоенном периоде, а именно о 20–30-х гг. XX ст. и Болейко Георгий Владимирович (1921 г. р.) из г. Волковыск Гродненской области: «Жили тут татары, была целая улица Татарская. На моей памяти [межнациональных трений] не было... В Волковыске проживали и татары – очень гостеприимные и доброжелательные люди. Они тоже занимались только сельским хозяйством» [8, с.25, 27].

Был свойственен дружелюбный характер взаимоотношений и местного населения Ивья с представителями татарской общины. Об этом свидетельствует тот

факт, что даже во время пожара в 1935 г. ивьевской мечети, которая более чем столетие почти не прекращала своей деятельности, на ее спасение бросились не только татары-мусульмане, но и жители Ивья других конфессий: иудеи, католики, православные. В результате совместных усилий мечеть огонь не уничтожил (из беседы с муллой Ивьевской мечети Исмаилом Алиевичем Шабановичем 9 февраля 2001 г.).

Стоит обратить внимание и на то, что белорусские татары в годы Великой Отечественной войны, рискуя собственной жизнью, приходили на выручку евреям, которые подлежали уничтожению в процессе холокоста. Так, в квартире татарки Таисии Яковлевны Якубовской в Минске с зимы 1941–1942 г. по осень 1942 г. находились женщина с девушкой, которых попросил спрятать известный минский подпольщик Н. П. Дрозд (отец одноклассницы Т. Я. Якубовской Янины Дрозд). Из воспоминаний Т. Я. Якубовской становится известным, что у женщины были документы, свидетельствующие о том, что она русская. Потом у Николая Прокоповича появилась возможность, и он переправил ее в партизанский отряд [9, с. 61–62]. В местечке Смиловичи Минской области Фатима Хасеневна и Танзилия Адамовна Ясинские спасли и воспитали трех еврейских детей: Марата, Гену и Малку, мать которых погибла в Пуховичском гетто. Нашла приют в семье узденской татарки Мини Александровны Хосеневич еврейка Галина Ефимовна Кульчаева. Ивьевские татары также во время войны приходили на помощь местным евреям, спасая их от фашистского террора. Известно, что мать нынешнего Муфтия Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь Абу-Бекир Шабановича (1939 г. р.) Айша Шабанович (1912–1977) спасла троих парней от преследовавших их гитлеровцев, спрятав ребят в гумне (из разговора с муфтием Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь Абу-Бекир Шабановичем, 13.08. 2015 г.). Впоследствии выяснилось, что это были дети из семьи Шмайловичей, все они сумели выжить во время военного лихолетья, а позже эмигрировали в Израиль. Минские татарки Фатима Мустафовна Канапацкая (1891–1985) и Анна (Айша) Сулеймановна Канапацкая-Трофимова (1926 г. р.) спасли целую еврейскую семью Давидсонов, которые сбежали из минского гетто, за что им Израильский мемориальный музей памяти жертв и героев катастрофы европейского еврейства «Яд-Вашем» (Иерусалим) в декабре 2003 г. присвоил звание «Праведников народов мира».

Таким образом, в разные периоды своего проживания на белорусских землях (в рамках ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи) политика государства не была одинаковой относительно представителей татарской национальной общности, что, безусловно, отражалось на их правовом, социальном статусе. В большей степени, благодаря сохранению приверженности исламу, татарам Беларуси удалось не ассимилироваться в христианском обществе, хотя, безусловно, процессы аккультурации не могли не затронуть их. В целом, на протяжении всего периода проживания татар на белорусских землях их взаимоотношение с представителями других конфессий и национальностей не было конфликтным, скорее наоборот, можно отметить миролюбивый, дружественный характер контактов белорусских мусульман с местным немусульманским населением.

Литература

1. Tyszkiewicz, J. Tatarzy na Litwie I w Polsce / J. Tyszkiewicz. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 343 s.
2. Канапацкий, И. Татары Беларуси, Литвы и Польши: историческая судьба народа и культуры / И. Канапацкий // Исламская культура татараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі: матэрыялы II Міжнар. навук.-практ. канф. – Мінск, 1996. – Ч. 1. – С. 32–34.
3. Канапацкі, І. Гісторыя і культура беларускіх татар / І. Канапацкі, А. Смолік. – Мінск, 2000. – 258 с.
4. Гембіцкі, Я. Да пытання аб сацыяльна-эканамічным стане беларускіх татар у сярэднявеччы / Я. Гембіцкі // Зап. аддз. гуман. навук БАН. – Мінск, 1929. – С. 7–18.
5. Евтуховский, В.С. Мусульмане в современной Беларуси / В.С. Евтуховский // Посткоммунистическая Беларусь в процессе религиозных трансформаций : сб. науч. ст. / Адукацыя і выхаванне ; под науч. ред. А. В. Данилова. – Мінск, 2002. – С. 42–52.
6. Філатава, А. Сучасная польская гістарыяграфія аб татарах Вялікага княства Літоўскага / А. Філатава // Вывучэнне і захаванне культурнай спадчыны татарскага народа на Беларусі : матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф. – Мінск, 1999. – С. 40–42.
7. Думін, С. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць / С. Думін, І. Канапацкі. – Мінск : Палымя, 1993. – 206 с.
8. «За польскім часам...»: Западная Беларусь в воспоминаниях современников / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина ; редкол.: Е. С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2015. – 171 с.
9. Нікалайчык, Т.Я. Тое, што помніцца / Т.Я. Нікалайчык // Байрам. – 1994. – № 4. – С. 61–63.

Данная статья посвящена особенностям проживания татарского населения Беларуси в немусульманском окружении. С появлением на белорусских землях в XIV веке, татары смогли не ассимилироваться во многом благодаря своему компактному проживанию в рамках общины, сохранению вероисповедания – ислама, хотя процессы аккультурации, безусловно, не могли не затронуть их. В статье автор отмечает особенности этно-конфессиональной политики ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи относительно татарско-мусульманского населения, которая регламентировала правовой, социальный статус в обществе данной группы населения. В статье автор, опираясь на воспоминания как представителей белорусских татар-мусульман, так и христиан, подчеркивает доброжелательный и дружелюбный характер взаимодействий местных татар-мусульман с немусульманским населением.

УДК 001.891.3

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ИНТЕРНЕТ-ПОЛИТИКИ: ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ

Ю. Д. ДАНИЛОВ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В марте 2019 года человечество отметило 30-ю годовщину Всемирной паутины (WWW). Ее главный разработчик, Тим Бернерс-Ли, назвал этот юбилей вполне приемлемым временем для того, чтобы подвести итоги не только того, насколько далеко ушли технологические достижения, но и поразмышлять о том, как далеко они могут войти в политическую, публичную и частную жизнь с целью оказания влияния на них. На данный момент проблемы, которые поднимались на заре становления Интернета не решены окончательно и вызывают

множество дискуссий в самых широких заинтересованных кругах: среди политиков, правоведов, IT-специалистов, руководителей крупных корпораций и рядовых пользователей Сети.

Еще 20 лет тому назад, Бернерс-Ли в своем главном труде «Плетя паутину: истоки и будущее Всемирной паутины» утверждал, что будущее развитие Интернета потребует от правительств, частных компаний и пользователей реального и юридически оформленного разделения ответственности. Свое понимание этого он изложил в следующих принципах:

— всемирная паутина должна предоставлять пользователям возможность не только путешествовать по ней с различными целями, но и редактировать содержащуюся информацию, как это реализовано в современных Wiki-проектах;

— развитие технической базы для пользования сетью должно идти в таком направлении, чтобы люди могли использовать компьютеры для совместной работы;

— каждый сегмент сети Интернет должен работать именно как паутина, а не так, как это сейчас сделано в системе доменных имен DNS, находящейся под контролем организации ICANN;

— все ученые, специалисты, разработчики и заказчики разработок, связанных с реализацией возможностей Интернета, должны нести не только и столько чисто техническую ответственность, но, прежде всего, моральную [1].

Одним словом, еще на этапе становления, автор концепции WWW заявил, что государственные органы должны привести законы и правила в соответствие с реалиями цифровой эпохи. Эти нормы должны гарантировать, что рынки останутся конкурентоспособными, инновационными и открытыми. Правительства принимают на себя ответственность за защиту прав и свобод граждан, пользующихся Интернетом, а компании должны прилагать все усилия для получения прибыли, не нанося ущерба правам человека, демократическим ценностям, научным фактам, общественной безопасности. Для этого платформы и продукты для сети Интернет должны разрабатываться с учетом конфиденциальности, разнообразия и безопасности, а самое главное – пользователи должны иметь право привлекать госорганы и корпорации к ответственности за взятые на себя обязательства. Только при таком взаимоуважении в Интернете можно сформировать доступное и безопасное коммуникационное и информационное пространство.

Оппоненты данной точки зрения уже в первые годы существования Интернета выступили за полное снятие каких-либо ограничений для пользователей сети. Своеобразный манифест «свободы» Сети в 1996 году опубликовал американский писатель Джон Перри Барлоу. В своем эссе под знаковым названием «Декларация независимости киберпространства» он заявил о необходимости полной независимости информационного пространства от правительственного контроля и вмешательства, положив начало т. н. киберлибертарианству – особому направлению в решении вопросов будущего развития коммуникационных технологий [2].

За эти годы сформировалась целое научное направление, предметом исследования в котором выступает проблема свободы Интернета. В западной традиции оно получило название «интернет-политика», а по смыслу и содержанию близко стоит к вопросам исследования управления Интернетом. При этом, собственно управление рассматривается как в широком, так и в узком подходах.

В первом случае речь идет о разработке норм и правил управления технологической координацией элементов Сети, включая решение вопросов с функционированием систем доменных имен, распределения IP-адресов, разработкой новых стандартов и протоколов информационного взаимодействия.

В широком смысле под интернет-политикой понимается сфера деятельности, в которой учитываются политические, экономические, социальные и духовно-культурные стороны этого процесса. Это — научные исследования, мероприятия по разработке и внедрению государственными органами, частными компаниями и гражданским сообществом общих принципов, норм, правил, программ и алгоритмов принятия решений, которые регулируют использование Интернета в настоящем и будут применяться в будущем. При этом необходимо учитывать, что в силу открытости и децентрализованного характера данного феномена, исключается такой подход, при котором «управление» рассматривается в качестве синонима «распоряжения» и установления тотального контроля над возможностями и ресурсами, предоставляемыми всемирной сетью. Они должны восприниматься как его неотъемлемое внутреннее свойство.

Вместе с тем Интернет уже сегодня является продуктом и объектом воздействия множества государственных (демократических и авторитарных), корпоративных, гражданских сообществ пользователей. Подавляющее большинство ученых и пользователей признают, что регулирование реально происходит в разных формах и на разных уровнях. Наибольшую тревогу вызывает то, что политика и регулирование — если они мотивированы противоправными намерениями или плохо реализованы технически — могут нанести существенный ущерб не только самой глобальной сети, ее технической инфраструктуре, бизнес-среде, но и, что наиболее важно, ее пользователям.

В связи с этим большое распространение получило мнение, что интернет-политика должна в первую очередь разрабатываться и осуществляться техническими экспертами, предприятиями или, в идеале, глобально институализированным сообществом с привлечением всех заинтересованных сторон. Сторонники установления контроля над киберпространством предупреждают о пагубных последствиях, которые могут наступить для глобальной Сети из-за корыстных интересов национальных правительств или интернет-гигантов. Следует отметить, что уже сегодня в разной степени многие области интернет-политики «приватизированы» частными компаниями и надзирающими государственными учреждениями. Во многих странах общественность все чаще обращается к своим национальным правительствам и региональным органам за нормативными решениями проблем, связанных с использованием Интернетом, защитой конфиденциальных данных, распространением дезинформации и незаконного контента, обеспечением свободы слова и признания прав на сетевой нейтралитет. Так, Марк Цукерберг, основатель и исполнительный директор Facebook, недавно призвал законодателей стремиться к усилению регулирования глобального Интернета [3]. Вне зависимости от мотиваций Цукерберга, его рассуждения вполне согласуются с идеями Бернерса-Ли: только при тщательном создании новых и пересмотре уже сложившихся правил поведения в Интернете можно будет защитить права пользователей и сохранить цифровые сети в качестве современного и эффективного ресурса для личного общения и информационного обмена.

Несмотря на эти призывы к совершенствованию интернет-политики и регулирования, а также к растущему распространению и важности Интернета в качестве глобальной коммуникационной инфраструктуры, платформы для информационных услуг, исследования интернет-политики на сегодняшний день продолжают оставаться свободной нишей. Особенную тревогу вызывает тот факт, что социально-гуманитарные науки не спешат принимать и поднимать проблемы интернет-политики, в результате чего сообщество специалистов в данной области остается разобщенным, а проводимые им исследования крайне противоречивы, как по своим концептуальным, так и по методологическим подходам.

Очевидно, что на данном этапе важно, чтобы разработка соответствующих цифровой эпохе инструментов регулирования Интернета была основана на компетенциях ученых, имеющих опыт разработки, реализации и оценки коммуникационной деятельности в общественных интересах, а также в целях защиты индивидуальных и коллективных прав граждан.

В сложившейся на данный момент практике проведения исследований в области интернет-политики можно выделить три основных группы ученых:

— исследователи, которые исходят из понимания управления Интернетом как глобальной и национальной инфраструктурой, которая регулирует степень влияния государства на экономику, культурные сообщества, права, обязанности, нормы и принципы пользователей (и не пользователей) Сети;

— специалисты, которые исследуют альтернативные формы управления на основе общих, нередко ангажированных и некомпетентных, инициатив активистов гражданского общества;

— сообщества тех, кто обеспокоен определением проблем, дискурсов, законов, принципов, мнимых идей, которые появляются, существуют, действуют и дают информацию о решениях в области управления Интернетом.

За последние два десятилетия в исследованиях интернет-политики применялось несколько аналитических и концептуальных подходов. Концепции и методологические инструменты из области политической экономии, сетевого анализа, классические методы анализа политики использовались для изучения деятельности социальных движений, теории изучения сетей, пользовательских полей и т. д. Для анализа дискурсов, интересов и стратегий в дебатах, связанных с регулированием Интернета, исследователи чаще всего использовали «постпозитивистские» подходы, такие как анализ дискурсивной сети, изучение интерпретирующей политики и социальных сетей. В последнее время ученые более всего сосредоточены на роли институциональных рамок для интернет-политики и взаимосвязи регуляторных практик и институтов. Методологической опорой этих исследований являются прежде всего неинституциональные теории. Общественные методологии часто использовались для анализа проблем кибербезопасности и управления интернетом [4].

При рассмотрении этого широкого спектра концептуальных подходов первоначально большая часть исследований в области коммуникаций, связанных с политикой в области регулирования Интернета и других смежных дисциплин, была сосредоточена на формирующемся глобальном характере цифровых сетей. Ученые пытались понять проблемы управления, вызванные транснациональным характером Сети и ее возможностей, путем анализа действующих лиц

и учреждений, вовлеченных в их координацию и регулирование технической инфраструктуры. Значительная часть ранних исследований была связана с историческими процессами, приведшими к институционализации механизмов функционирования Интернета, как такового. Предметом изучения стали на этом этапе вопросы администрирования и институционализации доменных имен (DNS), рассмотрения возможностей глобальной инфраструктуры как самостоятельной и самореферентной системы управления, проблемы неравномерного распространения и доступа к Интернету по регионам и странам.

Позднее исследования были перенесены за пределы акцента на «доступ» к технологиям и были сосредоточены на навыках, ресурсах и возможностях, необходимых для использования Сети, а также формировании и распространении разных по компетенциям моделей пользователей, с учетом их возрастного, гендерного, этнического и социального разнообразия.

На современном этапе, в силу все более усложняющихся рамок регулирования, аспект исследований сместился в стороны изучения практик регулирования со стороны национальных или региональных органов. Значительная доля внимания здесь уделена исследованию предложений определенных групп активистов и простых пользователей, вовлеченных в национальную политику и деятельность политических партий.

Интернет сегодня превратился в повседневный аспект жизни для многих людей. Несмотря на различное качество, многие виды человеческой деятельности так или иначе осуществляются через него, и эта практика будет только расширяться. Следовательно, и дискуссии о взаимосвязи между правами, ценностями и использованием Интернета будут становиться все актуальнее. Вполне обоснованным шагом на пути этого процесса является принятие универсальных и понятных пользователям международных (региональных) норм, примером которых может служить разработанный Европейской экспертной группой по искусственному интеллекту и одобренный в 2019 году Европейской комиссией Свод руководящих принципов по этике и доверию. Этот документ призван побудить технологические компании подумать о том, как создаваемые ими сервисы и инструменты могут ущемлять фундаментальные права человека и каким образом этого избежать, обеспечив всем пользователям разумную человеческую автономию, справедливость, ответственность, конфиденциальность.

Имеются все основания полагать, что для некоторых исследователей Интернета будет недостаточно ограничиться только вопросами этики, предметом их интереса станут прежде всего проблемы совершенствования законодательства и секьюритизации, решение которых необходимо с целью обеспечения индивидуальных и коллективных общественных интересов, ценностей и прав. Еще одним перспективным направлением, которое уже обозначило себя в исследованиях Интернета, станет исследование проблем управления Сетью в связи с ее превращением в «Интернет вещей», когда собственные гаджеты и устройства пользователей уйдут на задний план повседневной среды.

Таким образом, тот факт, что новые технологии создают и будут далее формировать проблемы для основных прав, остается актуальным, а сфера его научного изучения будет только расширяться. За последние два десятилетия работы историков, философов и социологов показали, что ценности всегда входили в конструкцию технологической инфраструктуры, которой сегодня и является

Интернет. Сами представители IT-сферы утверждают, что на сегодняшний момент ощущается острая необходимость привлечения к интернет-разработкам представителей гуманитарного знания, т. к. инфраструктуры управления Интернетом становятся все более политизированными, а сами по себе они не способны выполнить основную задачу, что может привести к непредсказуемым негативным последствиям для стабильности и безопасности самой Сети и прав человека.

Литература

1. Бернерс-Ли, Тим. Плетя паутину: истоки и будущее Всемирной паутины / Тим Бернерс-Ли, Марк Фискетти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20100103001427> – Дата доступа (архивная копия от 03.01.2010 на Wayback Machine (англ.): 18.05.2019.

2. Перри Барлоу, Джон Декларация независимости киберпространства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akaada.narod.ru/dekl.html>. – Дата доступа: 18.05.2019.

3. Zuckerberg, Mark. Four Ideas to Regulate the Internet. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newsroom.fb.com/news/2019/03/four-ideas-regulate-internet>. – Дата доступа: 18.05.2019.

4. Керр, А. Отстаивание прав и ценностей в интернет-политике по всему миру / А. Керр, Ф. Мусиани, Ю. Пол. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://policyreview.info/articles/-analysis/commun>. – Дата доступа: 18.05.2019.

В статье рассмотрены вопросы становления и развития научных исследований в области регулирования Интернета. В хронологическом порядке отмечены приоритеты и содержание основных направлений изучения практик и создания институтов управления Сетью в аспекте развития ее технологических, коммуникационных и социальных возможностей.

УДК 341.217(4)

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ СПЛОЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

О. В. ИПАТОВА

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Реализация политики сплочения Европейского союза требует вовлечения множества субъектов в процесс программирования, разработки оперативных программ, а также в процесс реформирования трёх главных фондов – Европейского фонда регионального развития, Европейского социального фонда, Фонд сплочения. Главными субъектами политики сплочения ЕС являются Европейская комиссия, Совет Европейского союза, Европейский совет, Европейский парламент. Должностные лица государств-членов на национальном и субнациональном уровнях также участвуют в реализации политики сплочения на местах. Другими важными участниками являются Комитет регионов и Экономический и социальный комитет (хотя только в качестве консультантов), Европейский суд аудиторов (Европейская счётная плата) и Европейский инвестиционный банк. Многие неинституциональные субъекты, такие как региональные ассоциации и лоббистские группы, также мобилизуются вокруг политики сплочения. В статье даётся характеристика правового статуса и результатов деятельности субъектов политики сплочения, показана роль каждого из субъектов в согласовании, реализации и оценке политики, принципы их взаимодействия.

Политика сплочения (региональная политика) осуществляется посредством совместных действий Европейской комиссии и государств-членов. Вице-президент Комиссии является комиссаром по региональной политике и возглавляет Департамент (Генеральный директорат, DG) по региональной и городской политике, широко известный как DG REGIO, в котором работает около 700 человек, и который состоит из 2 отделов с 8 подчиненными структурами [1]. Первый отдел занимается управлением, бюджетом, общими вопросами и аудитом. Второй отдел – более обширный – занимается исполнением решений. Каждый отдел охватывает круг вопросов, имеющих как проблемную, так и географическую направленность: территориальное сотрудничество и макрорегионы, включая Северо-Западную Европу; разумный и устойчивый рост и Южная Европа и др. DG REGIO работает с государствами-членами и регионами. Его целью является определение потребностей в административных и финансовых ресурсах, осуществление мониторинга. Департамент по региональной и городской политике отвечает за Европейский фонд регионального развития (ERDF) и Фонд сплочения (CF), в то время как Европейский социальный фонд (ESF) находится под управлением Генерального директората Комиссии по вопросам занятости, социальным вопросам и вовлеченности (DG EMPL).

28 государств-членов, тысячи национальных министерств и региональных и местных органов власти, а также частных лиц получают финансирование из средств Структурных фондов (ERDF, ESF) и Фонда сплочения. Более того, именно органы национальных государств проводят консультации в преддверии нового 7-летнего периода программирования, чтобы определить новые приоритеты политики сплочения, согласно которым должны разрабатываться оперативные программы на уровне государств-членов, будь то оперативные программы отдельных государств-членов или программы, объединяющие несколько государств-членов (межрегиональные программы, программы трансграничного и транснационального сотрудничества).

На региональные и национальные оперативные программы (ROPs и NOPs) приходится подавляющее большинство расходов. Ключевыми субъектами являются органы управления (the managing authorities, MAs), чьи функции перечислены в ст. 125 Регламента Европейского парламента и Совета 2013а об общих положениях (Common Provisions Regulation, CPR) [2], органы по сертификации (ст. 126), органы аудита (ст. 127) и посреднические органы. Органы управления – это министерства и ведомства на национальном или региональном уровнях. Они несут ответственность за точность и законность платёжных операций; информирование об оперативных программах; оценку программ и др. Органы сертификации – за составление документов на оплату и подачу их в Комиссию. Органы аудита отвечают за проведение проверок систем управления и контроля оперативных программ и за аудит предлагаемых проектов в течение действия программы (контроль второго уровня).

Большинство задач по реализации на самом деле выполняются не MAs, а посредническими структурами (the intermediate bodies, IBs). Министерства и региональные органы власти могут выступать в качестве IBs, но внешние агентства и органы технической помощи (т. е. консультанты) часто берут на себя

эту задачу. IVs нижнего уровня являются «первыми получателями» заявок и первым уровнем, на котором анализируется и улучшаются правила отбора заявок на финансирование проектов. Будучи ближе к конечным бенефициарам, они лучше всех знают основные проблемы, которые необходимо решить [3, p. 209]. Комитеты по мониторингу (статьи 47-49 CPR), в состав которых входят субъекты, участвующие в реализации программы, и партнёры программы, осуществляют наблюдение за деятельностью MAs. Заметным изменением, внесенным CPR на период 2014-2020 гг., стало предоставление представителям партнёров права голоса в MAs, что, таким образом, потенциально усиливает действие принципа партнёрства при реализации программы [4, 138 p.].

Для решения некоторых вопросов трансграничного сотрудничества были созданы новые правовые структуры, в частности Европейские объединения территориального сотрудничества (The European Groupings for Territorial Cooperation, EGTC). EGTC являются юридическими лицами, цель которых заключается в содействии развитию трансграничного, транснационального и межрегионального сотрудничества их членов. Объединения состоят из государств-членов, региональных органов власти, местных органов власти и/или субъектов публичного права. Их компетенция закреплена в обязательных конвенциях о сотрудничестве.

В Европейском парламенте, помимо Комитета по бюджету («сильный» комитет), отвечающего за формирование бюджета ЕС и Долгосрочный бюджет ЕС и Комитета по бюджетному контролю («более слабый», законодательный орган), основным законодательным органом, отвечающим за политику сплочения, является Комитет Европейского парламента по региональным вопросам (The European Parliament's Committee on Regional Development, EP REGI). Он координирует структурные инструменты ЕС. Комитет исследует вопросы: относящиеся к географии политики сплочения (маргинальные сообщества, городское измерение, стратегия для Адриатики, Инструмент помощи перед вступлением; вопросы управления политикой сплочения (взаимодействие государственных администраций, статистика макроэкономического дисбаланса, корректировка ставок прямых платежей); эффективности политики сплочения (рассмотрение стратегии «Европа 2020», исполнение бюджета). Генеральный директорат Парламента по внутренней политике (The Parliament's Directorate- General for Internal Policies, Directorate B) отвечает за организацию работы комитетов EP и состоит из 6 управлений. Данный директорат занимается политикой сплочения и поддерживает работу REGI путём подготовки исследований и отчётов о них [5].

Комитет регионов (CoR) был создан в 1994 г. после заключения Маастрихтского договора с целью приблизить Европу к своим гражданам, а также дать возможность выразить своё мнение на европейском уровне представителям местных и региональных властей, т. к. именно они призваны превращать в жизнь большую часть европейского законодательства. В Комитет входят 353 члена – представители региональных и местных властей Европы, избранные в 28 государствах-членах. В Комитете регионов создано 6 комиссий, одна из которых – Комиссия территориальной политики сплочения и бюджета ЕС (Commission for Territorial Cohesion Policy and EU Budget, COTER). Европейская комиссия, а также Совет министров обязаны консультироваться с

CoR по вопросам, которые будут иметь непосредственное значение для местного и регионального уровней в следующих областях политики. По некоторым вопросам Комитет регионов выступает с инициативными мнениями, а также следит за соблюдением принципа субсидиарности, согласно которому, решения должны приниматься на уровне, наиболее близком к гражданам. Комитет имеет право вмешаться в политический процесс в любой момент.

На политику сплочения приходится почти треть всего бюджета ЕС, т. е. 351,8 млрд евро на период 2014-2020 гг. (32,5 % бюджета ЕС), хотя эта цифра возрастает до 453,2 млрд евро, если учитывать и средства на развитие сельских районов [6]. Европейский суд аудиторов проводит финансовые проверки (на правильность: складываются ли суммы?), проверки соответствия (на законность: деньги были потрачены в соответствии с предписаниями?) и проверки эффективности (на соотношение цены и качества: были ли деньги использованы эффективно?). Суд проводит эти проверки совместно с национальными ревизионными управлениями. Он является институтом ЕС с момента подписания Маастрихтского договора (1992), состоит из представителей каждого из государств ЕС. Суд аудиторов полностью независим в своих действиях. Он обладает полномочиями докладывать обо всех нарушениях напрямую Европейскому парламенту и Европейскому совету. Кроме того, в его обязанности входит контроль фондов ЕС и средств ЕИВ. Тем не менее Суд аудиторов не уполномочен налагать взыскания.

Европейский инвестиционный банк (ЕИВ) играет активную роль в создании рабочих мест и экономическом росте, в т. ч. путём поддержки политики сплочения. ЕИВ является банком ЕС и фактически принадлежит 28 государствам-членам. Это крупнейший в мире многосторонний кредитор и заёмщик, предоставляющий финансирование и экспертные знания для инвестиционных проектов. В 2007-2013 гг. финансовая поддержка ЕИВ для достижения целей политики сплочения составила 147 млрд евро (38 % от общего объема кредитования в ЕС) [7].

Множество организаций и структур стремятся формировать политику сплочения и участвовать в финансируемых ею проектах. Многие из них имеют географическую или тематическую направленность, выступая в качестве федераций или зонтичных структур, чтобы их голос громче звучал в Брюсселе. Институциональные группы интересов – это объединения с определённой организационной структурой, устоявшимися функциями и административным аппаратом. Следует выделить три важные институциональные группы: Совет европейских муниципалитетов и регионов (CEMR), Конференция периферийных приморских регионов (Conference of Peripheral Maritime Regions, CPMR), Eurocities.

Политика сплочения изучается многими учёными и практиками во всём мире. Они привлекаются к разработке законопроектов и оценке политики Брюсселя и государств-членов, предоставляют общественности статистических данные и обучают чиновников, тем самым внося свой вклад в совершенствование политики сплочения. Среди академических сообществ – Ассоциация региональных исследований (The Regional Studies Association, RSA) и Европейская сеть обсерваторий пространственного планирования (The European Spatial Planning Observatory Network, ESPON).

Учитывая множественность и сложность организационных механизмов политики сплочения, представить её архитектуру можно как политическую сеть с участием акторов разного уровня, а также групп экспертов, лобби, учёных, неправительственных организаций. Структура политики сплочения является многоуровневой – в ней есть наднациональный, национальный и субнациональный уровни. Политика сплочения проводится в соответствии с ролями и задачами каждого актора как на программном уровне (стратегическом и оперативном), так и на проектном уровне (разработка, оценка, управление). На уровне разработки проекта может происходить пересечение нескольких проблемных полей. На программном уровне иногда происходит децентрализация и делегирование полномочий посредническим органам. Поэтому мы видим значительную агенсификацию. Структуры и организационные связи зависят от ролей, которые выполняют участники каждого уровня в процессе реализации политики. С функциональной точки зрения политика сплочения – это основанный на задачах, ориентированный на акторов институционализм. С учётом того, что государствам-членам предоставляется возможность разрабатывать свои собственные механизмы технической помощи, можно считать, что политика сплочения является выражением экспериментального управления, в соответствии с которым правила, процедуры и операционные рамки устанавливаются Европейская комиссия и государства-члены в соответствии с их конкретными географическими и тематическими потребностями. При таком управлении для институтов более низкого уровня предоставляется значительная автономия для решения текущих вопросов.

Литература

1. Directorate General for Regional and Urban Policy [Electronic resource]. – Access mode : https://ec.europa.eu/info/departments/regional-and-urban-policy_en#leadership. – Access date : 20.05.2019.
2. Regulation (EU) № 1303/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 laying down common provisions [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013R1303>. – Access date: 02.03.2019].
3. Molle, W. European Cohesion Policy / Molle, W. – London: Routledge, 2007. – 348 p.
4. Baun, M. Cohesion Policy in the European Union / M. Baun, M. Dan. – London: Palgrave, 2014. – 272 p.
5. The Secretary-General / European Parliament [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.europarl.europa.eu/the-secretary-general/en/directorates-general/ropol>. – Access date : 20.05.2019.
6. The EU's main investment policy / European Commission [Electronic resource]. – Access mode: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/what/investment-policy/. – Access date : 20.05.2019.
7. Projects to be financed / The European Investment Bank [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.eib.org/en/projects/pipelines/index.ht>. – Access date : 20.05.2019.

Реализация политики сплочения Европейского союза требует вовлечения множества субъектов в процесс программирования, разработки оперативных программ, а также в процесс реформирования трёх главных фондов политики сплочения. В статье даётся характеристика правового статуса и результатов деятельности субъектов политики сплочения, показана роль каждого из субъектов в согласовании, реализации, оценке политики, а также принципы их взаимодействия.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

С. Т. КАВЕЦКИЙ

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Трансформационное состояние постсоветского общества на рубеже XX и XXI веков значительно ускорило изменения во всех сферах жизни общества. Изменились и продолжают меняться отношения в экономике, политике, перестраивается механизм социальной ориентации, идет интенсивная смена элит. На общественную сцену вышли новые социальные группы, массовые слои изменяют свои качественно-количественные параметры, турбулентным становится «социальное дно», чему способствует неравномерность экономического развития на постсоветском пространстве. Соответственно быстро меняется система групповых интересов, способов поведения, социальных взаимодействий.

Объективные и субъективные причины распада СССР выявили высокую степень аномичности во всех сферах общества. Е. М. Бабосов, анализируя духовное начало позднего советского общества, отметил: «Социальная жизнь раскололась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил» [1, с. 20].

Глубокие и сложные процессы в современном белорусском обществе на рубеже веков: экономические изменения, трансформация социальной структуры, политические и духовные изменения, социальные конфликты и другие – происходили в обществе переходного типа, распад СССР и его последствия наложили глубокий отпечаток на все сферы общественной жизни Беларуси. Общество оказалось в состоянии аномии, то есть ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходного и кризисных периодов, когда старые экономические и социальные нормы уже перестали действовать, а новые еще только устанавливаются.

Аномия, обладая глубокими историческими корнями, получила первое подлинно теоретическое осмысление только в социологии Эмиля Дюркгейма. Выдающийся французский социолог использовал это понятие в таких своих основополагающих работах, как «О разделении общественного труда» (1893), прежде всего в предисловии ко второму изданию этой книги (1901), и в наиболее известном исследовании «Самоубийство». Эмилю Дюркгейму принадлежит решающая роль в определении предмета, понятийного аппарата и других теоретических основ научного анализа аномии.

Р. Мертон отходит от выражения противоречий между социальными нормами и биопсихической природой человека. Он описывает ситуацию разрастания аномии как рассогласование, конфликт двух элементов ценностно-нормативной структуры общества: культурно предписанных целей и интересов людей, с одной стороны, и социально санкционированных путей и способов их реализации – с другой. Р. Мертон выделяет пять идеально-типических реакций на аномию, которые характеризуют соотношение между целями и средствами как фазами социальной структуры: «конформность», «инновация», «ритуализм», «ретритизм» и «мятеж».

Анализ аномальных явлений трансформационного периода конца XX – начала XXI веков проводился на постсоветском пространстве. Украинские социологи Бевзенко, Е.И. Головаха, Н.В. Панина, раскрывая показатели распространённости аномии в первые годы независимости Украины, пишут, что они превзошли самые пессимистические ожидания. «Как показывали репрезентативные опросы взрослого населения, более 80 % опрошенных были подвержены состоянию аномической деморализованности» [2, с. 6]. Состояние аномии с приливами и отливами длится в Украине давно, и на смену социальной дезориентации приходят нормативные и ненормативные реакции на аномию. Для анализа аномической деморализованности была использована методика изучения социального самочувствия. Полная версия методики измерения интегрального индекса социального самочувствия (ИИСС), включающей 44 вопроса о достаточности социальных благ, впервые была использована в качестве инструментария мониторингового исследования Института социологии НАН Украины в 1995 году [3, с. 11]. Важным представляется вывод украинских социологов о том, что «главное – не поддаваться соблазну “радикального” решения многочисленных общественных проблем, возлагая надежды на политических лидеров, которые обещают народу “все и сразу”. Исторический опыт государств и обществ, выбравшихся из состояния аномической деморализованности, весьма убедительно свидетельствуют о том, что все и сразу у народа можно только отнять» [3, с. 10]. Таким образом, тотальная аномия украинского общества привела страну на грань экономического коллапса, к катаклизмам во всех областях общественной жизни, братоубийственной войне.

Белорусские социологи в течение последних десятилетий проводили комплексные исследования разных сторон общественной жизни в период системной трансформации общества. Важным представляется социологический анализ в рамках проекта «Исследование мировых ценностей» в 1990–2008 гг. Базовой организацией этого проекта стал Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ, руководитель – профессор Д. Г. Ротман); участие в нем принимали также сотрудники Института социологии НАН Беларуси (1990) и лаборатории НОВАК (1996) [4]. В ходе данного проекта рассматривались общетеоретические представления о ценностях, динамика социально-экономических и политических изменений, эволюция базовых ценностей населения Республики Беларусь. Был сделан сравнительный анализ ценностей населения Беларуси в сравнении с базовыми ценностями жителей других европейских стран. Также осуществлен анализ так называемых антиценностей – рецидивов девиантного поведения людей [4, с. 142; 5, с. 199].

Проблемы трансформации белорусского общества были в период 2009–2016 гг. в центре внимания ЦСПИ БГУ [4]. Результаты исследований позволили построить комплексный рейтинг социальной озабоченности граждан постсоветских стран по четырем параметрам (экономика, условия достойной жизни, проблемы окружающей среды, политические проблемы).

Институт социологии НАН Республики Беларусь провел в 2005 г. социологический опрос (выборка 9 172 респондентов) в рамках исследовательского проекта «Социологический мониторинг состояния и динамики изменений, происходящих в белорусском обществе». Социологический анализ результатов опроса по 17 позициям охватывал самые разные сферы общественной жизни; рассматривались, в том числе, и вопросы отклоняющегося поведения.

Опыт проведения в Беларуси крупных социологических проектов, в мониторинговом режиме дает возможность учесть возникновение трудностей для теоретико-методологического обоснования, предложенного к рассмотрению «социологического барометра аномии», поскольку системных исследований непосредственно аномических процессов в конце XX – начале XXI веков не проводилось.

В процессе исследования, эмпирическую базу которого составили результаты социологических исследований, проведенных лично автором или при его непосредственном участии на национальном и региональном уровнях на протяжении более чем 25 лет, выявлялись аномальные явления во многих областях общественной жизни. Постоянный социологический мониторинг дал возможность предложить авторский подход к изучению феномена аномии, получивший название «социологический барометр аномии» (СБА).

Исследование СБА осуществлялось в два этапа в 2017 и 2018 годах. На первом этапе проводился национальный опрос 40 экспертов, который позволил откорректировать, разработанный автором инструментарий. На втором этапе было опрошено 300 респондентов на региональном уровне. Анкета содержит вопросы, посвященные экономической, социально-политической и духовной сферам, что дает возможность анализировать аномичные состояния со структурной стороны. Социологический анализ на личностном уровне конкретизирует социальное самочувствие респондентов в социуме.

Индекс СБА имеет комбинированный характер. Ему предшествовали сравнительные социологические опросы по единой методике 1997, 2005, 2016 годов. В 2017 году было проведено экспертное национальное исследование, а в 2018 году – региональное комбинированное исследование во всех сферах общественной жизни и на личностном уровне.

Индекс СБА рассчитывается по формуле:

$$A_x(1) + B_x(0,75) + V_x(0,50) + G_x(0,25).$$

Комплексный подход СБА позволил на системном уровне выявить аномические проявления в современном белорусском обществе. В экономической сфере сравнительный анализ экономических проблем был проведен 1997, 2005, 2016, 2018 годах. Эксперты в рамках национального опроса СБА в 2017 году среди серьезных проблем экономической области назвали: повышение цен – (90 %), рост стоимости коммунальных услуг (40%), полную или частичную безработицу (15%). На личностном уровне опасаются новых валютных катаклизмов –

60%. По их мнению, не хватает государственной защиты от снижения уровня жизни (60%), не хватает руководителей, способных управлять государством (40%).

Оценивая социально-экономическую ситуацию в Беларуси, 5% экспертов считают, что она улучшается, 10% – остается стабильной, 15% – затрудняются ответить. В рамках регионального социологического опроса 2018 года СБА среди серьезных экономических проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, респонденты назвали повышение цен (72,3%), рост стоимости коммунальных услуг (47%), полную или частичную безработицу (24,1%), «зарплаты хватает на еду, на одежду – нет» (20,5%), несвоевременная выплата зарплаты (15,7%), высокие налоги (13%). Оценивая социально-экономическую ситуацию в Беларуси, 7,2% респондентов считают, что она улучшается, остается стабильной – 26,5%, ситуация ухудшается – 59%, затрудняются ответить – 7,2%. Индекс СБА состояния социально-экономической ситуации в Беларуси составляет 0,58, комплексный показатель экономической сферы – 0,56.

На личностном уровне респондентам не хватает уверенности, что не будет валютных катаклизмов (индекс СБА – 0,92), государственной защиты от снижения уровня жизни (индекс СБА – 0,82), руководителей, способных управлять государством (индекс СБА – 0,81), подходящей работы (индекс СБА – 0,82), возможности подрабатывать (индекс СБА – 0,82), возможности трудиться с полной отдачей (индекс СБА – 0,70). *Комплексный показатель СБА экономической сферы на личностном уровне составил 0,72, на структурном и личностном уровне – 0,67.*

Таким образом, классическая аномия, описанная Э. Дюркгеймом, и её структурирование в XX и начале XXI веков являются базовыми конструктами современной цивилизации. И в то же время на постсоветском пространстве появились новые производные аномийного состояния, которые требуют тщательного изучения, измерения и упреждения.

Переход к национальной стратегии устойчивого развития в условиях внутренних и внешних угроз, вызовов и рисков выступает как системообразующий документ для разработки прогнозов и программ социально-экономического развития страны на кратко- и среднесрочную перспективу.

Литература

1. Бабосов, Е. М. Социология катастроф / Е. М. Бабосов // Социс. – 1998. – № 4. – С. 19–25.
2. Головаха, Е. И. Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» / Е. И. Головаха, Е. И. Панина // Вестн. обществ. мнения. – 2008. – № 6. – С. 11–16.
3. Головаха, Е.А. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине / Е. А. Головаха, Н. В. Панина // Обществ. науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 5–10.
4. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2009. – 231 с.
5. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. М. Булышко [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 219 с.

Социологическая диагностика аномии включает в себя измерение социологических процессов и технологию решения социальных проблем. Показан авторский подход к социологической диагностике аномии, через призму социологического барометра аномии [СБА].

ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ КОНЦА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

А. В. КЛИМОВИЧ

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Современная ситуация в области культуры, как известно, является весьма сложной и неоднозначной. Она характеризуется двумя тенденциями: взаимопроникновением и интеграцией и, с другой стороны, конфронтацией и дифференциацией, то есть тенденциями созидательными и разрушительными. С одной стороны, можно наблюдать взрывы «этничности», пробуждение национальных тенденций к самобытности и уникальности, а с другой стороны – идёт процесс унификации национальных культур, движение к единой, глобальной, общечеловеческой культуре.

Мировая культура складывалась из независимых друг от друга, вроде бы изолированных культур. Но это не совсем так. Совершенно изолированные, локальные культуры и цивилизации в истории сложно обнаружить (разве что на определённых этапах их развития). В частности, многие локальные культуры не только Древнего мира испытали на себе влияние, например, древнегреческой философии с её рационализмом, логичностью, стремлением опираться на чувства и разум, исходить из единства мира и его диалектического, поступательного и прогрессивного развития.

Вместе с тем всегда существовали и существуют отчётливо видимые различия в культурах народов и стран, относящимся к Западному и Восточному типам цивилизаций. И эти различия невозможно не замечать даже в современном глобализирующемся мире.

В различные периоды истории развития цивилизации возрастали, а затем убывали процессы миграции населения. В силу экономических, политических, религиозных причин многие тысячи людей семьями и поодиночке покидали родные места и уезжали на чужбину в поисках лучшей доли. Иногда процессы миграции были связаны с мировыми, региональными или локальными войнами; иногда были вызваны политическими репрессиями, ограничениями в области политических свобод и прав личности; иногда – притеснениями, обусловленными религиозными верованиями, невозможностью свободно отправлять религиозные обряды; наконец, значительная часть миграционных потоков была вызвана национальной проблематикой, межнациональными противоречиями, которые то обострялись, то затухали, уходя временно на второй план межнациональных коммуникаций, чтобы потом вновь вспыхнуть, зачастую, от малейшего межнационального конфликта. Отсюда достаточно актуальной проблемой, которая привлекает внимание как политиков, так и учёных стала проблема межкультурного взаимодействия, адаптации человека к инокультуре в условиях миграции больших групп населения, а также в процессе реализации идей гло-

бализма по преодолению культурного многообразия и движения от многообразия культур к монокультуре, общечеловеческой культуре.

В результате многолетней практики глобализации в области межкультурного взаимодействия в ряде европейских государств была сформулирована задача построить так называемое мультикультурное общество. Эта идея стала составной частью социальной политики и деятельности государственных органов в многонациональных государствах, среди которых можно выделить прежде всего Германию, Францию, Великобританию, Голландию. Однако эта идея так и не была реализована на практике.

Процесс реализации идеологии мультикультурализма относится главным образом к 80-90 гг. XX века, когда в высокоразвитых обществах Европы появились признаки замещения национального общества мультикультурным. Однако корни этого процесса находятся в послевоенном периоде, когда началось восстановление и структурная перестройка промышленности и экономики, что повлекло за собой нехватку рабочей силы и для устранения этого дефицита начали привлекать рабочую силу из развивающегося мира, довольствующуюся низкой заработной платой, которая была всё же значительно выше, чем в тех странах, из которых эти мигранты приехали.

Исторический анализ использования труда иммигрантов в европейских государствах показывает, что их использовали как гастарбайтеров, то есть рабочих-гостей, которые со временем должны вернуться на свою родину. Политика правительств, принимающих таких рабочих, была направлена на то, чтобы не дать им возможности инкорпорироваться, проникнуть в «национальное тело». Термин «гастарбайтер» подразумевал, что рабочие были «в гостях» и должны были вернуться в свои родные страны, как только нужда в них отпадёт. Приезд мигрантов в ФРГ позволил, например, многим немцам переквалифицироваться с рабочих специальностей в госслужащих, в чиновников. В начале 70-х годов XX века экономический кризис, вызванный кризисом энергетическим, нефтяным, привёл к запрету на привлечение в Германию иностранной рабочей силы. Однако позже поток иммигрантов опять возрос, причём он объяснялся уже не столько экономическими причинами, сколько политическими: политика «воссоединения семей», затем предоставление «политического убежища»; законы для этого в Германии одно время были слишком либеральными. Мигранты перестали быть экономической необходимостью для страны. После антиисламских выступлений в Европе в 80-е годы значительную часть иммигрантов, хлынувших в Германию, составили представители исламских государств, и если вначале это были преимущественно турецкие граждане, то позже к ним присоединились представители стран Ближнего Востока.

Большая часть иммигрантов не знали и не стремились изучать немецкий язык, интегрироваться в немецкую культуру, сохраняли свои национальные ценности, в том числе прямо противоположные нравственные ценности, не совместимые с моралью европейской.

Ассимиляция культурно, лингвистически, религиозно и морально чуждых людей была непонятна немцам ни с точки зрения целесообразности, ни с точки зрения экономических затрат государства на эти цели. Поэтому германский мультикультурализм представляет собой не столько глубокое уважение к межнациональным различиям внутри одной страны, сколько способ избежать об-

суждения проблемы «что значит быть немцем» которая затрагивает весьма болезненную для немецкой нации недавнюю историю Второй мировой войны. Поэтому доктрина мультикультурализма означала существование различных культур в рамках одного государства. Такое положение может быть охарактеризовано как сегрегация, основанная на социальной изоляции национальных меньшинств от титульного национального большинства и сохранении национальной идентичности и тех и других.

Но в конце XX века сначала в Великобритании при власти правительства лейбористов, затем в Германии при власти коалиционного правительства СДПГ и партии Зелёных началась новая фаза развития общества, которая опиралась на позиции либерализма, на «искоренение» дискриминации и достижения «равенства» различного рода меньшинств с национальным большинством. Сторонники такой политики основывались на концепции мирного сожительства представителей разных культур в одном государстве, а политику мультикультурализма считали особой политической стратегией, которая должна была помочь добиться идеального взаимодействия разных этнических, расовых и религиозных общин в одной стране. Однако не на словах, а на деле правительства этих стран требовали от новых граждан отказа от собственных идеологий и принятия либеральной идеологии, которая в то время господствовала в Европе. Заметим, что сейчас в Европе в силу многих социально-политических событий происходит постепенный отказ от доктрины либерализма в сторону неоконсерватизма (некоторые авторы говорят о неолиберализме).

Таким образом, Германия, в результате этой политики, получила внутри страны большие группы граждан, для которых интересы Германии не стали их интересами, более того, в рамках национальных меньшинств стали создаваться организации, несущие потенциальную угрозу самому этому государству. И не только государству.

Так, Фрэнсис Фукуяма полагал, что идеология мультикультурализма (например, транзит американской политики в области мигрантов от парадигмы «плавильного котла» к парадигме «миска салата») является одной из скрытых пока угроз от «продуктов» западной цивилизации. Марксизм, с точки зрения Фукуямы, давно умер, в академических левых кругах его заменили постмодернизмом, мультикультурализмом, феминизмом, критической теорией и другими разрозненными интеллектуальными течениями, которые скорее сфокусированы на культуре, чем на экономике. Мыслитель отмечает, что «мультикультурализм обосновывает жертвенность практически любой группы чужаков. Невозможно создать массовое движение на базе такой разношерстной коалиции: большинство представителей рабочего класса и низших слоев среднего класса, принесенных в жертву системе, являются консерваторами в культурном плане и не захотят, чтобы их увидели в компании подобных союзников» [1, с. 60].

Следовательно, появление в развитых европейских странах значительной численности мигрантов привело к появлению в этих странах наряду с коренным населением этнических, религиозных общин, связанных собственным единым языком, культурой, религией. Это повлекло появление и нарастание этнических и конфессиональных противоречий между населением титульной нации и чужаками-мигрантами, а иногда и между различными общинами национальных меньшинств; затем следствием этих противоречий стало появление поли-

тических организаций и партий националистического и профашистского толка. Они, в свою очередь, стали требовать изменения законодательства, чтобы уменьшить или исключить поток мигрантов из страны. Однако самым негативным следствием глобализма стал терроризм, который является его порождением и который стал весьма распространённым в современном мире.

Литература

1. Fukuyama, F. Future of history / F. Fukuyama // Foreign affairs. – 2012. – №1. – P. 53-61.

Концепция европейского мультикультурализма – это результат стремления защищать свою культуру от любых иностранных влияний, используя процесс изоляции иммигрантов других национальностей от культуры титульной нации. Для стран, которые определяют нацию в рамках европейской традиции, то есть через национальность, мультикультурализм привел к расколу в обществе.

УДК 272(476)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Н. Н. КОВАЛЁВА

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Современные исследователи считают, что «государства, более или менее осознанно не проводившего ту или иную культурную политику, в истории человечества не существовало» [1, с. 64]. Соглашаясь с этим утверждением и признавая, что в проведении культурной политики в дореволюционной России огромную роль играла частная инициатива, можно, тем не менее, определить главную задачу этой политики, основные средства её реализации и, достаточно условно, выделить этапы её проведения.

Главной задачей культурной политики России в западно-белорусском регионе была русификация, которая в языковой политике проявлялась, прежде всего, в насаждении русского языка при одновременном ограничении применения «всех языков, распространенных на западных окраинах империи в администрации, образовании, печати, публичной сфере. Ограничения налагались на прежде доминировавшие в определенном регионе языки и применялись в отношении языков, не имевших статуса вполне «развитых» и еще переживавших в XIX веке процесс эмансипации, то есть литовский, латышский, эстонский, белорусский, украинский, идиш» [2, с. 82].

В конце XIX – начале XX в. в реализации культурной политики в западно-белорусском регионе происходят существенные изменения. Прежде всего, можно говорить об особой политике именно в отношении западно-белорусского региона, так как к 1870 гг. бывший Северо-Западный край был структурирован по-иному: в составе Виленского генерал-губернаторства остались только Виленская, Гродненская и Ковенская губернии, а Могилёвская, Витебская и Минская были выведены из подчинения Виленскому генерал-губернатору, хотя и остались в составе Виленского учебного округа. Изменился и подход к назначению на должность генерал-губернатора: вместо приверженца

жестких «муравьёвских» методов В. Н. Троицкого (1884–1893) на должность генерал-губернатора назначается сторонник тактики сотрудничества с местным образованным обществом П. Д. Святополк-Мирский (1902–1904), ставший впоследствии министром внутренних дел России (1904–1905). Благодаря Святополк-Мирскому «территориальный спор о принадлежности края переносится из политической в религиозную и культурно-языковую сферу» [3, с. 173].

Конфессиональная принадлежность населения западно-белорусского региона не была стабильной после вхождения белорусских земель в состав Российской империи: в отдельные периоды даже отмечался рост численности католиков. Если учесть, что распространение православия и католицизма включали моменты инкультурации, влияя на формирование этнической самоидентификации прихожан, то понятно почему, декларируя веротерпимость, русское правительство ведёт борьбу за «русификацию» самого костёла. Но если в предыдущий период в борьбе за «русификацию» костёла преобладали меры административного характера (внедрение лиц польского происхождения в состав католического духовенства, замена польского языка русским в преподавании Закона Божьего), сейчас польский костёл рассматривается не как враг, а как конкурент. И в этой конкурентной борьбе всё чаще используется метод апелляции к этнической самоидентификации.

Если предшественники П. Д. Святополк-Мирского отождествляли религию и национальность, новый генерал-губернатор в отчете за 1902-1903 гг., поданном на имя Николая II, писал: «русское племя в Северо-Западном крае не есть безусловный носитель Православной церкви» [3, с. 193]. Действительно, данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., где этническая принадлежность определялась по «родному языку», свидетельствуют, что белорусы-католики в большинстве случаев не считали себя поляками. В Гродненской губернии значительная часть, а в Виленской губернии – более половины всех лиц (58,5%), считавших своим родным белорусский язык, исповедовали католицизм [4, с. 50].

Далее в отчете генерал-губернатора следует вывод: «Чтобы остановить ополчение католической части белорусского племени, власть должна приложить максимум усилий для развития у белорусов **национального самосознания** (выделено автором, Н. Ковалёвой), чему может послужить введение в белорусских католических приходах **дополнительного богослужения на их родном языке** (выделено автором, Н. Ковалёвой) [3, с. 193]. Комитет министров, отметив политическую значимость этого вопроса и учитывая этнические особенности населения края, поручил министерству внутренних дел принять все зависящие от него меры к введению в католических белорусских приходах дополнительного богослужения на белорусском языке [3, с. 194]. К идее введения богослужения на белорусском языке правительство обратилось вновь в 1905 году в ответ на предложение нового Виленского генерал-губернатора А. А. Фрезе. В ответ на разосланные Департаментом Духовных Дел отношения губернаторы Северо-Западного края попытались на основе запросов, адресованных уездным предводителям дворянства, проанализировать целесообразность и возможность введения в римско-католических богослужениях местных «наречий». Отвечая на запрос Гродненского губернатора М. М. Осоргина, «трое из девяти уездных предводителей дворянства – Кобринский, Бельский и Волковысский – категорически высказались против введения белорусского языка, четверо – Брестский, Слонимский, Белостокский и Гродненский – поддержали предложение в принципе, но заявили, что его реализация по разным причинам невозможна. Только двое – Пружан-

ский и Сокольский – высказались за осуществление реформы. Причём последний заявил, что ввести белорусский язык необходимо не только в католическое, но и в православное богослужение, ибо это тоже отвечает желанию населения» [5, с. 72]. Заметим, что в этих отчетах абсолютно не учитывались лингвистические особенности населения Западного Полесья (Брестского, Кобринского и Пружанского уездов), которое с середины XIX в. устойчиво стали обозначать как украинцев. П. Бобровский, называя жителей Западного Полесья «палешуками», «пинчуками», «бужанами» («рушками»), подчеркивал, что язык их («королевский говор») значительно отличается от говора малороссийского, а тем более – от белорусского, однако с тем и с другим имеет много общего» [6, с. 88].

Противостояние православной церкви и католического костёла проявилось и в системе образования. До начала восстания 1863 г. в Западном крае «в педагогических советах учебных заведений открыто высказывались пожелания начального обучения крестьянских детей на малороссийском и белорусском «наречиях». Сразу после начала восстания проекты сочетания русского языка с малороссийским и белорусским «наречиями» заменяются установкой на возможно более скорое внедрение преподавания исключительно на русском [5, с. 245]. В новых условиях правительство вновь возвращается к идее ограниченного использования местных «наречий» в образовательных учреждениях как средстве борьбы с полонизацией. Указ 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости» давал учащимся католикам во всех учебных заведениях право изучать Закон божий на их природном языке. Виленский епископ Э. Ропп 22 апреля 1905 г. издал распоряжение, предписывавшее молитвы, катехизис, священную историю и историю костёла учащимся «преподавать на том языке, на котором дети молились дома, то есть на польском и литовском; детям, разговаривавшим по-белорусски, епископ разрешил «в начальных классах преподавать религию по-белорусски» [4, с. 97]. Естественно, возникали сложности при определении родного языка учащихся католиков, так как большинство детей, говоривших дома по-белорусски, традиционно с детства учились молиться по-польски, как и их родители. Предполагалось, что родной язык укажут родители, которые, безусловно, испытывали некоторое давление со стороны священнослужителей.

Понимая, что предоставленная возможность открывает дополнительные шансы введения польского языка, как языка преподавания Закона Божьего, правительство 22 февраля 1906 г. приняло «Временные правила преподавания Закона Божьего», где давались подробные разъяснения относительно проблемы выбора языка. О возможности ограниченного использования в образовательном процессе белорусского и украинского языков вновь заговорили в 1910 г. в связи с обсуждением проекта закона о введении всеобщего начального образования в России. «Проект предполагал, что преподавание должно вестись на русском, но в первые два года допускалось преподавание на родном языке учащихся с тем условием, что уже в первые три месяца обучения должен преподаваться и русский» [7, с. 372]. Закон о всеобщем начальном образовании так и не был принят, и идея о преподавании на родном языке не реализована. Однако на волне некоторой либерализации отношения к национальным языкам в 1910-е годы развивается книгоиздание на языках национальных меньшинств, что, безусловно, является предпосылкой развития народного просвещения. «В 1910-е гг. кни-

ги в России выпускались более чем на 20 языках, хотя заметными успехи в области книгоиздания были лишь на польском, языках Прибалтики, идише, татарском, армянском, украинском, грузинском. Например, в 1913 г. на идише было выпущено 574 издания (тираж 1541015), а на белорусском – только – 12 изданий (тираж 33000)» [8, с. 366–367].

Таким образом, в результате изменения культурной политики России в западно-белорусском регионе наблюдаются изменения в характере межкультурного диалога. «Категорическое отрицание» одной культуры (в данном случае польской) сменяется «настороженным к ней отношением» [9]. Число участников диалога увеличивается за счет новых акторов, чье этническое самосознание, основанное на родном языке, ещё только формируется – белорусов и украинцев. Эти акторы не являются равноправными участниками межкультурного диалога, а рассматриваются и используются главными противоборствующими сторонами для достижения победы в противостоянии.

Литература

1. Жидков, В. С. Культурная политика России: теория и история / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – М.: Академический проект, 2001. – 592 с.
2. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006 – 248 с.
3. Бендин, А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.: ил.
4. Ганчар, А. И. Римско-католический костел в Беларуси (1864 – 1905 гг.): монография / А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2008. – 276 с.
5. Павшок, А. В. Проблемы языка преподавания Закона Божьего и языка богослужения в римско-католической церкви в Беларуси в начале XX века / А. В. Павшок // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. 4. – 2011. – № 1 – С. 70–74.
6. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.
7. Западные окраины Российской империи / под ред. М. Долбилова, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с., ил.
8. Беликов, В. И. Социоллингвистика: учебник / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: 2001. – 439 с.
9. Сокольских Н. Н. Диалог пограничных культур // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена /Аспирантские тетради. Научный журнал. – СПб., 2007. – № 10 (31). – 248 с.

УДК 159.923.316.6

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО–ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Е. Г. КУДРИЦКАЯ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В зарубежной и отечественной практике удовлетворенность рассматривается как один из значимых показателей качества высшего образования. Однако, как правило, оценке подвергаются отдельные аспекты образовательного процесса, которые ограничиваются сугубо статистическими показателями. Одна из основных

50

проблем изучения удовлетворенности заключается в том, что разные авторы используют различные понятия удовлетворенности. Термин не имеет общепринятого определения и является широко используемым и междисциплинарным.

В словаре «Merriam-Webster dictionary» категория Satisfaction (удовлетворенность) трактуется как «источник радости», «исполнение желаний и потребностей», «состояние, в котором субъект испытывает удовлетворение» [1]. В указанном определении акцентируется внимание на индивидуальном и эмоциональном характере переживания удовлетворенности. Кембриджский словарь определяет значение термина как «приятное состояние получения того, что ты хотел, или совершения того, что ты запланировал сделать» [2]. Здесь очевиден процессуальный подход и с этой точки зрения переживания выступают как универсальный психологический механизм, где удовлетворенность является индикатором успешности осуществления личностью своих отношений с окружающей средой, в которых раскрываются его социальные качества. Некоторые психологи рассматривают удовлетворенность одновременно и как эмоциональное состояние и как позитивные переживания, синтезируя предыдущие точки зрения. Так, С. Рубинштейн в структуре эмоционального явления выделял два ведущих компонента: «содержательный (когнитивный) – отражение объекта эмоций и оценочный компонент, собственно переживания» [3]. Наиболее развернутое определение удовлетворенности содержится в понятии «удовлетворенность трудом». Это – «эмоционально окрашенное психическое состояние человека, возникающее на основе соответствия его намерений, установок, надежд и потребностей с последствиями и результатами деятельности, взаимодействия с социальным и природным окружением» [4, с.566].

Таким образом, анализ принятых в психологии представлений о сущности удовлетворенности свидетельствует, что понятие «удовлетворенность трудом» значительно уже, чем понятие «удовлетворенность». На основании вышеизложенного целесообразно систематизировать представления о предмете исследования и выделить встречные определения и подходы в единую классификацию.

1. Удовлетворенность как отношение личности

Употребляется в советской социально-психологической литературе. По словам В.Н. Мясищева, отношение «...представляет собой потенциальный аспект психологических процессов, связанных с избирательной и субъективной активностью личности» [5, с. 96]. С этой позиции, отношений человека, в процессе деятельности проявляются через такие аспекты человеческой психики как потребности, склонности, оценки, вкусы, принципы и убеждения. Эстонский исследователь Т.А. Китвель рассматривал удовлетворенность как «индикатор отношений в процессе деятельности и интерпретируя данные опроса об удовлетворенности трудом, считал, что опрошенные в своих высказываниях опираются, прежде всего, на свое отношение к труду» [6].

2. Удовлетворенность как состояние

Согласно данному подходу, категория удовлетворенности/неудовлетворенности – это полярные эмоционально-психические состояния, характеризующие восприятие личностью различных сторон деятельности. «Удовлетворенность трудом», – пишет Р. Штольберг, – не что иное как «психическое состояние работника, отражающее его трудовую установку, отношение к жизни, его трудовую мотивацию, его потребности и ожидания относительно работы» [7, с. 23].

Автор попытался систематизировать человеческие потребности как основу для группировки трудовых мотивов, требований личности, факторов удовлетворенности трудом. Он выделяет пять основных видов потребностей: 1) потребность в труде; 2) потребность в развитии умственных и физических способностей; 3) потребность в творческой деятельности в коллективе, в социальных контактах при кооперации, в социальной защищенности; 4) потребность в материальном обеспечении; 5) потребность в социальной интеграции через процесс труда [7, с. 29]. Советский и российский психолог Р.Х. Шакуров в своих трудах анализирует удовлетворенность как эмоциональное состояние, которое находит свое выражение в следующих формах: «в переживаниях, имеющих ситуационный характер, и устойчивых настроениях» [8]. А.Л. Свенцицкий рассматривает удовлетворенность как «...психическое состояние личности, вызванное соотношением между уровнем ее притязаний и реальными возможностями их осуществления» [9, с. 24]. Он отмечает, что удовлетворенность на эмпирическом уровне может определяться с помощью субъективных оценок, в зависимости от ситуации.

Таким образом, анализируя вышеизложенные позиции можно сделать вывод, что понятие удовлетворенности как состояние зависит от особенностей личности и определяется целым комплексом параметров: переживаниями, настроениями и притязаниями субъекта.

3. Удовлетворенность как оценка трудовой ситуации

Оценка – это субъективное отношение не столько к труду, сколько к ценности труда, условиям трудовой деятельности, ситуации и факторов, определяющих эти ценности в процессе взаимодействия личностей.

Здесь отсутствует единое общепринятое мнение среди исследователей. Проведенные под руководством Э. Мэйо знаменитые «Хоторнские эксперименты» 1927–1932 гг. позволили утверждать, что удовлетворенность труда зависит, прежде всего, от «неформальных отношений между рабочими, возможностью их участия в управлении, формы внешнего контроля и т. д.» [10].

Наиболее авторитетной в психологии считается двухфакторная теория удовлетворенности трудом Ф. Херцберга (1959), выделяющая две группы факторов или критериев. Это: 1) «гигиенические факторы» (внутренние факторы), которые определяют у индивида возникновение чувства удовлетворенности условиями труда, статусом, межличностными отношениями, и т. д.; 2) «мотивационные факторы» (внешние факторы) которые связаны с потребностью самодостигновения и психологического развития человека: содержание труда, достижения в работе, признание со стороны окружающих, возможность квалификационного роста и продвижения [11]. В соответствии с данной теорией, «выделенные группы факторов независимы друг от друга, так как отсутствие неудовлетворенности автоматически не ведет к удовлетворенности и, наоборот» [12]. Так, ухудшение условий, связанных с факторами гигиены, как правило, формируют неудовлетворенность, но их улучшение, вызывает ее понижение, но не всегда создаст ощущения удовлетворенности. Важным показателем социально-психологического климата, эффективной деятельности и, как итог, удовлетворенности в коллективе зависит от степени влияния мотивационных факторов.

Опираясь на труды Ф. Херцберга, в середине 1960-х гг. Дж. У. Аткинсон разработал более общую (по сравнению с теорией Ф. Херцберга) теорию удовлетворенности. По его мнению, людей следует разделить на две группы, по

характеру доминирующей мотивации: те, кто стремится к успеху, и те, кто стремится избежать неудач.

Американские психологи (Т. С. Паркер, Р. А. Катцелл, Э. Э. Кюретон, Р. С. Бэррет, Ч. Л. Хулин, М. Р. Блад и др.) исследовали взаимосвязь удовлетворенности трудом в обратной зависимости от урбанизации. На основании исследований было установлено, что с увеличением степени урбанизации, перемены места жительства, работы и т. д. – растет и степень неудовлетворенности.

Феномен удовлетворенности в контексте оценок также рассматривается в трудах советских психологов: К. Г. Крупнова, И. Г. Столяра (1972). По мнению ученых, удовлетворенность трудом представляется в качестве «комплексной оценки трудовой ситуации, описывающей весь спектр влияний, испытываемых личностью в производственных условиях» [13].

4. Удовлетворенность как установка

Удовлетворенность рассматривается в рамках концепции аттитюда (attitude) как совокупность социально-фиксированных установок, содержащая когнитивный, эмоциональный и поведенческий компонент. Эти компоненты можно рассматривать как отдельные аспекты, но отношение личности определяется в совокупности всех элементов как реакция человека на явления внешнего мира. Исследователи В. А. Ядов, А. А. Кисель указывают, что при «повторении привычной ситуации деятельности его (субъекта) поведение мотивируется не потребностью как таковой, а ее «представителем» в виде «соответствующей диспозиции». Состояние удовлетворенности обуславливают социальные факторы, которые являются отражением объективных социальных условий трудовой деятельности в системе потребностей человека. Учитывая, что интеграция в систему социальных связей человека и удовлетворение его потребностей непрерывно связано с окружением человека, то в «структуре его отношений к действительности фиксируются социальные установки и другие диспозиционные образования». В том случае, если субъект деятельности попадает в привычную для него ситуацию, включающую реализацию его потребности, его поведение «мотивируется уже непотребностью, а ее «представителем» в виде соответствующей диспозиции» [14]. Таким образом, можно сделать вывод, что, в зависимости от рода деятельности и социальной группы, факторы удовлетворенности могут коренным образом различаться.

5. Удовлетворенность как мотив

Этимология термина «мотив» (от лат. «movere» – приводить в движение, толкать) трактует его как «побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; совокупность внешних или внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность» [15, с. 219]. К группе подходов, описывающих структуру трудовой мотивации и условия удовлетворенности трудом, традиционно относят иерархическую модель А. Маслоу и ERG-теорию С. Алдерфера.

Теория А. Маслоу предполагает, что мотивация формируется в соответствии с иерархией потребностей. Деятельность человека, направленная на удовлетворение его низших потребностей, равносильна уменьшению неудовлетворенности. Как правило, действия, стимулирующие удовлетворение высших потребностей, является мотивирующим источником удовлетворенности.

Теория С. Алдерфера представляет собой модификацию иерархической модели А. Маслоу. Исходным положением этой теории является гипотеза о существовании трех групп потребностей, перечисленных в определенном порядке: начиная, от наиболее конкретных и до наименее конкретных... Эти потребности в существовании (existence – E), отношениях с другими людьми (relatedness – R) и росте (growth – G). Согласно теории ERG, если «усилия, направленные на удовлетворение потребностей какого-либо уровня, постоянно приводят к фрустрации, то человек может регрессировать ... к поведению, удовлетворяющему более конкретные потребности» [16, с. 145]. Главным отличием данного подхода от иерархической модели А. Маслоу и особенностью является отказ от жесткого ранжирования потребностей.

Гораздо более удобной с практической точки зрения при оценке степени удовлетворенности трудом представляется теория справедливости Дж. Адамса. Согласно этой концепции, «люди сравнивают соотношения между тем, что они получают в своей рабочей ситуации (своими результатами), и затраченными на это усилиями (своими вложениями) с соотношением результатов и вложений других людей. К результатам относятся заработная плата, статус, должностной уровень. Наиболее значимыми вложениями являются: умения, знания, опыт, стаж работы, образование» [17]. Согласно теории справедливости, удовлетворенность трудом будет высокой, если соотношение результат/усилия индивида будет равно или несколько выше среднего значения для данного вида деятельности. Если соотношения ниже среднего, то вполне очевидно, что удовлетворенность резко падает, и данная ситуация воспринимается индивидом как явная несправедливость. Основным недостатком теории справедливости является то, что при анализе степени удовлетворенности не учитываются важные социально-психологические факторы: система межличностных отношений, статусно-ролевая позиция личности в неформальной структуре группы и т. п.

Для оценки степени удовлетворенности особое значение приобретают факторы, мотивирующие трудовую деятельность. Коллектив авторов корнельского трудового дискретного индекса (П. Смит, Л. Кендалл, Ч. Хулин) по итогам проведенного опроса выделяет «пять групп факторов удовлетворенности: оплата труда; карьера; психологический климат; отношения с руководством; непосредственно работа» [18].

Исследователями Д. Пельц и Ф. Эндрюс была проанализирована группа из тринадцати факторов удовлетворенности трудом: «соответствие работы, выполняемой специалистом, и его квалификации; возможность дальнейшего роста и развития работника: должностного и квалификационного; размер заработной платы; отношения с начальством и др». [19].

Анализ существующих концепций позволяет выделить следующие определения категории удовлетворенности:

– это отношение личности, складывающееся в процессе деятельности человека и проявляющееся через его потребности, склонности, оценки, вкусы, принципы и убеждения;

– это эмоционально-психическое состояние человека, связанное с внутренними переживаниями, устойчивыми настроениями, ситуативными состояниями, определяющими перспективные направления его активности;

- оценка личностью сложившейся трудовой ситуации в соответствии с потребностями (условия формальных и неформальных отношений, стиль управления, престижности работы, возможность дальнейшего продвижения, заработок);
- совокупность социально-фиксированных установок, содержащая когнитивный, эмоциональный и поведенческий компонент;
- мотивация деятельности, обуславливающая возможность удовлетворения потребностей многообразными факторами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует единый подход к феномену удовлетворенности и ее детерминантам. Общим в различных трактовках удовлетворенности выступают: понимание ее как определенного функционального состояния; единство когнитивных и эмоциональных компонентов переживания; появление переживания как итога сравнительного анализа существующего с желаемым (или должным).

Литература

1. Merriam-Webster dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com>. – Дата доступа: 23.10.2018.
2. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Дата доступа: 23.10.2018.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 712 с.
4. Крысько, В. Г. Социальная психология: словарь-справочник по социальной психологии / В. Г. Крысько. – Минск : Харвест, 2001. – 688 с.
5. Мясичев, В. Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений / В. Н. Мясичев // Психологическая наука в СССР. – М., 1960. – Т.2. – С. 91-104.
6. Китвель, Т. А. О социально-психологических проблемах удовлетворенности трудом / Т. А. Китвель. – Таллин : Ин-т истории АН ЭССР, 1974. – 134 с.
7. Штольберг, Р. Социология труда / Р. Штольберг; пер. с нем. под общ. ред. и с предисл. А. В. Ермаковой. – М. : Прогресс, 1982. – 248 с.
8. Шакуров, Р. Х. Психология руководства педагогическим коллективом : учеб. пособие для педвузов / Р.Х. Шакуров ; – М.: РАО ИССО, 1995. – 184 с.
9. Свенцицкий, А. Л. Социальная психология управления : учеб. пособие / А. Л. Свенцицкий; под ред. Е. С. Кузьмина. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 175 с.
10. Mayo, G. E. The Basis of Industrial Psychology / G. E. Mayo // Bulletin of the Taylor Society. – 1924. – P. 249–259.
11. Herzberg, F. One more time: how do You motivate employces? / F. Herzberg // Harvard Business Review. January-Febraru. – 1968. – P.56–57.
12. Gaziell, H. H. Correlates of job satistasfaction: a study of the two factors theory in an educational setting / H. H. Gaziell // J. of Psychol. – 1986. – Vol. 120, № 6. – P. 613–62.
13. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин // Серия «Мастера психологии» – СПб. : Питер, 2002. – 512 с.
14. Ядов, В. А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования / В. А. Ядов, А. А. Кисель // Социологические исследования. – 1974. – №1. С. 78–87.
15. Петровский, А. В. Психология. Словарь / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский; под общ. ред. А.В. Петровского, А. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
16. Гришина, Н. В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы / Н. В. Гришина // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. – СПб., 1997.– Вып.1. – С. 143–156
17. Кнышов, А. В. Анализ основных положений теории справедливости Джона Стейси Адамса / А. В. Кнышов, И. А. Моряк // Научный журнал NovaUm.Ru. Экономические науки. – 2017. – №7. – С. 99–101.

18. Smith, P. C. The measurement of satisfaction in work and retirement: a strategy for the study of attitudes / P. C. Smith, L. M. Kendall, C. L. Hulin. – Chicago : Rand McNally, 1969. – 186 с.

19. Пельц, Д. Ученые в организациях: об оптимальных условиях для исследований и разработок / Д. Пельц, Ф. Эндрюс. – М. : Прогресс, 1970. – 472 с.

Статья посвящена актуальной проблеме-анализу удовлетворенности как социально-психологической категории.

В ней рассмотрены различные подходы к пониманию данного феномена, дан теоретический анализ принятых научных представлений, описаны сильные и слабые стороны различных трактовок понятия удовлетворенности.

Автор систематизировал представления о предмете исследования, выделив встречные определения и подходы в единую классификацию, проанализировал и описал ведущие определения удовлетворенности.

УДК 4(476)«1921 /1939»+94(438)«1921/1939»

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ТОВАРООБОРОТ НА БЕЛОРУССКОМ УЧАСТКЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ В 1921-1939 ГГ.

В. Н. КУЗЬМИЧ

*Брестский государственный технический университет
г. Брест, Беларусь*

В условиях экономической разрухи в советской Беларуси и послевоенного экономического кризиса Речи Посполитой неизбежным следствием недостатка промышленных товаров и продуктов питания стала контрабанда. Причин резкого увеличения контрабандных потоков на белорусском участке советско-польской границы было несколько. Во-первых, дефицит товаров народного потребления в БССР. В начале 20-х гг. жители испытывали недостаток практически всего: продуктов питания, товаров первой необходимости, мануфактурных изделий, техники и оборудования и т. д. [14, с. 147]. В обратную сторону через Польшу шел один из путей переправки золота и ценностей из советских республик. Эмигранты и зажиточные граждане предпочитали переводить свои сбережения в золото, ценности или валюту и тайными путями переводить их на хранение в европейские банки [2, л. 4].

Вторая причина распространения контрабанды – слабость пограничных служб. До кардинальной реорганизации пограничных войск и в БССР и в Польше в 1924 г. граница охранялась слабо, что давало возможность почти беспрепятственного провоза товаров. Плохо охранялись и пограничные пункты, и участки между ними, контрабанду можно было провезти и через таможенные пункты и в обход них. Поэтому максимальный уровень контрабандных потоков был в 1921 – 1924 гг.

Следующая причина участия в контрабанде значительного числа пограничного населения – высокий уровень безработицы по обе стороны границы, вызванной сокращением промышленного производства и посевных площадей. Так, в мае 1924 г. в БССР насчитывалось 25 000 безработных [11, с. 96]. В Польше на январь 1926 г. было 267 732 безработных [1, с. 28], из них в городах

белорусских воеводств – 21 000 [15, с. 285]. Молодежь, демобилизованные военные, особенно польской национальности, не имели возможности устроиться на работу, поэтому участвовали в незаконном промысле. Также росту контрабандной торговли способствовали бюрократия и коррупция.

Масштабы контрабандной деятельности были разными. На самой низкой ступени стоит так называемая потребительская, или бытовая, контрабанда. По существу это было самообеспечение пограничного населения заграничными товарами [12, с. 233]. Поток потребительской контрабанды был гораздо интенсивнее из Польши в БССР, поскольку снабжение с советской стороны было очень слабым.

Следующий уровень – мелкая контрабанда или занятие контрабандой в виде промысла – квалифицировался уже как профессиональное занятие. Заключалось оно в том, что местные жители закупали товар за границей мелкими партиями и сбывали его своим соседям и знакомым. При этом часто товары привозились под заказ, что обеспечивало контрабандисту гарантированный сбыт [3, л. 72]. К мелкой контрабанде относился также такой вид незаконного промысла, когда граждане получали из-за границы почтовые посылки якобы для собственных нужд, а на самом деле для продажи [12, с. 233]. Характерная черта мелкой контрабанды – участие большого количества людей при низком уровне денежного оборота.

Средняя контрабанда – провоз через границу не более одной подвод в день – чаще всего была организованной. В ней участвовали как граждане обеих стран, так и пограничники. В основном таким образом перевозился сахар [3, л. 72].

Крупная контрабанда – провоз через границу около 30 подвод в неделю – имела в основе разветвленную организацию, участники которой были хорошо вооружены и вступали в схватку с пограничниками и полицией (милицией). Так, например, в 1927 г. на белорусском участке границы было 5 случаев вооруженных столкновений с контрабандистами [12, с. 250]. Также крупные организации состояли в сговоре с пограничниками. Для более легкого оборота они открывали в пограничной зоне склады и магазины, которые реализовывали контрабандный товар [4, л. 4].

В Беларуси основными рынками сбыта контрабандных товаров были такие города, как Минск, Борисов, Бобруйск, Витебск [10, с. 512]. В Польше основной поток вывозимых за границу ценностей направлялся на валютные рынки в Гданьск или Катовицы, другие товары сбывались в Клецке, Несвиже, Барановичах, Варшаве [3, л. 71].

Для провоза контрабандного товара использовались различные ухищрения. Лица, занимавшиеся крупной контрабандой и имевшие большой товарно-денежный оборот, подкупали служащих погранохраны. Случев участия пограничников в нелегальной экономической деятельности было много как с советской, так и с польской стороны. Подкупались как рядовые пограничники, так и офицерский состав [12, с. 706; 7, л. 8].

Лица, не имевшие возможности тратить лишние средства на взятки пограничникам, придумывали тайники в одежде, обуви, транспортных средствах, предметах личного пользования, багаже, продуктах. Так, спирт переправлялся в бревнах, для чего их распиливали, выдалбливали пазы для бачков со спиртом, после чего бревна сбивали и ставили вместе с плотом или поодиночке. Ткани и

меха провозились под видом личной одежды: платья, юбки, пальто сшивались на "живую нитку". Некоторые товары запекались в хлебобулочные изделия, запайвались в мыло [13, с. 28].

Список контрабандных товаров был достаточно широк. При этом их перечень различался в зависимости от направления контрабандного потока. Так, из Польши в БССР ввозились: техника, табак, чай, сахар, сахарин, соль, мыло, ткани, обувь, кожа. Отдельную статью нелегального импорта в первой половине 1920-х гг. составляли оружие, взрывчатые вещества, военная техника (в основном из Германии). При этом часто эту продукцию пытались выдавать за сельскохозяйственную технику и детали к ней, а также за сырье для производства лекарств [5, л. 7].

Из БССР в Польшу следовали: драгоценные металлы и изделия из них, в том числе и монеты, ювелирные изделия, часы, валюта, лошади, различные виды сырья для промышленности. Кроме того, в Польшу активно вывозились печатные издания [4, л. 3].

Следует также отметить, что перечень контрабандных товаров менялся на протяжении межвоенного периода и зависел от благосостояния населения и потребительского спроса. Если в 1920-х гг. преобладал ввоз в БССР продуктов и товаров первой необходимости, то в 1930-х гг. появился спрос на более дорогие товары. В 1934 – 1935 гг. стал преобладать ввоз промышленных изделий: машин и частей к ним, часов, фотоаппаратов, тканей и т. п. А вот вывоз валюты и валютных ценностей (золота, изделий из ценных металлов) сохранился практически без изменений [12, с. 709].

Уровень контрабандных потоков варьировался в разные годы. Это было связано с потребительским спросом, который определялся общим состоянием экономики. В 1921 – 1923 гг. количество провозимой контрабанды было наибольшим, поскольку пограничники были не в состоянии отловить всех мелких контрабандистов, хорошо знавших местность, а также не могли противостоять крупным шайкам, поскольку уступали им в вооружении.

После реорганизации пограничных служб в Польше и БССР в 1924 г. ситуация кардинальным образом изменилась. Так, на белорусском участке советско-польской границы было отмечено резкое падение задержаний контрабанды: 175 686 руб. в 1925/1926 гг. против 416 892 руб. в 1924/1925 гг. [12, с. 231]. Кроме того, после усиления пограничного контроля стало трудно и опасно провозить через границу большие партии товаров, поэтому крупная контрабанда постепенно исчезала, контрабандисты стали переходить границу в одиночку или группами в 2-5 человек [9, с. 342].

Вместе с тем масштабы незаконного товарооборота на границе весьма впечатляют. Учитывая, что конфискованная контрабанда составляла лишь часть от всей провозимой (по оценкам специалистов в 1921 – 1926 гг. – 5%, а в 1929 – 1939 гг. – 70%), то ориентировочная стоимость всей контрабанды, прошедшей в 1921 – 1936 гг. на участке Белорусского пограничного округа, составляла 100 млн рублей [8, с. 34].

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. контрабандные потоки между Польшей и БССР удалось взять под контроль. Помимо пограничных служб, здесь важную роль сыграли выход из экономического кризиса и постепенное налаживание производства, а также жесткие репрессивные меры борьбы с контрабандистами в БССР.

Литература:

1. Броўкін, Я. А. Эканоміка Польшчы ў 1921 – 1929 гг. / Я. А. Броўкін // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 3. – С. 25 – 31.
2. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф.67. – Оп.1. – Д. 57.
3. ГАБО. – Ф.67. – Оп.1. – Д. 17.
4. ГАБО. – Ф.67. – Оп.1. – Д. 84.
5. ГАБО. – Ф.67. – Оп.4. – Д. 28.
6. ГАБО. – Ф.67. – Оп.1. – Д. 596.
7. ГАБО. – Ф. 2029. – Оп. 1. – Д. 6.
8. Заерко, А. Л. Крoвая граница. Кн. первая: 1918 – 1939 / А. Л. Заерко. – Минск: Камерон-Д, 2002. – 270 с.
9. На страже границ Отечества: История пограничной службы: краткий очерк / Федеральная пограничная служба Российской Федерации / В. И. Боярский [и др.]; под общ. ред. В. И. Боярского. – М.: Граница, 1998. – 606 с.
10. «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину. О положении в стране. 1922 – 1934 гг.: В 6 т. /редкол.: А. С. Волков [и др.] – М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2001. – Т.1: 1922 – 1923 гг. – 1056 с.
11. «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину. О положении в стране. 1922 – 1934 гг.: В 6 т. / редкол.: А. С. Волков [и др.] – М.: издательский центр ИРИ РАН, 2001. – Т. 2: 1924г. – 575 с.
12. Пограничные войска СССР. 1918 – 1928. Документы и материалы / АН СССР, Ин-т истории СССР, Глав. упр. погран. войск; редкол.: Ю. И. Кораблев [и др.]. – М.: Наука, 1973. – 927 с.
13. Пограничные войска СССР. 1929 – 1938. Документы и материалы / АН СССР, Ин-т истории СССР, Глав. упр. погран. войск; редкол.: П. А. Иванчишин [и др.]. – М.: Наука, 1972. – 775 с.
14. Часовые советских границ: краткий очерк истории пограничных войск СССР / В.С. Иванов [и др.]. – М.: Изд-во политической литературы, 1983. – 320 с.
15. Эканамічная гісторыя Беларусі: вучэб. дапаможнік / пад рэд. В. Ш. Галубовіча. – Мінск: Экаперспектыва, 1996. – 305 с.

Статья посвящена анализу нелегального товарооборота на белорусском участке советско-польской границы в 1921-1939 гг. В качестве причин резкого увеличения контрабандных потоков на белорусском участке советско-польской границы автор выделяет дефицит товаров народного потребления в БССР, слабость пограничных служб, высокий уровень безработицы по обе стороны границы.

УДК 314.15.015

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕНДЕНЦИИ И ОЦЕНКИ

О. В. КУЧМАЕВА

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

Семья для различных групп российского общества является важнейшей ценностью [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Однако институт современной семьи меняется под воздействием совокупности социальных, культурологических, демографических факторов. Модель демографического поведения россиян характеризуется множеством различных стилей жизни [7]. Это сказывается и на отношении к институту семьи.

Меняется брачный состав населения России. В структуре населения бракоспособного возраста сокращается доля состоящих в зарегистрированных браках при увеличении доли лиц, выбравших для себя незарегистрированный брак. Так, по данным переписей, за 2002-2010 гг. доля состоящих в зарегистрированном браке мужчин сократилась с 565 до 531 на 1000 человек. В то же время доля состоящих в незарегистрированном браке увеличилась с 61 до 81 человека. Для женщин соответствующие показатели составили 474 и 441 женщина из 1000 для состоящих в зарегистрированном браке и 51 и 67 женщин – для незарегистрированных. Особенно значителен уровень незарегистрированных браков для лиц в возрастах до 44 лет. Так, Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения, проведенное Росстатом в 2017 году [8], показало, что доля состоящих в фактических брачных отношениях в возрасте до 25 лет составила 38,6% для женщин и 46,7% – для мужчин, в возрасте 25-29 лет – 20,0% и 22,3% соответственно. Подобные показатели свидетельствуют о снижении значимости официальной регистрации брачных отношений. Среди лиц, вступивших в брак в 2015-2017 гг., доля незарегистрированных браков составляет около 40% (40,6% для женщин и 41,3% для мужчин).

Увеличивается средний возраст матери при рождении ребенка. Если средний возраст для совокупности матерей, родивших первого ребенка до 1994 года, составил 19,1 лет, то к периоду 2015-2017 гг. он увеличился до 26,6 лет. За этот же период средний протогенетический интервал (период от заключения брака до рождения первого ребенка) увеличился в 3 раза. Также увеличился интервал между рождением первого и второго ребенка (от 22 до 66,9 месяцев). Растет доля респондентов, использующих контрацептивные средства в браке до рождения первого ребенка (среди женщин в возрастах до 25 лет она выросла до 48,8%) с целью отложить момент появления детей. Рождение ребенка перестает быть первоочередной задачей создания семьи.

Исследования подтверждают наличие изменений в России, характерных для эпохи второго демографического перехода [9]. В частности, до недавнего времени результаты исследований демонстрировали устойчивость достаточно традиционного распределения обязанностей в семье. Однако в настоящее время в семье отсутствует «четкая поляризация родительских ролей» [10]. По данным мониторинга ВЦИОМ, подавляющее большинство россиян выступают за равенство супругов в семейных отношениях: так, в 2018 г. 82% респондентов дали ответ, что, по их мнению, так должно быть в семье, а 72% состоящих в браке ответили, что в своей семейной жизни принимают решения совместно (с 2009 г. – 34% – эта цифра увеличилась более чем в 2 раза)[11].

В ходе опроса респондентов в рамках исследования «Разработка методологии статистической оценки демографической безопасности в условиях глобализации» (грант РФФИ 15-02-00203), проведенного в 2016 г., была предпринята попытка выявить мнения представителей различных поколений о семье. В ходе реализации проекта было опрошено 728 человек.

Ответы респондентов на вопрос: «С какими взглядами на семью Вы согласны?» позволяют говорить о том, что среди россиян не находят много сторонников позиции, характеризующие традиционную семью с четко закрепленными патриархальными внутрисемейными ролями. При всем многообразии характеристик идеальной семьи, представленных в ходе опроса, интерес представляет

их взаимосвязь между собой. Применение метода факторного анализа позволило сгруппировать основные характеристики идеальной, с точки зрения респондентов, семьи (14 факторов) в 6 компонент¹.

Первая компонента включает 4 фактора – «сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит», «развод – это нормально», «чтобы быть счастливым, не обязательно создавать семью», «чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак». Они, скорее, характеризуют достаточно современное отношение к семье. Вторая компонента объединяет 6 факторов – «нужно венчаться в церкви», «семья без детей – это не семья», «девушка должна сохранять девственность до свадьбы», «одиноким человек не может быть счастливым», «семья – это, прежде всего, большой труд и терпение». Остальные факторы стоят «особняком» (они не взаимосвязаны с какими-либо другими факторами). В отдельную компоненту выделились факторы «при заключении брака надо оформлять брачный контракт», «забота о детях – обязанность женщин», «хорошая жена всегда покорна своему мужу», «регистрировать брак не обязательно». Мнения респондентов в отношении этих позиций не связаны ни с патриархальными, ни с современными взглядами на семейные отношения.

На основании проведенного анализа и взаимосвязи ответов на вопрос о характеристиках идеальной модели семьи можно сказать, что факторы, формирующие вторую компоненту, по сути, характеризуют традиционные семейные ценности. Респонденты чаще выбирают либо характеристики, относящиеся к компоненте 1, либо это характеристики компоненты 2. Все сформированные компоненты объясняют лишь 58% дисперсии признаков. Это подтверждает факт, что мнения россиян о желаемой модели семьи весьма противоречивы, и выделенные характеристики традиционной модели семьи характеризуют систему ценностей лишь одной из групп россиян.

Трансформация модели семьи затрагивает систему ценностей, побуждает государство к поиску новых форм и мер семейной политики, направленных на сохранение и укрепление престижа семьи [12]. Особое место в этом ряду занимает программа «материнского капитала». Значимый этап в развитии официальной парадигмы семейной политики в России связан с утверждением в августе 2014 года Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [13]. Российская модель государственной семейной политики исходит из необходимости возрождения традиционной модели семьи.

Исследователи отмечают, что предлагаемая в государственных документах модель традиционной семьи во многом оторвана от современных реалий. Меры социальной поддержки для различных групп семей с детьми не соответствуют основной характеристике традиционной семьи, то есть ее автономности и независимости от государства [14].

Безусловно, государство может постулировать желаемый с точки зрения общественного развития образ и тип семьи, семейных отношений для акцентуализации семейной политики, но насколько эффективны будут в этом случае

¹ Величина критерия Kaiser-Meyer-Olkin демонстрирует приемлемую адекватность выборки для факторного анализа (0,65). Критерий сферичности Бартлетта показывает статистически достоверный результат ($p < 0,01$): корреляции между переменными значимо отличаются от 0.

предлагаемые стратегии, насколько они будут востребованы обществом, отражать глубинные интересы и ценности людей? Исследования показывают, что семейная политика может быть успешной, если «она учитывает многообразие жизненных планов людей» [15].

Соответственно, различные группы россиян по-разному оценивают роль и эффективность семейной политики. Так, данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (проведенного Росстатом в 2017 году) показывают, что оценка степени влияния мер государственной поддержки (т. н. «материнского капитала») на решение иметь еще одного ребёнка наиболее значительна для женщин в возрастах 25-29 лет (49 баллов по 100-балльной шкале) и 30-34 года (43 балла). Для женщин в возрастах старше 35 лет (35-39 лет – 34 балла, старше 40 лет – 14 баллов) и моложе 25 лет (38 баллов) оценки ниже. Результаты исследования «Разработка методологии статистической оценки демографической безопасности в условиях глобализации» показали, что молодые россияне отличаются в оценке желательной стратегии семейной политики. 14,4% молодых россиян (в возрасте до 30 лет) полагают, что в реализации семейной политики активное участие должен принимать бизнес (10,1% всего населения). С другой стороны, 15,3% молодых людей считают, что только семьи могут помочь сами себе (9,2% всего населения).

В российском обществе присутствуют различные представления о модели семейной жизни и эффективная семейная политика должна учитывать это многообразие. Семейная политика должна быть гибкой, что обеспечит ее эффективность с учетом жизненных стратегий различных групп россиян.

Литература

1. Лежнина, Ю. П. Институт семьи в России: на пути трансформации // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2016. – № 2. – с. 70-90.
2. Гурко, Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // *Ценности и смыслы*. – 2011. – № 4 (13). – с. 26-44.
3. Горшков, М. К. Готово ли российское общество к модернизации? / М. К. Горшков, Р. Крумм, Н. Е. Тихонова. – М.: Весь мир. 2010. – С.198, 215-216.
4. Варламова, С. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян / С. Н. Варламова, А. В. Носкова, Н. Н. Седова // *Социологические исследования*. – 2006. – № 11. – с. 61-73.
5. Митрикас, А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // *Социологические исследования*. – 2004. – № 5. – с. 65-72.
6. Карцева, Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // *Социологические исследования*. – 2003. – № 7. – с. 92-100.
7. Sobotka, T. The diverse faces of the Second Demographic Transition in Europe // *Demographic research*. – 2008. – № 19. – с. 171-224.
8. Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html
9. Попова, Д. О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход // Родители дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под научн. ред. С. В. Захарова, Т. В. Малевой, О. В. Синявской. – М.: НИСП, 2009. – с. 182-183.
10. Чернова, Ж. В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2012. – № 1. – с. 103–123.
11. Равенство в семье: от деклараций – к реальности? База данных опросов ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8981>
12. Волков, В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // *Культурное наследие России*. – 2014. – № 2. – с. 3-8.

13. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. N 1618-р.

14. Муравьева, М. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // *Журнал исследований социальной политики*. – 2015. – № 4. – с. 625-639.

15. Иудин, А. А. Основные направления исследования проблем семьи в современной Германии / А. А. Иудин, Д. А. Шпилев // *Социологические исследования*. – 2012. – № 1. – с. 103.

Современная Россия характеризуется мозаичной семейной структурой и различными подходами к оценке семейной политики. Увеличивается доля незарегистрированных браков, стареет рождаемость, молодежь не всегда ставит целью рождение детей при заключении брака. Среди россиян присутствуют группы, ориентирующиеся на традиционные и современные модели семьи. Оценка стратегий семейной политики зависит от жизненных целей россиян. Эффективная семейная политика должна учитывать многообразие моделей демографического поведения.

Ключевые слова: семья, семейная политика, демографическое поведение, модели семьи

УДК101.8

КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ С ПРИРОДНЫМ И СОЦИАЛЬНЫМ МИРОМ

Е. А. ЛАГУНОВСКАЯ

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Становление культуры личности индивида основано на усвоении целостного образа человеческого мира. Мировоззренческие ценности определяют осуществление разнообразных образцов конкретной деятельности, в том числе и в рамках отношений человека с миром культуры, а так же знаний, норм и идеалов, которые регулируют внешнюю – природную и социальную жизнь в рамках данного типа культуры. На основе системы оснований культуры, определяющей способ осмысления и переживания окружающей действительности, складывается характерный для исторически определённого типа культуры образ мира, образ человека и представление о месте человека в мире. Данная статья нацелена на рассмотрение культуры личности в процессе гармонизации социо-природных отношений.

Ценности являются одним из главных содержательных компонентов культуры. Они предопределяют жизненные ориентиры человека и тем самым наполняют его жизнь определенным содержанием, т. е. формируют систему установок, убеждений, предпочтений, что находят свое выражение в соответствующем поведении. Человек является творцом ценностей и одновременно их восприимчивым. Из чего следует, что, усваивая ценности, человек приобретает свои собственные человеческие качества. Можно сказать, что культура, поддерживаемая институтами общества и государства, формирует личность с помощью системы ценностей.

В XXI в. культура всё более сложно и глубоко опосредует отношения в социо-природной системе, вследствие чего нарастает степень отчужденности человека

от природы. В XX в. это отчуждение достигло максимума и проявилось в техногенной цивилизации, становление и развитие которой повлекло за собой необратимые изменения не только в предметной среде, но и в окружающей среде. Возникли принципиально новые формы организации труда, виды коммуникаций, способы хранения и передачи информации, связи в человеческих сообществах.

Для техногенной цивилизации характерна постоянная генерация новых идей и концепций, но идее покорения природы, к сожалению, альтернативы так и не нашлось, хотя стало очевидным, что человеческая деятельность, внося негативные изменения в динамику биосферы, становится причиной разрушения. А сочетание таких факторов, как «потеря основных дотаций, неисправного функционирования главных опорных систем жизнеобеспечения общества, развал ролевой структуры, вызывает кризис в изначальной и самой хрупкой из структур – личности человека» [1, с. 214].

Скорость изменений в области развития техники и её условий существования человека стремительно нарастает. Меняется всё: политические реалии, уровень развития технологий, экономическая ситуация, духовный климат. Проблема в том, что моральные и духовные установки не могут меняться с такой же скоростью, и технологический прогресс начинает опережать своё гуманитарное осмысление, порождая антропологический кризис.

Социализация личности осложняется тем, что мир техногенной цивилизации нестабилен во всех отношениях. Приходится постоянно приспосабливаться к техническим новшествам, к сиюминутной моде, новым появлением в культуре, к лавине информации, зачастую совершенно бесполезной. Усиливающиеся психические нагрузки, с которыми всё больше сталкивается человек, вызывают накопление отрицательных эмоций и часто провоцируют применение искусственных средств снятия напряжения, таких как транквилизаторы, наркотики.

Также проблема сохранения личности приобретает ещё одно совершенно новое измерение. Впервые за всю историю возникла опасность разрушения биогенетической основы человека, основы, без которой невозможно ни бытие индивида, ни становление его как личности. Речь идёт о существовании человека как биологического вида, сформированного в процессе многовековой эволюции. Человеческая телесность, испытывая активное деформирующее влияние современного техногенного мира, всё ещё продолжает оставаться основой, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре.

Опасность для сохранения человека представляет накопление генетического груза. Цивилизация, развивая медицину, создала дополнительные возможности для выживания и продления человеческой жизни, тем самым сузив сферу действия естественного отбора, который всегда обеспечивал процветание наиболее жизнеспособных особей и вычеркивал носителей генетических ошибок. Мнения специалистов расходятся в оценке конкретных деталей и фактов, но сокращающийся в каждом следующем поколении процент полноценных в медицинском отношении людей свидетельствует о том, что при сохранении наблюдаемых процессов биологическая деградация населения в обществах, радикально ограничивающих естественный отбор, – вопрос времени. Кроме того, опасность резкого ухудшения генофонда человека в условиях техногенной цивилизации осложняется ростом мутагенных факторов биологического воспроизводства человека.

Все вышеперечисленные проблемы: информационные и стрессовые перегрузки, деградация и засорение окружающей среды, накопление вредных мутаций и канцерогенов – всё это реалии сегодняшней действительности, которые не должны игнорироваться как вполне ощутимые, и факторы, влияющие на формирование личности. Также нельзя упускать из виду, что человеческая культура глубинно связана с телесностью, поэтому попытки искусственного изменения эмоциональной сферы и генетических оснований человека, даже из самых благих побуждений и при самом жестком контроле, могут привести к непредсказуемым последствиям.

Э. Тоффлер в работе «Третья волна» с оптимизмом доказывает, что «в самой середине разрушений и распада мы можем обнаружить сейчас потрясающее свидетельство о рождении и жизни... При наличии интеллекта и небольшого видения зарождающаяся цивилизация может стать более здоровой, благоразумной, устойчивой; более пристойной и более демократичной, чем любая из известных нам до сих пор» [1, с. 23]. Несомненно, что предпосылки для новой мировоззренческой ориентации уже обозначились: они заключены в глубинных процессах человеческой культуры и ориентированы на разработку новой матрицы ценностей. Становление новых мировоззренческих ориентаций влечет за собой не только её новое отношение к природе и человеку, но и совершенно другое – природосообразное – к образу жизни.

В условиях системной трансформации необходимо переосмысление таких ценностей, как развитие, прогресс, культура личности, которые традиционно рассматривались в отрыве от параметров окружающей среды.

Традиционно уровень развития общества связывают с уровнем потребления материальных благ за единицу времени. Однако в условиях, когда истощение природных ресурсов уже стало реальной перспективой, деятельность общества не может больше оставаться только социально-ориентированной. Часть биосферы должна быть сохранена по возможности в неизменённом виде. Возможно, тогда мериллом прогресса и развития станет новая система показателей, выражающая наличие неизменной природы, ограничивающей воспроизводство социума. Устойчивое развитие предполагает два признака: признание прогресса общественного развития и существования равных возможностей для нынешнего и будущего поколений по использованию ресурсов и экологических условий планеты; сохранение биосферы как основы перехода на предлагаемую модель устойчивого развития.

В работе «Экологическое образование и устойчивое развитие» А. Д. Урсул определяет ноосферу как социоприродную систему, в которой будут обеспечены приоритеты нравственного разума, интеллектуально-информационных ценностей, экогуманизма; достигнута гармония человечества, общества и природы, их безопасное и неопределенно долгое совместное развитие. По этому же определению стратегия устойчивого развития заключается в управляемом развитии, не разрушающем биосферу и обеспечивающем непрерывный общественный прогресс [2, с. 220]. Обращает на себя внимание то, что в данной работе также делается акцент на роль управления, осуществляемого человеком. Однако такое управление непременно повлечет за собой существенное ограничение биосферы в свободе выбора пути саморазвития. В условиях системной трансформации эволюция биосферы становится заданной человеком.

Социальная практика показывает, что даже в социальных системах управление не всегда эффективно, причём чем более сложна данная система, тем труднее её управлять. Подход к взаимодействию с природой должен основываться не на запретах, а на использовании её собственных механизмов, которые необходимо сначала выделить, а затем научиться ими управлять.

Духовно-рациональная сущность ноосферы подразумевает приоритет информации как ресурса развития над веществом и энергией, поэтому предпочтительным является развитие духовной культуры, науки и образования, а также информационной сферы человеческой деятельности. Дальнейшее развитие общества должно быть нацелено на воспитание нового человека, отличительной чертой которого будет новое качество мышления – целостное мышление, которое как раз и определяет экологическое сознание, поведение, деятельность и культуру личности в процессе гармонизации отношений с внешним – природным и социальным миром.

Литература

1. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Из-во АСТ», 2002. – 800 с.

2. Урсул, А. Д. Введение в социальную экологию / А. Д. Урсул. – М., 1993. – Ч. 1. – 256 с.

В статье рассматривается культура личности в процессе гармонизации социоприродных отношений. На основе системы культурных ценностей складывается образ внешнего – природного и социального – мира, образ человека и представление о месте человека в мире. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия человека с природой и социумом в условиях системной трансформации общества.

УДК 342.731

ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И МИГРАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

Т. В. ЛИСОВСКАЯ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

На современном этапе вопрос реализации прав национальных и религиозных меньшинств, присутствующих исторически в государстве, актуализируется в связи с повышением мобильности социальных групп, вызванной процессами глобализации и военными конфликтами. В результате миграционных процессов, в которых преимущественно участвуют представители этнических и религиозных сообществ, происходит усложнение этно-конфессиональной структуры общества, мигранты в большей части входят в уже существующие группы этно-конфессиональных меньшинств либо создают их, и, соответственно, возникает потребность в интеграции данных групп в правовую и социокультурную среду общества. Таким образом, процесс глобализации положил начало новым дебатам об отношениях между традицией, идентичностью и универсальными правами.

В процессе интеграции меньшинств в правовую среду государства одним из сложных вопросов является вопрос реализации свободы совести и религии. Регулирование свободы совести этно-конфессиональных групп меньшинств, включая мигрантов, заложено во Всеобщей Декларации прав человека (ст. 19),

в Международном пакте гражданских и политических прав (ст. 18), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 9), а также в Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (ст. 12) [3]. Данные документы солидарно провозглашают принцип недискриминации по религиозному признаку и обязательства государства по реализации религиозных свобод меньшинств и мигрантов. Более того, требование международного права является сохранение самобытности меньшинств в любом правовом поле. Религиозные права и требование их реализации является необходимым условием сохранения самоидентичности меньшинств, так же как и их этнические, лингвистические, исторические, культурные характеристики.

Следует отметить, что индивидуальная свобода совести и религии реализует право человека самостоятельно определять своё отношение к *sacrum* и на основании этого формировать своё мировоззрение. Таким образом, религиозные права участвуют в процессе самоопределения личности и, соответственно, самоидентификации членов меньшинств, что и формирует отличительные черты того или иного этно-конфессионального меньшинства. Очевидным выводом из этой концепции является то, что свобода мысли, совести и религии, не связанная с внешним проявлением веры, не может быть подлежать государственному регулированию и тем более быть предметом ограничений со стороны государства. С данной точки зрения, при интеграции этно-конфессиональных меньшинств в правовое поле государства, особенно в отношении групп мигрантов, всякое вмешательство государства в сферу личных религиозных или нерелигиозных убеждений (с целью заставить иметь определенные взгляды, веру, или менять убеждения, или раскрыть свои религиозные взгляды) будет прямо противоречить концепции свободы совести, и соответственно, международным нормам [1, с.168].

С практической точки зрения такой подход обеспечивает предупреждение индоктринации личности со стороны государства (даже при наличии государственной церкви) и дает возможность для развития, углубления и изменения индивидуального мировоззрения человека, а на государство возлагает ответственность за обеспечение свободного пользования религиозными правами в индивидуальном измерении. Государство, создавая пространство равенства для представителей всех вероисповеданий, должно создавать равно-нейтральные условия реализации нерелигиозных прав представителей этно-конфессиональных меньшинств.

Так, религиозная принадлежность не может быть причиной ограничений, связанных с трудоустройством мигрантов-представителей религиозных меньшинств («Свидетели Иеговы Остерейха против Австрии»), ограничения родительских прав на основании религиозной принадлежности («Хоффман против Австрии», «Палау-Мартинес против Франции», «Исмаилова против Российской Федерации»). Кроме того, государство не может навязывать действий, связанных с вероучением и культом иной конфессии: «Бускарини и другие против Сан-Марино», «Александрис против Греции» – обязательная клятва на Священном Писании для членов Парламента и при допущении к адвокатской практике нарушает свободу вероисповедания, так как принуждает к выполнению действий, не соответствующих личным религиозным убеждениям, и ограничивает возможности политической деятельности и выбора профессии. Деятель-

ность публичных институтов, например, образования, также должна быть религиозно нейтральной и ограничивать действия, направленные на изменение вероисповедания или мировоззрения человека – в делах Европейского суда «Кьельдсен и другие против Дании», «Лейла Сахин против Турции», «Дахаб против Турции» утверждается запрет на навязывание религиозного вероисповедания и мировоззренческих принципов в школьной программе и путем демонстрации религиозной принадлежности, так как может привести к воздействию на мировоззрение школьников и нарушению религиозных прав родителей.

Следует отметить, что личная религиозная свобода подразумевает также право практиковать свою веру в различных формах в повседневной жизни и организовывать свою жизнь в соответствии с религиозными убеждениями. В данном случае, личная свобода реализуется не только в сфере личной жизни, но и пересекается с публичной сферой. Соответственно, государство обязано согласовывать нормы права и общественные обязанности с потребностями религиозных меньшинств. Например, при выполнении общественной обязанности военной службы должен быть предусмотрен альтернативный вариант для представителей определенных конфессий, запрещающих применение оружия («Калаш против Турции», «Фуэн против Франции»), должны быть созданы правовые и административные условия для реализации религиозной диеты (доступ к кошерному мясу – «Шааре Шалом Ве Цедек против Франции»), в том числе в публичных учреждениях.

Актуальным вопросом интеграции меньшинств в общество и реализация личной религиозной свободы является вопрос создания пространства равенства, которое характеризуется принятием «иного» как «своего», что характеризуется отсутствием дискриминации и нетерпимости на основе религиозных различий. Роль государства в данном случае заключается в защите от дискриминационных проявлений и защите религиозных убеждений и чувств со стороны государства. Так, в деле «Отто-Премингер-Институт (Otto-Preminger-Institut) против Австрии» Европейский суд учел религиозные чувства римо-католического населения и одобрил арест на фильм Вернера Шретера «Храм любви». По мнению суда, «наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападок».

Второй стороной религиозных прав меньшинств являются публичные религиозные права, которые подразумевают возможность проявления и реализации религиозных убеждений не только на уровне личностной сферы, но и в социуме. Данные права выражаются, прежде всего, в создании и функционировании религиозных организаций разных типов (церквей, общин, религиозных союзов и т. д.) для удовлетворения своих религиозных потребностей и реализации личностных убеждений на внешнем уровне. Реализация публичных религиозных прав, таких как право на создание религиозных объединений, самостоятельное управление, владение имуществом, право на публичные практики и культовые действия находится в зависимости от наличия «признания» государством религиозной конфессии. «Признание» – означает толерантное отношение государства к религиозной деноминации и наличие правосубъектности у религиозного меньшинства, что, при соблюдении определенных условий, ведет к легализации

деятельности религиозной группы. В разных системах государственно-конфессиональных отношений существуют различные формы получения правосубъектности религиозных меньшинств – принятие специального закона о признании к религиозной конфессии (Греция), административная процедура регистрации в органах государственной власти (Польша, Российская Федерация, Республика Беларусь).

Признание религиозного меньшинства государством в значительной степени расширяет возможности пользования религиозными правами, так как без наличия правосубъектности религиозные меньшинства не имеют возможности создания религиозных организаций и управления ими, владения и распоряжения финансами и имуществом, а соответственно ограничены в осуществлении религиозной и культовой практики, возможностях создания образовательных учреждений для подготовки персонала [5, с.97]. Так, в деле «Митрополия Бессарабии и другие против Молдовы» Европейский суд по правам человека признал нарушением отказ в регистрации и запрет публичных религиозных собраний церковью Румынского патриархата, несмотря на то, что мотивом отказа в признании было потенциальное отрицательное воздействие на территориальную целостность и независимость Молдовы.

Общим принципом при определении возможности и способа признания религиозной деноминации государством и приобретения ею правосубъектности является максимальное содействие легализации деятельности религиозных меньшинств. Исключение из этого принципа возможно в случае несоответствия признаку религиозной организации («Сайентологическая церковь г. Москвы против Российской Федерации») либо при нарушении общественного порядка, для обеспечения безопасности, охраны жизни, здоровья, общественной нравственности и прав других людей («Библейский центр Чувашской Республики против России» [6, с. 52]), ради чего государство может проводить изучение теологических и практических аспектов деятельности религиозной деноминации («Религиозная община Свидетелей Иеговы и другие против Австрии» [6, с. 53]).

Следует отметить, что свобода совести этно-конфессиональных меньшинств и мигрантов, отличающихся по своим этно-конфессиональным, культурным признакам от коренного населения, в своем публичном измерении (публичные практики, культовые действия, демонстрация вероисповедания и т. д.) может находиться в противоречии с национальными нормами права, обеспечивающими общественный порядок и реализацию прав человека, и требует ограничительных мер со стороны государства, допустимых, и даже необходимых с точки зрения международного права, основанных на принципах соответствия неотложной общественной потребности, соразмерности законной цели [2, с. 16].

Таким образом, с прогрессирующей глобализацией и увеличивающейся потребностью в рабочей силе мигрантов в Европейском союзе религиозное разнообразие будет возрастать, и, в связи этим, будет возрастать потребность приспособить религиозную свободу к сообществам мигрантов.

С целью реализации свободы совести и религии этно-конфессиональных меньшинств при интеграции этно-конфессиональных меньшинств в правовую среду необходимо нахождение паритета между правовым ограничением свободы совести в публичном измерении (соответствие религиозных практик нормам права), с одной стороны, и адаптацией правовых норм под потребности религи-

озных меньшинств для реализации их свободы совести в индивидуальном измерении, с другой стороны. Вопрос интеграции этно-конфессиональных меньшинств в правовое пространство поликультурного общества реализуется через паритетность осуществления религиозных прав и правовых норм в различных сферах жизнедеятельности: в правоспособности, в образовании, в рамках частной /семейной жизни /воспитании детей, в трудовой деятельности.

Основы реализации свободы совести и вероисповедания представителей разных религиозных или мировоззренческих групп, в том числе мигрантов, в поликультурном обществе заключаются в обязанности государства создать равные условия для реализации свободы совести вероисповедания представителей религиозных групп как в индивидуальном, так и в коллективном измерении.

Создание равных условий для реализации права означает:

- законодательное равенство на реализацию индивидуальных прав гражданами (право свободного выбора религии и мировоззрения, право регулировать свои действия в соответствии со своей религией, свобода выражения и исповедания веры) и коллективных прав на создание и деятельность религиозных организаций. При этом государство имеет право определять, не наносит ли вред обществу деятельность движений или ассоциаций религиозного характера и дифференцировать правовой статус религиозных объединений;

- нейтральность и беспристрастность государства в отношении доминирующих групп и религиозных меньшинств при реализации властных полномочий в этой сфере и в отношениях внутри различных религий, конфессий и вероисповеданий;

- позитивные обязательства государства по обеспечению реализации свободы совести – проявляются в создании законодательной базы регулирования права, в обеспечении беспрепятственной реализации легальных форм осуществления религиозной свободы, в необходимости защищать религиозные или мировоззренческие убеждения от оскорбительных нападок.

Литература

1. Манукян, В. И. Европейский суд по правам человека: право, прецеденты, комментарии: Научно-практическое пособие / В. И. Манукян. – К.: Истина, 2006. – 368 с.

2. Мердок, М. Свобода мысли, совести и религии / М. Мердок // Пособие по применению статьи 9 Европейской Конвенции о защите прав человека. – Серия «Пособия по правам человека». – № 9. – 65 с.

3. Права человека : международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009.

4. Fokas, E. The European Court of Human Rights and minority religions: messages generated and messages received / E. Fokas, J. T. Richardson // Religion, State & Society. – 2017. – Vol. 45:3-4. – P. 166-173.

5. Gilbert, G. Religious Minorities and their rights: A Problem of Approach / G. Gilbert // international Journal of Minorities and Group Rights. – 1997. – С. 97-134

6. Guide on Article 9 of the Convention – Freedom of thought, conscience and religion. – С. 52.

В статье рассмотрены вопросы обеспечения свободы совести этно-конфессиональных групп меньшинств, включая мигрантов, в процессе интеграции в поликультурное общество. Автор анализирует принципы обеспечения свобод совести этно-конфессиональных меньшинств в индивидуальном и коллективном аспектах. Отмечено, что основы реализации свободы совести и вероисповедания представителей разных религиозных/мировоззренческих групп в поликультурном обществе заключаются в обязанности государства создать равные условия для реализации свободы совести и вероисповедания как в индивидуальном, так и в коллективном измерении.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. С. ЛУЧЕНКОВА

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Беларусь*

Интенсивное развитие международных экономических, политических и культурных связей диктуют необходимость учета самого широкого спектра факторов, влияющих на процесс создания системы ценностей определённого народа.

Ключевую роль в этом процессе играет проблема национального характера.

Проблема изучения национального характера возникла из потребностей и интересов людей, их естественного желания познать культурные традиции населения стран, с которыми они устраивают определенные связи, что могло упростить общение с ними, а также предвосхитить их намерения.

Культура каждого народа или нации восходит к глубокой древности, однако неправильно было бы утверждать, что современные нации наследуют по прямой генетической связи черты этнического или национального характера, идущие из глубины веков. Иногда можно встретить утверждения, что современные белорусы получили в наследство черты от представителей белорусского этноса средних веков, а те, в свою очередь, являются прямыми потомками «дреговичей», «родимичей» и так далее, а следовательно, переняли специфические особенности их характера.

Границы переселения этнических общностей людей, распространение их культур и языков общения во времена средневековья были иными, если соотносить их с древней историей и тем более с новейшими временами. Помимо естественных миграционных процессов социально-этнических элементов, беспрестанно происходили контаминация, взаимодействие и взаимовлияние народов.

Современная теория культуры исходит из многообразия форм культур различных народов и обществ, выступает против абсолютизации любой культуры, открывает культурный релятивизм, подразделяющий общечеловеческую культуру на множество изначально изолированных, полностью лишенных взаимодействий и взаимовлияния культур.

Например, академик Н. Конрад в письме к известному английскому историку, философу А. Тойнби, опровергая его представление о самозамкнутых дискретных единицах, на которые распадается историческое существование человечества и которые он называет «цивилизациями», пишет: «... Культура Белоруссии, как и её история, в прошлом переплеталась с историей и культурой Литвы и Польши. Культура Литвы исторически связана с культурой русского и польского народов. Латышский народ в своём культурном развитии связан как со славянами, так и германскими народами. Эстонцы – с культурой и славян, и скандинавов. Культура русского народа прямо и опосредованно давно связана с культурой большей части мира. Если обратиться к этической истории белорусов, то это часть польского этноса – «польская концепция» (Golembiowski, 1830; Rypinski, 1840) и часть великорусов – «великорусская концепция» (Соболевский, 1886; Спуневский, 1887)» [1]. Таким образом, история человечества –

это процесс взаимодействия культур, который может принимать различные формы и осуществляться на разных уровнях.

Культурные и межгосударственные контакты – это неотъемлемый компонент современных отношений. В социально-гуманитарных науках процесс взаимного влияния различных культур, при котором все или часть представителей одной культуры перенимают нормы, ценности и традиции другой, носит название аккультурации.

В современной социально-политической жизни аккультурация проявляется в двух формах: временной и длительной.

Временная аккультурация происходит через контакты политиков, дипломатов, туристов, персонала иностранных компаний.

Длительная – возникает в случае контактов представителей различных культур в рамках одного государства.

Для процесса аккультурации характерен определенный дуализм. Это проявляется в решении двух важнейших проблем. С одной стороны, человек стремится сохранить свою культурную идентичность, а с другой – впитывает нормы и ценности другой культуры. Решая эти противоречия, можно выйти на основные стратегии процесса аккультурации.

Во-первых, ассимиляция – это полное принятие ценностей и норм другой культуры, при отказе ценностей своей.

Во-вторых, сепарация – отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей.

В-третьих, маргинализация – невозможность поддержание своей идентичности с нежеланием получения новой идентичности.

В-четвертых, интеграция – это идентификация как старой, так и новой культуры.

Логично предположить, что на аккультурацию особое влияние оказывает количество противоречий между культурами.

На рубеже XX-XXI веков человечество оказалось перед лицом нового явления, которое уже определяет настоящее нашей планеты, – явление глобализации.

Инструментами глобализации сегодня выступают:

- Информация;
- Экономика;
- Региональность;
- Демография;
- Политика.

С появлением глобализационных процессов меняется человек, его поведение и сознание. Последние 15-20 лет показывают, что человек, его поведение, структура личности, цели и ценности радикальным образом изменились. Общая схема психологических структур, на которые влияют феномены глобализации, показывают, что их ядром является сознание человека. В данном случае его составляют три переменных: смысл жизни, ценности, цель жизни. Если говорить о базовых ценностях белорусского народа, то они сложились под воздействием ряда факторов, в основном общецивилизационного характера, которые отразили самые значимые формы совместной жизни белорусов, их ориентиры, идеалы, приоритеты. К доминирующим из этих факторов относятся: геополитическое положение белорусских земель в центре Европы, доминирование коллек-

тивных форм социальной жизни, отсутствие традиций самостоятельной правовой государственности, длительное отстранение граждан от реальных рычагов власти, незначительное влияние механизмов самоуправления и самоорганизации населения в общественной жизни общества. Очень важным является то обстоятельство, что на протяжении многих столетий белорусские земли входили в состав различных государственных образований, что в свою очередь привело к созданию патерналистской системы ценностей. Сегодня к числу наиболее значимых ориентиров и ценностей современных белорусов можно отнести: порядок и стабильность общественной жизни, ориентации на социальную справедливость и социальное равенство, установка на то, что общественные, а зачастую и личные проблемы могут и должны решаться органами государственной власти, коллективизм и т. д. Исходя из изложенного, можно заключить, что белорусский этнос вобрал в себя отдельные элементы восточнославянской, западнославянской, балтийской и тюркской культур. Отсюда можно выделить три основные тенденции, характерные для культуры белорусов:

- 1) общие тенденции развития духовной культуры, характерные для современной цивилизации в целом;
- 2) общие признаки, которые характерны для постсоветских стран;
- 3) тенденции, которые характерны только для Беларуси.

Особенностью нынешнего этапа развития духовной культуры Беларуси является задача формирования национально-государственного самосознания.

Для стандартного этнографического подхода в этой области характерно признание тождества между понятиями «этническое самосознание» и «национальное самосознание».

Роль и значение этического, национального самосознания нельзя определить без рассмотрения проблемы «этнического самосознания и этнической истории». Достигнув определенной стадии развития, этническое самосознание может приобрести самостоятельность. Сегодня считается возможным формирование национального самосознания в органической связи с общечеловеческой культурой, что позволяет глубже осознать свое место в движении к общественному прогрессу. В историческом развитии народа этническое самосознание является не только результатом, но и одним из факторов воздействия на этнические процессы, направление и их содержания.

В разные периоды исторического развития этноса его самосознание может обостряться или ослабевать, может приобретать спонтанный или целенаправленно организуемый характер. Этот процесс протекает в строго определенной взаимосвязи со всем многообразием окружающей национальной действительности.

Решение проблемы формирования национального самосознания усложняется несколькими принципиальными недостатками. Первый заключается в том, что большинство анализирует данный феномен в ретроспективном историческом плане и затрагивают лишь отдельные составляющие сложной системы. Вторым недостатком состоит в том, что национальное самосознание рассматривается статично, а не как становящийся и развивающийся в пространстве и времени процесс. Третьим недостатком является то, что иногда отождествляются понятия «национальное», «национально-специфическое» и «националистическое».

Определение объема понятия «национальное самосознание» будет неполным, если не включить в него национальные патриотические чувства. Особую

значимость имеют чувства национальной гордости и ответственности. Однако наблюдаются проявления и болезненной гипертрофированной формы чувства национальной гордости, когда любовь к своей нации не сочетается с осознанием необходимости уважения других наций и народов.

Национальное самосознание, национальный патриотизм, национальные чувства – явления, которые относятся к одной сфере и имеют общий источник возникновения и объект отражения. Особенности национальных чувств проявляются в том, что они выступают как непосредственное порождение объективных условий существования народа.

Таким образом, в современном мире не существует абсолютно замкнутых культур и этносов. Существование глобализационных отношений создает условие для ускорения общих ценностей, с одной стороны, и этнических особенностей, с другой.

Литература

1. Михневич, О. А. Национальное самосознание как интегративный признак нации / О. А. Михневич, В. Г. Япринцев. – Минск : Харвест, 2007. – 320 с. – С. 210 – 213.

Интенсивное развитие международных экономических и политических связей диктует необходимость учета самого широкого спектра факторов. В статье рассматривается влияние национальной особенности характера на межкультурные коммуникации и процессы.

ДОСТОЕВСКИЙ КАК ПРОРОК ТОТАЛИТАРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

А. И. ЛЫСЮК

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Несмотря на то, что политические идеи Ф. М. Достоевского укоренены в социальную ткань XIX века, они не только не теряют своей актуальности, но и многие из них выступают в виде идеологического оружия ряда современных политических акторов. При этом спектр потенциальных выгодополучателей среди современных интерпретаторов его политического творчества широк: от коммунистов до радикальных панславистов. Так, лидер КПРФ Г. Зюганов утверждает, что колоссальной исторической заслугой Достоевского является призыв к переориентации России на Восток и на борьбу с Западом, что в полной мере проявилось в политической практике СССР и чему обязана, по его мнению, следовать постсоветская Россия.

В свою очередь, такие сторонники концепции евразийства как Дугин и К°, не без оснований подозреваемые в симпатиях к русскому фашизму, воспринимают Достоевского как глашатая «Русской Консервативной Революции», в политическом творчестве которого, по их убеждению, наблюдается сочетание национального, религиозного, социалистического, антизападного и теллуократического, т. е. ориентация на аннексию сопредельных государств, что позволяет называть его «национал-большевиком». Поэтому для Дугина Достоевский актуален и сегодня, и слово «Достоевский» пахнет «кровью и выбором, поро-

хом баррикад и гноем нищих в переходах. Битва за тонкий дух России... идет всерьез и страшно» [1].

По утверждению видного американского политика Генри Киссинджера, В. Путин «вышел» именно из Достоевского. Речь идет не только об определенных идеологических постулатах русского мыслителя, артикулируемых президентом РФ, но и о психологии авторитарного властвования, детально и убедительно разработанных в «Бесах» и «Братьях Карамазовых». Социологический анализ этих произведений позволяет выявить важные закономерности и политической жизни постсоветского российского общества, поскольку, как утверждает М. М. Бахтин, всякое литературное произведение Достоевского «внутренне, имманентно социологично. В нем скрециваются живые социальные силы, каждый элемент его формы принизан живыми социальными оценками» [2, с. 181].

Политические события XX–XXI вв. показывают, что описанная Достоевским политическая «бесовщина», по своей природе приводящая к тоталитарным практикам, оказалась не отвлеченным понятием, а масштабно осуществляемыми действиями. Описание этого феномена получило широкое распространение в работах Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Е. Замятина и др., но первоначально оно было сформулировано в виде политического пророчества именно великим русским писателем.

В первую очередь речь идет об утверждении формата тоталитарного государства, исходящего из принципа иерархического централизма с диктатурой вождя, предполагающего создание общества абсолютного послушания и единомыслия, искоренение любого «инакомыслия», идейной либо практической крамолы, осуществление тотального контроля за жизнью других людей.

Действительно, при всей псевдоблагородной риторике Великого инквизитора и «бесов», их нацеленности на обустройство своеобразного «рая на земле», одновременно существует и своеобразная плата за это – полное подчинение народа деспотической диктатуре и воле высшего властителя при абсолютном бесправии масс и их превращения в толпу.

Какие же факторы могут обуславливать тренд к тоталитарности государственной власти?

Достоевский исходит из того, что в его основе находятся своеобразные «идолы духа», заложенные в душе самого человека и демонстрирующие его слабость перед искушениями и соблазнами.

Во-первых, говоря современным языком, это своеобразное, глубоко залегавшее в душе человека чувство социального мазохизма, т. е. стремление склонить свою волю перед авторитарным правителем, поскольку, по убеждению Великого инквизитора, «нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться» [3, с. 299]. Вызвано это чувство тем, что человек боится быть независимым и ответственным, ему изначально присуще «бегство от свободы» (Э. Фромм), и, по большому счету, никакая свобода ему не только не нужна, а скорее тягостна. Такому слабому человеку необходим внешний авторитет, берущий на себя множество ответственностей за его жизнь и общества в целом.

Во-вторых, это создание совершенно искусственной для человека дилеммы – «либо хлеб, либо свобода». Как утверждал Верховный инквизитор, «О, никогда, никогда без нас они не накормят себя. Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою

свободу к ногам нашим и скажут нам: «лучше поработите нас, но накормите нас» [3, с. 298]. В представлении антихриста, человеку предпочтительнее «иметь», а не «быть», и он ориентирован на то, чтобы иметь свое «тихое, смиренное счастье». Искусственность и лживость этого высказывания проявляется в том, что это в реальности как раз наоборот – наиболее свободные страны являются одновременно и самыми экономически богатыми, создав общество «всеобщего благосостояния».

В-третьих, это отказ от морального выбора в политике как со стороны властвующих, так и социальных «низов». «Бесовская» политика цинично пренебрегает нравственными принципами и оправдывает любые средства для достижения искомых политических целей. «Право на бесчестье», на «все позволено», на ложь и преступление провозглашаются одним из «бесов» (П. Верховенским) в качестве основополагающего принципа новой (социалистической) политической организации, поскольку эти «принципы» не только эффективны при достижении целей, но и выступают важным фактором группового единства, так как ничто так не объединяет людей, как «общий разделенный грех злодейства». Старец Зосима, говоря об инквизиторски мыслящих людях, утверждал, что они «мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом» [3, с. 375]. Что в реальности и случилось в тоталитарных практиках.

В этой сфере существуют опасности и для современных демократических режимов, поскольку ценности постмодерна размывают нравственную составляющую политических процессов, в то время как для Достоевского обязательен моральный императив политики, который, в свою очередь, укоренен в религиозный.

В-четвертых, ключевым инструментом социальных преобразований в понимании «бесов» выступают насилие, принуждение, которые активно используются для установления социального единства, единообразия мысли и поклонения вождю. Предлагается преследование инакомыслящих, сжигание их за идейную крамолу на кострах, всяческая поддержка доносительства. Более того, «бесы» исходят из целесообразности массового террора по отношению к жителям страны, поскольку, с их точки зрения, основная часть социальной массы уже несправима, да и историческое время не ждет. По утверждению П. Верховенского, «сто миллионов голов... но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?» [4, с. 394]. По подсчетам историков университета Сорбонны, «сто миллионов» являются не отвлеченной метафорой, но как раз такое количество людей погибли в результате утверждения «коммунистического рая» в планетарном масштабе.

В-пятых, для завоевания поддержки народ необходимо привлекать установлением идеала «полного равенства». Подобная идея была популярна в различные эпохи. Но при ее артикуляции «бесами» скрывается главное – обещается равенство в рабстве, поскольку организация общества предполагается «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть... первобытной невинности» [4, с. 390]. Совсем как по Оруэллу – «все животные равны, но некоторые животные равнее других».

История отчетливо доказывает, что всякая тоталитарная система основана на большой лжи, на активном и масштабном использовании инструментов манипуляции, мистификации и ложной идеологии. И антихрист, и «бесы» выступают в роли соблазнительей и творцов иллюзий. Сила и убедительность политической лжи должна привести к тому, что все в обществе, «в общем и согласном муравейнике» как будто счастливы, чувствуют себя свободными при полном отсутствии свободы.

Эта ориентация на ложь и соблазн отчетливо выступают в образе Великого инквизитора, который, заимствуя внешнее от христианской идеи и образа Христа, в реальности извращает их подлинность. Неслучайно в Священном Писании антихрист выступает в облике Отца лжи, рядящегося в одежды ангела света. Он эксплуатирует авторитет Христа и от его имени проводит общественные преобразования, исправляя и искажая его учение. При этом он лжет вполне сознательно, а людям предлагается жизнь в мире иллюзий, где своих порабощителей они должны воспринимать как благодетелей, безгранично мудрых и заботливых, «ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их» [3, с. 304].

Для управления в тоталитарном государстве необходимы как высокое, смысловое, культурное, так и низкое, утилитарное, имеющее отношение к базовым материальным потребностям человека. Высокое выступает в псевдорелигиозном характере деятельности Великого инквизитора. Действительно, у него апелляция к высшим ценностям никаким образом не связана с самой сутью христианского вероучения, поскольку вместо истины артикулируется ложь, вместо любви – ненависть, вместо смирения – агрессия, вместо образа Христа – человеческие политические иды, вместо жизни – смерть.

Низкое же выступает в виде ориентации на нравственное разложение народа. И потому, что разложенными в духовном плане людьми легче управлять и они больше склонны к послушанию. И по той причине, что сам народ склонен предаваться и прельщаться внешними соблазнами. Поэтому, согласно «бесам», «первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... Мы умирим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве... Но одно или два поколения разврата теперь необходимо, разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!» [4, с. 403, 406]. В более ограниченных масштабах эту идею поддерживает и антихрист, отмечая, что в создаваемой им социальной системе по причине слабости людей и стремления вызвать большую любовь к правящим, снисходительно «сверху» будет допущен и грех, но исключительно под государственным контролем, потому что в реальности греховно только то, что без разрешения, а разрешенное – все праведно и достойно.

В-шестых, это опасность политического культа личности, выступающего в самых разнообразных формах. Предчувствуя Фрейда и психоаналитиков, в произведениях Достоевского содержится указание на то, что комплекс неполноценности человека способен породить безудержное стремление к сверхкомпенсации, жажду власти. Заявляя о высоком и претендуя на абсолютное доминирование, в реальности, как говорил Алеша об инквизиторе, «их идеал... самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего кре-

постного права, с тем, что они станут помещиками... вот и все у них» [3, с. 307], т. е. создание системы, которая Бердяевым была названа Новым средневековьем.

Сам же культ личности основывается на использование очень эффективных методов политического управления. Как утверждает Великий инквизитор, «есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их же счастья, – эти силы: чудо, тайна, авторитет» [3, с. 301]. Все это предполагает претензии правящих на обладание высшим смыслом жизни, на распоряжение совестью и свободным духом подданных, на демонстрацию собственного всемогущества и всезнания, на искусственное создание политического авторитета, на окутывания властвующей персоны тайной, включая и тайну частной жизни, и, обязательно, на внушение людям страха.

В-седьмых, отметим также политико-психологическое описание в трудах Достоевского феномена политического террора, политически мотивированных убийств, существенным образом связанных с С. Нечаевым и «нечаевщиной», но не сводящимся к ним и обладающих универсальным характером. Они нацелены не только на обличение «красного террора», но и любого другого, включая и террор, основанный на религиозном фундаментализме.

Литература

1. Дугин, А. Русские игры Ленкома (О спектакле «Варвар и еретик» Марка Захарова) [Электронный ресурс] / А. Дугин. – Режим доступа: <https://arcto.ru/article/2016> – Дата доступа: 08.09.2018.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. в двенадцати томах. – М.: Изд-во «Правда», 1982. – Том 11. – 623 с.
4. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. в двенадцати томах.– М.: Изд-во «Правда», 1982. – Том 8. – 623 с.

В данной статье изучаются идеологические основания тоталитарных практик, представленных в произведениях Достоевского. Отмечается, что существенный потенциал тоталитаризма заложен в идеях народнического социализма, допускающих культ политического руководителя, аморализм используемых средств, пренебрежение народной волей, отрицание религиозных ценностей, использование политического террора, ориентацию на контроль за душами людей, масштабное использование насилия и др.

УДК 008:392+930.2(476)“18”

КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В XIX В. В РАБОТАХ Ю. И. КРАШЕВСКОГО

Л. Ю. МАЛЫХИНА, А. В. ЖЕБИТ

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Как историко-этнографический регион Полесье до сих пор представляет большой научный интерес для исследователей особенностей традиционно-бытовой, материальной и духовной культуры, языка его населения. Являясь древнейшей этноконтактной зоной, Полесье и сейчас сохраняет реликты обще-

славянской культуры. Процесс качественных изменений в культуре, ставший результатом длительных этнокультурных контактов в изучаемой зоне, под воздействием новых социально-экономических и политических условий в конце XVIII в. – начале XIX в. способствовал выделению из относительно единой архаической культуры новых видов культурной активности – хозяйственной, религиозной, этнической, политико-правовой и т. д.

Для выделения характерных особенностей культурной дифференциации этносоциальных групп этого региона, нами было исследовано известное издание краеведческих мемуаров польского писателя, историка, краеведа, художника и музыкального критика Юзефа Игнация Крашевского «Воспоминания о Полесье, Волыни и Литве» (Вильно, 1840). Это произведение как нельзя лучше отражает характер белорусско-польско-украинских культурно-исторических связей в период нахождения территории западного Полесья в составе Российской империи. В этом уникальном источнике содержатся описания культурных достопримечательностей и этнографических особенностей жителей, богатый материал для характеристики разных слоёв Полесского общества, которое писатель изучил чрезвычайно подробно и изобразил мастерски. Недаром имя Ю. И. Крашевского связывают с процессом становления реализма как историко-культурного явления и специфического принципа художественного отражения в мировой литературе XIX в. В истории польской литературы 1840–1850-е гг. считаются переходными от романтизма к реализму, что отчасти объясняют обострением общественных проблем, началом польского национально-освободительного движения [1, с. 3-5]. На наш взгляд, на это также повлиял процесс политической модернизации, который сопутствовал переходу передовых стран мира к индустриальному обществу, когда проблема социального неравенства приобрела особую остроту. Несмотря на то, что Ю. И. Крашевский являлся выразителем идеологии шляхетского либерализма, мировоззрение его отличалось гуманизмом, глубокой симпатией к людям труда. Веря в возможность улучшения путём реформ и нравственного самоусовершенствования, Крашевский выражал заботу о простых жителях, вставал на их защиту как писатель и общественный деятель.

Задолго до издания мемуаров Ю. И. Крашевский изучал и копировал архивные материалы, обращался за справками к исторической литературе. Он родился и долго жил в с. Долгое Пружанского уезда и именно отсюда в 1834 г. впервые отправился в путешествие по Полесью. Краевед был уже хорошо осведомлён о прошлом и традициях этого края. Очерки, вошедшие в «Воспоминания...» – «Ярмарка в Яновке», «Стырь и Горынь», «Оссово Фелинского», «Степань», «Посёлок Серницк», «Полесские леса», «Хозяйство», «Городец», «Корчмы, евреи, дороги», «Влостяне» и др., представляют собирательный образ Полесья начала XIX в. Ю. И. Крашевский непосредственно наблюдает и пытается объективно отражать происходящие в обществе изменения, ярко характеризует социально-психологические типы людей, выявляя те культурные особенности, которые различали представителей шляхетства, национальных меньшинств, крестьян. В краеведческих очерках он пытается воспроизвести картину национальной жизни во всей её социально-бытовой конкретности.

Краевед описывает природу, этнографические особенности полешуков как носителей народной культуры (их хозяйственный уклад, устное народное твор-

чество и веру), выражает любовь к родному краю. Мы встречаем описания таких городов и местечек, как Осовец, Пинск, Кобрин, Городец, Яновка, Степань, Чарторыйск и других.

Поскольку одноимённые населённые пункты находились и в других уездах западных губерний России, для уточнения их расположения мы воспользовались картографическими сведениями о расположении современных автору Полесья, Литвы и Волыни, уточнили топонимику в этом регионе в первой половине XIX в. [2]. Локализация и границы Полесья всё ещё находятся в стадии исследования, однако выяснилось, что наиболее устойчиво это название использовалось по отношению к бассейну Припяти и некоторых смежных к нему областей (иногда это земли Волыни до Ковеля и Луцка и Правобережной Украины).

В 40-60-е гг. XIX в. подавляющее большинство населения восточной и центральной части белорусского Полесья (Речицкого, Мозырского, Пинского уездов) составляли белорусы-полешуки. Иные этнические группы – поляки, евреи, немцы, цыгане и др. – были относительно немногочисленны.

В то же время западная часть Полесья отличалась значительным разнообразием, ставшим следствием польско-белорусско-украинского этнокультурного взаимодействия. Юго-запад Пружанского, почти весь Кобринский и Брестский уезды населяли «полешуки», «бужане» и пр. На остальной территории белорусского Полесья было распространено название «белорусы-литвины», «русины», «русские».

Динамика этносоциального развития в Волынском Полесье (Владимирский, Ковельский, Луцкий, Ровенский и Овручский уезды Волынской и Радомышльский уезд Киевской губернии) была аналогична белорусскому. Местное население чуть меньше было вовлечено в речную торговлю по Припяти. Значительно сильнее здесь ощущалось влияние польской культуры, особенно после вхождения Волынского Полесья в состав Польского королевства в XVI в. К началу 1860-х гг. 67 % здесь составляли украинцы («полешуки», «полесьяне»). Многочисленными в зоне белорусско-украинского пограничья были группы «белорусов-литвинов». Сложность межэтнической картины дополнялась включениями таких групп иноэтнического населения, как поляки 9 %, евреи 12 %, немцы, русские, татары, караимы [3, с. 84–85].

Вхождение в Россию привело к распространению русского языка в делопроизводстве, изменению административно-территориального деления, налогообложения, была введена рекрутская повинность и др. В то же время сохранялось экономическое и культурное господство польской шляхты. Многочисленные миграции полесского населения ослабляли земляческие связи, что компенсировалось консолидацией на уровне локальных административных единиц – волостей и поветов. В то же время историко-этнографическое определение «полешуки» в первой половине XIX в. являлось собирательным для большого числа этносоциальных и субэтнических групп, которые можно выделить среди местного населения.

Так, в очерке «Ярмарка в Яновке» автор изображает пёструю россыпь этносоциальных типов – предприимчивых евреев, крестьян («улыбающихся женщин с курами под мышкой»), иностранных и русских купцов, цыган, казначеев в серых сюртуках и шапках-ушанках и других. Они встречаются на ярмарке раз в

году, чтобы затем всё вновь утихло до следующей встречи [4, с. 7–11]. Наиболее подходящей по описанию ярмаркой, которая проходила 24 октября на первой неделе поста, была ярмарка в местечке Яновка Волынской губернии [5, с. 46].

Любовь к колориту простонародья диссонирует с восхищением краеведа перед проживающими в Волынском Полесье шляхтичами – наиболее образованной частью общества, которая отличалась утонченностью, избранностью, причастностью к лучшим достижениям европейской культуры. Одна из характерных черт этой социальной группы – «польскость».

Об этом очерк «*Оссово Фелинского*». Село Оссово в Волынской губернии было собственностью поэта Алоизия Фелинского (1771–1820), автора романа «*Барбара Радзивил*». В 1800 г. он женился и жил там. Следующим владельцем поместья стал Ю. Стаховский, друг Крашевского, который не раз сопровождал его в долгих путешествиях. «К Оссово отношусь с особой теплотой и люблю его обитателей», – признавался писатель [6]. Впервые Крашевский посетил Оссово и познакомился с творчеством Алоизия Фелинского в 1834 г.

Лежащее среди густых лесов очень красивое местечко Оссово расположилось на берегу реки Бережанка. В центре его находился маленький домик, а в нем комнатка – рабочий кабинет Фелинского. «Густой ольховник окружает дом, – вспоминает автор, – налево виднеется дубовый, кленовый и липовый гай, направо село ещё долго тянется, аж до мельницы и маленькой церковки» [4, с. 29]. Фелинский, по мнению автора, не был гением, однако обладал огромным терпением, дотошностью, уважением к фактам и умело шлифовал язык своих работ. В его кабинете над камином находилась известная карикатура французского издателя П. Дидота на римского поэта, автора «*Буколик*», «*Энеиды*», Вергилия. Кабинет имел одно окно, стеклянные двери, ведущие в сад, и камин. Фелинский, получив в наследство Оссово, развернул тут поначалу хозяйственную деятельность: рубил деревья и продавал их. Любопытно, что Ю. И. Крашевский, характеризуя деятельность А. Фелинского, употребляет здесь выражение «спекулянт», в значении «хозяйственник». Он с возмущением пишет: «Спекулянт и поэт – это как два бегуна, первый из которых низколобый, узколиций, думающий только о зарабатывании денег. В отличие от него у поэта, и голова, и мысли, и глаза такие, которые невозможно заслонить голландским дукатом» [4, с. 31].

Переписка Фелинского, которую изучал Ю. И. Крашевский, раскрывает характер автора «*Барбары*». В них портрет человека, который всегда спешит и ценит свое время, в строчках писем веселость, жизнерадостность, чувственность и многословность. В 1817 г. Фелинский продал Оссово. Однако долго ещё соседи добрым словом вспоминали прежнего владельца. Он обладал редким даром, который дается немногим людям. Своей старушке матери он подарил теплый, добросердечный и счастливый конец её жизни. Много читал ей на родном языке и по-французски, при этом переводил незнакомый маме язык, был особенно, патриархально к ней привязан.

В следующем очерке «*Степань*» автор описывает тихое местечко, принадлежавшее когда-то князям Острожским. Степань в XIX в. входила в Ровенский уезд Волынской губернии и представляла собой обычный уголок Полесья: несколько православных церквушек, «мурованная» в готическом стиле синагога,

стоящий на берегу Горыни католический костел, кладбище со склепом Ворцелов (участников партизанского движения на Волыни в 1831 г., отправленных на Кавказ). Объясняя такое удивительное в рамках небольшого поселения этноконфессиональное соседство, краевед приводит сведения о «чрезвычайной нетерпимости» [4, с. 41], которая была заложена в прежние законы о религии, которые, к счастью, не всегда соблюдались. Луцкий Синод 1726 г. запретил как строительство новых синагог, так и появление иудеев на улицах во время Страстной недели Великого Поста в жёлтых шапках и украшенных служебных костюмах. Во время появления процессии католиков со Святым Причастием иудеям предписывалось закрывать двери, окна, уходить с улиц и находиться в домах до сигнала. Иудеи, согласно строгому уставу Папы Римского, обязаны были платить налог за занимаемое место жилья, торговли, им запрещали строить корчмы возле костёла и т. д. «Однако, – пишет Крашевский, – иудеи никогда не покидали этих мест, а наоборот открывали типографии, школы, сады и даже выкупали из неволи крепостных» [4, с. 42–43].

Здесь же, в небольшом домике на околице Степани, как описывает автор мемуаров, жил в 1830-е гг. «самый печальный и самый красивый экспонат» местечка [4, с. 45] – иностранец-старик, у которого судьба отобрала усадьбу, детей и высокий статус. С первого взгляда было понятно, что старик живёт вчерашним днём, воспоминаниями. Перед его домом останавливаются кареты, повозки, из них выходят друзья, которых не отдалило прошлое. «Видишь этого человека, с чёрными блестящими глазами, видишь его улыбку и с трудом веришь в нынешнюю его бедность». «Для тех, кто в ладу с собой жить умеет, не так много для материальной жизни нужно», – утверждает Крашевский, снова отрицая мир стяжательства [4, с. 46].

Слышишь, как он искренне и долго смеётся, и представляешь его во фраке в окружении прекрасных дам. Этот человек, родом из Франции, имел родство с Бурбонами. Маркиз де Курбон его имя, он современник и знакомый Наполеона Бонапарта. Он долго жил в Египте, где работал инженером, летал на дирижабле, пересёк Европу, Африку, пережил немало авантюрных приключений и приехал в Степань умирать. Философствуя в холодной избе, без гроша в кармане, без семьи, старик в вытертом фраке в окружении кота и собаки пьет кофе из зёрен и пишет сатиры! Всегда с улыбкой, с шуткой – типичный француз XVIII века, космополит, из польского языка усвоивший только «кохам це» [4, с. 47–48].

Среди наиболее заслуживающих внимания местных жителей путешественник также отмечает местного пастора – «евангельского каплана». Этот скромный труженик, не ища для себя ни пользы, ни славы, порой даже уставший от бессонницы, не отказывает во всех требованиях, дом его является убежищем для бедных и обиженных [4, с. 48–49].

Вся эта, казалось бы, случайно собранная коллекция социальных архетипов Степани приведена Крашевским намеренно: «Потому что, нужно знать, что со всем миром есть родство, даже с Бурбонами!» [4, с. 47], она изображает сложное этнокультурное переплетение в западном Полесье, выражает собственные общегуманистические взгляды писателя и учёного. «Все эти люди, породнившиеся, связанные состраданием, живут вместе, утешают друг друга...» [4, с. 50].

Крашевский, будучи уроженцем полесского края, хорошо знал причины и условия великих потрясений, которые испытали полешуки в XVI–XVII вв., когда общественные, религиозные, национальные конфликты, приводили к кровавой резне, а единственным выходом из этой ситуации было прощение и толерантность. Поэтому в его краеведческих мемуарах незыблемым правилом является уважение к чужим убеждениям, языку и культуре.

Культурно-бытовые отличия были обусловлены не только этническим происхождением, но и социальным статусом, родом занятий, имущественным положением. Отражая все уровни социального расслоения – от ясновельможного пана до нищего «холендры», автор воспоминаний дополняет их красочным описанием этносоциальных маркеров.

И если пан Фелинский находится на вершине социальной лестницы, то некоторая часть среднего и мелкого шляхетства живёт лишь жалкими остатками прежней (как при Речи Посполитой) правовой свободы.

В очерке «*Посёлок Серницк*» представлена мелкая шляхта, зарабатывающая себе на жизнь сельским трудом и арендой, живущая общиной-громадой в одной деревне с XVI в. Их поселение из 240 домов не имеет чёткой структуры улиц, построено по типу слободы, что отражает «истинный образ беспорядка и свободы дворянства» [4, с. 53].

Автор-наблюдатель приходит к выводу, что единственное, что отличает этих свободных от крепостной зависимости людей от остальных крестьян – это гордость и внешние отличия в одежде. А именно: особый крой белых рубах в виде капота (широкая распашная одежда с рукавами без перехвата в талии), маленькие воротнички, чёрные, а не красные, пояса, в лаптях не шнуры, а ремни. При всём внешнем гоноре, по отзывам попутчика, эти обедневшие шляхтичи во многом зависят от еврея Лохмана и соседствующего с ними пана Скимунта. Автор подчёркивает, что «все здесь греческого вероисповедания, а «забабоны» их холопские». «Шляхта разговаривает на русском языке волынских крестьян, примешивая польские слова, употребляет иногда старые пословицы – «память об их происхождении и след цивилизации» [4, с. 58–59]. Однако все горды своим шляхетным происхождением, дарованным привилегиями самой королевы Боной Сфорца.

Интерес представляет попытка Ю. И. Крашевского классифицировать среднюю шляхту по типу хозяйствования в очерке «*Хозяйство*». Первый тип хозяина – «старозаконный», держится рутины, не предпринимает никаких попыток обновления, не идет на риск капиталовложений, доверяет приметам, сверяя сельские работы с «Бердичевским календарём». Ходит в сером капоте или старом фраке, пьёт водку, ест борщ и капусту. Неизменный атрибут дома – неугасающий очаг – «комин». Второй тип – «хозяин, сидящий на двух стульях». Он понимает здравый смысл усовершенствований, полностью их не понимая. Со «старыми» хозяевами притворяется таким же, общаясь с новыми – кивает новинкам. Это отражается на облике его дома, где старые вещи и мебель соседствуют с новомодными. И наконец, третий тип – «нео-хозяйственник», представитель зарождающейся сельской буржуазии, смело берущийся за инновации [4, с. 88–91].

Упоминаются и маргиналы, как в произведении «*Полесские леса*». Это свободные от крепостного права, но нищие работники с пожелтевшими лицами.

Они корчуют и выжигают лес для изготовления древесного угля, живут в шалашах, немало рискуя жизнью. Поселения этих лесных строителей – «холендров», «которые и зимой и летом» бродят по лесу в поисках пищи», назывались «майданы бедных Мазуров» [4, с 81]. Традиционно одетые в балахоны из грубого сукна, халат, подвязанный красным поясом, бараньи шапки, удивительно напоминают они современных людей «без определённого места жительства».

Крашевскому при его уме и удивительной наблюдательности удалось изучить местное население, проникнуться его мирозерцанием и дать точную характеристику каждой особи. Он был знаком со всеми слоями дворянского общества, хорошо знал простой народ, непосредственно сближаясь с ним. Краевед мог мысленно проникнуть как в салон ясновельможного пана и в богатую барскую усадьбу, так и в скромную хату крестьянина, еврейскую корчму или в цыганский шатёр. Словесная характеристика в мемуарах во втором издании была дополнена иллюстрациями [7].

Научная ценность краеведческих исследований Ю. И. Крашевского состоит в том, что они доказывают, что западная часть Полесья издавна являлась межэтнической зоной, соединяющей культуры Украины, Беларуси и Польши. Доступные для изучения статистические данные об этническом составе населения этого региона могут быть дополнены сведениями о культурной дифференциации между представителями различных этносоциальных групп.

Литература

1. Малюкович, С. Д. Становление реализма в творчестве Юзефа Крашевского (повести и романы 30-40-х годов): Автореф. дис. на соис. степени канд. филолог. наук. – Москва, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/stanovlenie-realizma-v-tvorchestve-yuzefa-krashevskogo-povesti-i-romany-30-40-h-godov>. – Дата доступа : 23.04.2019.
2. Вялікі гістарычны атлас Беларусі : У 4-х тамах / Г. І. Кузняцоў, У. І. Адамушка [і інш.]. – Минск : Белкартографія. – 2015. – Т. 3. – 350 с.
3. Полесье. Материальная культура / В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская [и др.]; редкол. : В. К. Бондарчик, Р. Ф. Кирчив (отв. редакторы) [и др.]; АН УССР. Львовское отделение Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского. – Киев : Наук. думка, 1988. – 448 с.
4. Kraszewski J. I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / Józef-Ignacy Kraszewski. – Vilna : Nakład i druk T. Glücksberga [1840]. – 232 s. Т. 1–2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=28613> – Дата доступа: 05.04.2019.
5. Список существующих в Российской империи ярмарок. – СПб : Типография медицинского департамента министерства внутренних дел, 1834. 415 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://docviewer.yandex.ru/view/> – Дата доступа: 06.05.2019.
6. Kraszewski, J. I. Listy do rodziny 1820–1863. – Krakow, 1887.
7. Kraszewski, J. I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / Józef-Ignacy Kraszewski. – Paryż: Drukarnia J. Claye, [1860]. – 144 s. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=1502> – Дата доступа: 05.04.2019.

В статье рассматриваются особенности культурной дифференциации этносоциальных групп западной части Полесья в перв. пол. XIX в. Процесс качественных изменений в культуре после вхождения в Россию, под воздействием новых социально-экономических и политических условий, изучен на основе зафиксированных данных краеведческого издания Ю. И. Крашевского «Воспоминания о Полесье, Волыни и Литве» (1840). Сведения этого источника о представителях различных этносоциальных групп отражают характер белорусско-польско-украинских культурно-исторических связей.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ КРЕАТИВНОСТИ АКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е. И. МЕДВЕДСКАЯ

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Современному обществу высоких технологий присущ плюрализм носителей информации. Полюса существующего многообразия можно обозначить следующим образом: традиционная печатная книга и цифровые носители информации (новые медиа или Web 2.0). Очевидно, что на разных носителях кодировка информации осуществляется посредством различных знаковых систем (соответственно, печатное слово и медиаобраз). В подобных условиях самостоятельный выбор субъектом предпочитаемой знаковой системы может служить основанием для построения психологической типологии представителей информационных субкультур. Этот выбор в соответствии с культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского может рассматриваться как отражение ненормированной социумом активности субъекта по «врастанию» в культуру и по «овладению» собственной психикой. Кроме этого, выбор орудия (слово или медиаобраз) одновременно задает и деятельность с ним (чтение или просмотр). Пересечение двух указанных координат – культурного орудия и деятельности с ним – позволяет выделить несколько типов информационных субкультур и их представителей: субкультура слова, носителей которой можно обозначить как субъектов читающих (*homo legens*); субкультура медиаобраза, и, соответственно, субъекты просматривающие (*homo videns*); смешанная субкультура и смешанный тип.

В высокотехнологичном мире возрастает социальная ценность креативности как одной из атрибутивных человеческих способностей. Оценки воздействия новых медиа на творческие способности их пользователей разными специалистами неоднозначны. Некоторые специалисты, с учетом того, что устройства становятся все более «умными», предлагают говорить уже об интеллектуальном партнерстве человека и машины [1, с. 165]. Особенно это партнерство проявляется в творческих процессах, ведь даже простые поисковые действия типа введения запросов уже изменяют виртуальную среду (как минимум посредством рекламы, реагирующей на запрашиваемый контент).

Технические характеристики новых медиа (диалогичность, интерактивность и др.) создают благоприятные условия для развития творческих способностей. Поэтому закономерно предположить, что более активные их пользователи будут обладать и более высоким уровнем креативности. С учетом того, что носители разных информационных субкультур отдают предпочтение разным культурным орудиям (печатному слову и медиаобразу), то представляется целесообразным сравнительный анализ параметров креативности осуществить не только в разных группах (субъектов читающих и субъектов просматривающих), но и на разном материале: вербальном и невербальном.

Организация исследования. В исследовании принимало участие 270 респондентов в возрасте от 35 до 58 лет, среди которых 198 женщин и 72 мужчины. Все участники исследования имеют высшее образование и являются работниками умственного труда (педагоги, медики, экономисты, юристы).

Для дифференциации выборки на представителей различных информационных субкультур респондентам предлагалась комбинированная анкета, направленная на определение их выбора предпочитаемой знаковой системы информации. Критериями для отнесения субъекта к определенному типу выступали: 1) выбор вида деятельности в свободное время (чтение или просмотр); 2) повседневная практика обращения с разными информационными носителями (на какой из данных видов деятельности больше тратится времени).

Используемый для измерения вербальной креативности тест С. Медника (RAT) [2, с. 322–346] адаптирован А. А. Ворониным (лаборатория психологии способностей Института психологии РАН) и в русскоязычной версии известен как тест речемыслительной креативности (РМК) [3, с. 40–81]. Тест позволяет измерить три параметра вербальной креативности: уникальность (способность человека к созданию нового); оригинальность (нестандартность ответов, рассчитываемая для каждого испытуемого отдельно по специальной формуле) и количество ответов (степень продуктивности и работоспособности). Данная методика считается «наиболее адаптированным к нашим условиям тестом креативности» [2, с. 196], несмотря на наличие определенных моментов для ее критики (навязанность ситуации тестирования, отсутствие свободы выбора материала, отождествление креативности с оригинальностью и уникальностью вербальной продукции).

Для изучения невербальной креативности был использован тест «Свобода ассоциаций» З. Зиверт, позволяющий определять визуальную креативность, способность к преобразованиям (гипотетичность и вариативность мышления) [4, с. 326–330]. Стимульный материал представляет собой 15 рисунков современного российского художника А. Н. Фанталова. Задача респондентов – дать рисунку несколько интерпретаций. Время выполнения теста не ограничивается (как правило, занимая порядка получаса). Тест позволяет определять несколько параметров креативности: количество вариантов (ассоциаций); уникальность (или оригинальность) ответов; разнообразие стратегий (ассоциативные зоны) и степень отдаленности ассоциаций. Таким образом, измеряемые в данном тесте параметры частично могут быть сопоставлены с параметрами вербальной креативности теста С. Медника.

Результаты и их обсуждение. Обработка данных анкетирования показала, что в исследованной выборке 1 % респондентов (25 человек) можно отнести к типу «субъект читающий». 21% (36 опрошенных) возможно охарактеризовать как принадлежащих к типу «субъект просматривающий». Большую часть выборки, как и следовало ожидать, представляет смешанный тип, не имеющий каких-либо однозначных приоритетов в выборе источников информации. Это люди, которые с легкостью и удовольствием как читают книги, так и пользуются цифровыми носителями.

Дальнейший анализ параметров вербальной и невербальной креативности осуществлялся в двух контрастных группах носителей субкультуры слова ($n = 20$) и носителей субкультуры медиаобраза ($n = 20$). Такое ограничение вы-

борок обусловлено не только реально небольшим количеством респондентов типа «субъект читающий», но и ограничениями математико-статистических критериев, используемых для оценки достоверности возможных различий между выборками.

Усредненные по выборкам результаты измерения вербальной креативности у представителей разных информационных субкультур отражены в таблице 1, в которой буквами обозначены измеренные параметры креативности: У – уникальность; О – оригинальность; К – количество ответов.

Таблица 1 – Показатели теста вербальной креативности С. Медника (RAT)

Респонденты типа «субъект читающий»			Респонденты типа «субъект просматривающий»		
У	О	К	У	О	К
9,75	0,62	24	4,45	0,48	17,85

Представленные в таблице 1 данные свидетельствуют, что параметры креативности (уникальность, оригинальность и количество ответов) выше у представителей типа «субъект читающий».

Качественный анализ ответов показал, что у представителей данной группы присутствует не только умение подбирать ассоциации, но и стремление выйти за рамки инструкции и соединить тестовые триады в более сложные, чем слово-ассоциация, вербальные конструкции. Например: на триаду «воздух – быстрая – свежая» респонденты отвечают словосочетаниями (свежее утро, струя воды), на триаду «народная – страх – мировая» следует ответ «трагические события» или еще более сложная ассоциация «Вставай, страна огромная» (вместо ответа «война», который, как самый популярный, имеет нулевой коэффициент оригинальности); на триаду «садовая – мозг – пустая» следует целое умозаключение: «И в пустом мозгу может расти сад из цветущих деревьев», а на триаду «поезд – купить – бумажный» ответ представляет воспоминание-фантазию: «В детстве я могла купить билет на бумажный поезд и уехать на нем далеко-далеко». Подобные тенденции к самостоятельному усложнению инструкции не зафиксированы в группе представителей типа «человек просматривающий».

Применение критерия Розенбаума доказало достоверность выявленных различий по двум параметрам вербальной креативности:

уникальность ($Q = 10$ при $Q_{\text{крит}} = 9$ для $p < 0,01$);

количество ответов ($Q = 8$ при $Q_{\text{крит}} = 7$ для $p < 0,05$).

В итоге корреляционного анализа для параметров вербальной креативности установлены одинаково значимые в двух группах прямые корреляции между уникальностью и оригинальностью ответов ($r = 0,84$ и $r = 0,7$, $p < 0,01$), различно значимые взаимосвязи между уникальностью и количеством ответов ($r = 0,58$, $p < 0,01$ в группе носителей культуры слова и $r = 0,48$, $p < 0,05$ в группе носителей культуры образа), а также наличие корреляции между оригинальностью и количеством ответов в выборке читателей ($r = 0,52$, $p < 0,05$) и ее отсутствие в выборке зрителей. Полученные данные частично подтверждают идею С. Медника о том, что при большем числе ответов математически вырастает вероятность появления среди них уникальных и оригинальных. Другими словами, эта статистическая вероятность в группе «субъектов просматривающих» представлена очень слабо.

В таблице 2 представлены усредненные для представителей разных информационных субкультур параметры визуальной креативности, которые имеют следующие буквенные обозначения: У – уникальность (оригинальность); К – количество ответов; ОтА – отдаленность ассоциаций; Дв – движение.

Таблица 2 – Параметры образной креативности

Респонденты типа «субъект читающий»				Респонденты типа «субъект просматривающий»			
У	К	ОтА	Дв	У	К	ОтА	Дв
15,26	27,13	7,33	2,13	10,73	21,46	4,33	0,6

Данные таблицы 2 демонстрируют, что все параметры невербальной креативности выше у носителей культуры слова. Применение критерия Розенбаума для оценки достоверности выявленных различий показало следующее:

для уникальности ассоциаций: $Q = 8$ при $Q_{\text{крит}} = 6$ для $p < 0,05$;

для количества ответов: $Q = 4$ ($Q > 0,05$);

для числа ассоциаций из отдаленных областей: $Q = 9$ при $Q_{\text{крит}} = 9$ для $p < 0,01$;

для ответов категории «движение»: $Q = 6$ при $Q_{\text{крит}} = 6$ для $p < 0,05$.

Статистические расчеты позволяют утверждать, что только по одному параметру – количество ассоциаций – представители разных информационных субкультур друг от друга не отличаются. По всем другим (нетипичность ответов, активность ассоциативного процесса, богатство воображения) достоверные преимущества выявлены у носителей культуры слова.

Таким образом, полученные данные противоречат прогнозируемому у активных пользователей цифровых технологий росту творческих способностей.

Многогранность и трудноуловимость природы креативности обуславливает несовершенство существующих психологических инструментов ее изучения, в том числе и тестов, посредством которых «можно выделить креативов, но нельзя определить точно некреативов» [4, с. 196]. Полученные данные с определенной оговоркой позволяют утверждать, что креативов однозначно больше среди любителей чтения, чем среди взрослых, отдающих предпочтение цифровым технологиям. Сравнительный анализ выраженности параметров креативности показал, что представители типа «субъект читающий» являются статистически более креативными и более работоспособными, чем представители типа «субъект просматривающий» (для вербальной креативности) и достоверно отличаются от представителей типа «субъект просматривающий» большей уникальностью ответов и большей широтой ассоциативного процесса (для визуальной креативности).

Полученные данные на первый взгляд могут показаться очевидными (особенно для параметров вербальной креативности), без учета возраста респондентов. Все они нормативно завершили основные циклы психического и личностного развития еще в доцифровом обществе. Это позволяет говорить о том, что новые медиа обеспечивают благоприятные возможности (свобода выбора контента, диалогичность и др.) для развития творчества как одного из высших видов активности человека, но реализует эти возможности конкретный человек. Как демонстрируют эмпирические данные, стихийное взаимодействие с цифровыми технологиями (несмотря на наличие у них развивающего потенциала) не обеспечивает спонтанного развития креативности. Вероятно, для этого требуют некие сознательные, специально организованные усилия.

Несмотря на то, что новые медиа обладают определенным потенциалом проявления творческих способностей для их пользователей, у медиаобраза, как ведущей системы кодирования информации, есть и еще одно мало афишируемое качество. На основании тех характеристик виртуальных образов, которые дают специалисты («бомбардировка» сознания, Э. Тоффлер, 2004; «захват» сознания, М. Маклюэн, 2003; «ослепляющий поток», М. Кастельс, 2004 и др.) это качество можно обозначить как навязанность извне или навязчивость. Иначе говоря, внешняя свобода Интернета в выборе информации имеет и существенное внутреннее ограничение для ее переработки реципиентом, обусловленное медиаобразом как основным способом кодировки информации.

Литература

1. Голубинская, А. В. Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения Z / А. В. Голубинская // International Journal of Humanities and Natural Science. – 2015. – Vol. 1. – P. 161–167. – Режим доступа: [https:// cyberleninka.ru/article/v/neyrpkognitivnyy-podhod-k-issledovaniyu-pokoleniya-z](https://cyberleninka.ru/article/v/neyrpkognitivnyy-podhod-k-issledovaniyu-pokoleniya-z). – Дата доступа: 14.04.2018.
2. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб. : Питер, 1999. – 368 с.
3. Воронин, А. Н. Диагностика вербальной креативности (диагностика теста Медника) / А. Н. Воронин, Т. В. Галкин // Методы психологической диагностики. – М. : Ин-т психологии РАН, 1994. – Вып. 2. – С. 40–81.
4. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 434 с.

В статье представлены результаты эмпирического исследования параметров разных видов креативности (вербальной и визуальной) у представителей разных информационных субкультур (субкультуры слова и субкультуры медиаобраза). Установлено, что большинство параметров креативности имеют более низкий уровень развития у активных Интернет-пользователей.

УДК 316

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ И ПОРТРЕТЫ ПРЕСТУПНИКОВ «СРЕДНЕГО КЛАССА»

В. В. МИЦКЕВИЧ

*Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»,
г. Минск, Беларусь*

«Всегда рост преступлений против собственности дает нам возможность говорить о росте нужды населения, а рост преступлений против жизни – о росте его нравственной одичалости. Общественная психология проявляется в отдельных людях. Ответственность человека уменьшается в том случае, если свобода выбора была ограничена».

Вильгельм Виндельбанд

Прагматично ориентированная и концептуально обоснованная модель психологических типов преступников «ЭДИКА», призванная способствовать их изучению с психологических и криминологических позиций, комплексно отражает присущие сознанию преступников:

- биологические, психические и социальные компоненты;
- бессознательные, осознаваемые и экзистенциальные проявления;
- менталитет личности, обуславливающий активность правонарушителей в культурно-историческом отношении.

При этом максимально полно учитывается криминогенный комплекс факторов, порождающих преступное деяние в конкретных криминальных ситуациях, как с позиций объективной оценки состояния преступности в регионе (потенциальной латентности, уровня, структуры и динамики), так и с позиций всестороннего анализа детерминирующих преступление криминологических детерминант (социальных, экономических, политических, конфессиональных, культурологических, демографических и др.).

Согласно основному целевому предназначению, модель психологических типов преступников прагматично призвана способствовать:

- реконструкции психологического генезиса и механизма совершённого правонарушения, для сужения поля поиска предполагаемых преступников на основе выявленных личностных качеств, выступивших истоками совершения преступления;

- составлению алгоритмизированного психологического портрета (профиля) изучаемого либо предполагаемого преступника;

- определению наиболее значимых структурных компонентов психологического портрета (профиля) личности преступника, выступающих в качестве психологических «мишеней» в процессе взаимодействия с ним, в целях повышения эффективности психологических воздействий, реализуемых сотрудником силовых структур.

Своеобразной «стержневой нарезкой», психологической основой вышеуказанной модели выступает психическое состояние правонарушителей как единовременное проявление всех компонентов сознания, отражающих, прежде всего, совокупность проявившихся социально отвергаемых потребностей, присущих конкретной личности, обуславливающих её индивидуальную психофизиологическую и поведенческую активность. Противоправные деяния, с субъективных позиций правонарушителей оцениваемые как лично приемлемый способ действия (бездействия) в конкретной ситуации, всегда направлены на удовлетворение их нравственно-ущербных, социально отвергаемых потребностей, влекущие поступки, квалифицируемые с позиций закона как преступление. Потребности, согласно планетарно-атомарной структурной модели личности (А. Р. Ратинов) располагаются в центре личностного ядра, а вокруг на различных орбитах находятся другие психологические образования. Удовлетворение таких потребностей преступниками реализуется посредством своеобразного срабатывания комплексов индивидуальных когнитивно-эмоциональных мотивов, мотивации, психологических установок, наличествующего мировоззрения (ближайшие к личностному ядру орбиты) на фоне имплицитного проявления и развитости присущих правонарушителям «смертных грехов», в обрамлении актуализировавшихся конкретных, всегда уникальных в проявлении личностных качеств и образований, обуславливающих в итоге противоправное поведение. В данной связи нами разработаны и схематически представлены психологические портреты, соответствующие модели психологических типов преступников – «ЭДИКА».

Психологический портрет – описательная характеристика присущих конкретному лицу определенных психологических качеств и свойств, отличающих его от других людей. В более конкретной, прикладной трактовке его можно определить как совокупность выявленных в процессе целенаправленного изучения личности профессионально-значимых «признаков – сигналов», а так же присущих ей социально-ролевых, нравственных, типологических и индивидуально-психологических особенностей, отражающих доминирующие психические состояния и намерения.

Психологический портрет в практике сотрудников силовых структур, по классификационной «нарезке», с позиций выявления качественных составляющих и их параметров, подразделяется на «фрагментарный» и «полный», а с позиций научно-аналитической обоснованности и профессионально обусловленной целесообразности – на «достоверный» и «вероятностный», выступающие в итоге как «две стороны одной медали». С временных позиций психологический портрет рассматривается в диапазоне от «моментального» (составляемого за короткий промежуток времени) до «продолжительного» (предусматривающего процесс его создания за относительно длительный временной период).

«ЭДИКА» – схематические психологические портреты / профили/ преступников:

Экстазмический тип

– Потребности – «гипертрофированные». /- Высокий интеллект./- Нравственность извращенцев. Доминирующие «смертные грехи» - «Гордыня», «Блуд»./- Скрытые комплексы «Я – исключительная личность» и «Комплекс Герострата» определяют нравственные ценности, диспозиционные установки, мотивацию, мотивы, мотивировки и т. д./ - Высокий уровень социальной мимикрии, чаще всего проявляемый в образе «Серая мышка»./- «Не пьёт, не курит, не играет в азартные игры, нет любовниц, не является «болельщиком» любимой спортивной команды и т. д./ - «Высокий волевой самоконтроль»./- Чувственно-эмоциональная ригидность./ - Обладает способностью оказывать эффективное персонализированное психологическое воздействие./- «Ведущий» психологический механизм – рационализация.

Диспозиционный тип

– Потребности прагматично-утилитарные, низшего «витального уровня» - свойственные ракалиям./- Нравственность ракалий. Доминирующие «смертные грехи» - «Чревоугодие», «Алчность», «Зависть»./ - Низкий интеллект./ - «Недостаточный волевой самоконтроль»./- Чувственно-эмоциональная «тупость»./ - Высокий уровень готовности к совершению преступления при благоприятных условиях. / - «Ведущий» психологический механизм – «замещение».

Импульсивный тип

– Потребности – «спонтанно-эмотивные», проявляемые при совершении преступления в диапазоне – «физиологический аффект – патологический аффект»./- Нравственность лабильна. Доминирующие «смертные грехи» - «Гнев», «Чревоугодие», «Похоть»./- Диапазон: от низкого интеллекта ракалий, до высокого у «интеллигенции».\ – Чрезмерная, ситуативно проявляемая чувственно-эмоциональная подвижность./ - «Низкий либо недостаточный для предотвращения преступления волевой самоконтроль»./ - Наличествует в сознании готовность к совершению насильственных преступлений, «сопровождаемая» в сознании

установкой на безнаказанность./ - «Ведущий» психологический механизм – «регрессия».

Конформный тип

– Доминируют потребности в безопасности, «комфортной» социальной мимикрии./

– Нравственность - «человека в футляре», «серой мышки»./ - Доминирующие «смертные грехи» - «Зависть», «Алчность», «Чревоугодие»./- Вариативно проявляемый «усреднённый» уровень интеллекта./- «Недостаточный волевой самоконтроль»./

– Чувственно-эмоциональная «фригидность» – скрываема индивидуальным актёрским мастерством./ - Потенциально наличествующая готовность к совершению всех видов преступлений для обеспечения личной психологической и физической безопасности./

«Ведущий» психологический механиз - «проекция».

Аномистический тип

– Доминируют «квази» , /«псевдо» «мнимые», «ложные»/ потребности./

– Нравственность – «экстремистская» - (у идеологов – «чистые руки», у убийц – «чистая совесть»)/- Доминирующие «смертные грехи» - «Гнев», «Зависть», «Гордыня», «Уныние»./ - Ярко выраженная «полярность» в проявлении интеллекта в зависимости от персоналий./ - «Взахлёт» проявляемая чувственно – эмоциональная лабильность./ - «Высокий волевой самоконтроль»./ Готовность к агрессии в отношении «Врага» при благоприятных условиях./ - «Ведущий» психологический механизм – «вытеснение».

Подчеркнём, что все психологические типы, как и «смертные грехи», вариативно представлены в каждом преступнике, а их конкретное выражение, в процентном соотношении, можно сравнить, по аналогии, с содержанием в личности и проявлениями типов темперамента.

Представляющим «нижний класс» (включающий и андеркласс) ракалиям, социальным девиантам, «чистым» маргиналам, аддиктам, криминолоидам – делинквентам, свойственны в большей мере насильственные и корыстно-насильственные преступления, отражающие их доминирующие витальные потребности, сопровождаемые низким материальным уровнем обеспеченности и нравственной ущербностью /убийства, грабежи, разбои, кражи, хулиганства и т. п. /Доминирующий тип – диспозиционный./

«Верхнему классу» – власть имущим, крупным представителям бизнеса олигархам и т. п. – преимущественно «принадлежат» преступления, совершаемые в экономической и политической сферах (коррупционные преступления, злоупотребление властью или служебными полномочиями, служебный подлог и т. д.)./ Доминирующий тип – аномистический./

И наконец, относительно преступников «среднего класса», которым свойственны потребности в безопасности, «комфортной» социальной мимикрии, боязни и нежелании потерять имеющиеся материальные и культурные ценности, в большей степени соответствуют мошенничества, взяточничество, хищения путём злоупотребления служебным положением, хищения путём присвоения либо растраты и др. /Доминирующий тип – конформный./

«Точечный» анализ динамики снижающейся зарегистрированной преступности в Республике Беларусь (с 2005 года по 2017 год произошло её сокраще-

ние в 2.26 раза или на 55,8%, с 195 361 до 86362 преступлений, а по уровню преступности в 2.23 раза, или на 55.2%, с 2029 до 909 случаев на 100000 населения), при сохранившейся тенденции в 2018 году – косвенно свидетельствует как об укреплении материального благополучия, так и возрастании духовных компонентов «среднего класса».

Литература

1. Мицкевич, В. В. Словарь основных терминов, понятий и определений юридической психологии / В. В. Мицкевич. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Акад. МВД, 2015. – 187 с.
2. Мицкевич, В. В. «Эдика» – новая модель психологических типов преступников» / В.В. Мицкевич // Инновационные образовательные технологии. – Минск, «Колоград». – 2016. – №1 (45). – С. 3 - 6.
3. Мицкевич, В. В. Психология генезиса и механизма преступления в зеркале мудрости веков / В. В. Мицкевич // Инновационные образовательные технологии. – Минск. – Колоград, 2017. – №1 (49). – С. 50 - 55.

В статье рассматриваются трансформационные изменения в социальной структуре общества через призму среднего класса в криминальной среде.

УДК 94 (411.16)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ

А. В. МОЩУК

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Еврейская диаспора Польши представляла собой одну из наиболее мощных составляющих политической жизни страны на протяжении всего межвоенного двадцатилетия. Многочисленные, хорошо организованные, особенно на фоне не еврейских политических партий и организаций, пользующиеся поддержкой в своей национальной среде, еврейские политические партии во многом определяли направление развития как политической мысли, так и политической жизни страны. Степень политизации еврейского населения, особенно молодёжи, была одной из самых высоких среди представителей различных национальностей страны. Для еврейской молодёжи в межвоенной Польше, особенно в 1930-х гг., участие в деятельности молодёжных организаций или политических партий было нормой.

Очевидно, что основная причина такой высокой степени политизации молодёжи заключалась в чрезвычайно острой постановке еврейского вопроса в польском обществе, что побуждало многих евреев искать его решение в политической сфере. Кроме политической и экономической мотивации, не меньшей причиной, толкавшей еврейскую молодёжь в политику, было стремление уменьшить традиционное влияние родителей и религии в семье. Экономический кризис, сильный антисемитизм и строительство независимого польского государства подразумевали, что еврейская молодёжь будет искать выход из сложившейся ситуации не в традиционных взглядах их родителей и в наставлениях раввинов, а в идеологии политических партий как еврейских, так и не ев-

рейских. Традиционно сильная позиция родителей в еврейской семье ослабла в данный период, и родители уже не могли повлиять на политические взгляды своих детей. Поэтому такое явление как конфликт отцов и детей в еврейских семьях часто приобретал характер политического противостояния.

Подобные тенденции в трансформации ценностных ориентиров в рамках еврейской традиционной семьи отмечаются уже в конце XIX – начале XX вв. Так, известный исследователь российского революционного движения рубежа веков А. Гейфман, характеризуя мотивы участия в террористических организациях различного толка еврейских женщин, отмечала, что они «... в своих семьях при традиционном социальном укладе закреплены ещё больше русских женщин. Их готовность к терроризму может частично быть объяснена тем, что, становясь революционерами, они порывали со своими семьями и культурными традициями... Вступая в революционное движение, еврейская девушка не только отрекалась от политических взглядов своих родителей, но и отвергала одну из фундаментальных основ еврейского общества – предписываемую ей традицией роль матери семейства» [1, с. 20].

Другой характерной чертой политической жизни еврейского населения Польши было то, что партии или молодежные движения пытались создать новое общество внутри самой еврейской диаспоры, распространяя свою деятельность далеко за рамки политической идеологии. Такая деятельность подразумевала различные формы общественной работы: от создания начальных и средних школ до проведения различного рода культурно-просветительских мероприятий. Участие в подобных формах политической деятельности, по мнению израильского учёного Э. Мендельсона, «...давало членам партий возможность чувствовать, что они находятся в «новом мире», в противоположность «старому миру» дома и синагоги. Ясно, что таким образом партия выступала и как своеобразная семья для своего члена и как защитник перед светским государством, которое игнорировала интересы еврейской общины. Быть бундовцем или членом Поалей Сиона означало принадлежать к особому миру с его собственными культурными, социальными и экономическими организациями. Поэтому партии играли роль барьера между польскими евреями и антисемитским, католическим и националистическим по своей сути польским государством» [2, с. 36].

Эти две тенденции в изменении мировоззрения еврейского населения, а именно, с одной стороны, стремление реализовать «еврейских вопрос» в различных плоскостях политического процесса, с другой – коренная ломка системы ценностных ориентиров еврейской семьи, определяли поливариантность политических идеологий, распространённых в рамках еврейской диаспоры.

В целом, можно говорить о том, что еврейская политическая жизнь в межвоенной Польше обладала рядом специфических черт. Во-первых, несмотря на гомогенный характер еврейской социальной структуры, это наличие достаточно широкого спектра политических доктрин. Евреи, в отличие от других национальных групп межвоенной Польши, не были представлены ни крестьянством, ни аристократией, что делало невозможным существование политических партий, отражающих интересы данных слоёв общества. Тем не менее, число еврейских политических организаций в независимой Польше было достаточно велико.

Данная поливариантность еврейского политического спектра объясняется рядом факторов. С одной стороны, перед еврейской диаспорой межвоенной Польши стояла дилемма о путях решения еврейского вопроса и выбора национального языка (от идеи алии, т. е. переселения евреев в Палестину и создания там еврейского государства, до построения национально-культурной автономии; от иврита до идиша). С другой стороны, вопрос о национальной идентификации приобретал светский, национальный и религиозный аспекты и носил гораздо более острый характер, чем у других национальных меньшинств межвоенной Польши. Принимая за основной критерий данный фактор, мы можем выделить следующие политические партии:

- религиозно-ортодоксальные (Агудат Израэль, Мизрахи и др.);
- партии, стоящие на позициях еврейского национализма – сионистские организации различной направленности;
- социал-демократические партии (Бунд, Поалей Сион левая и др.) и ассимиляторские политические организации.

Во-вторых, особенностью еврейской политической жизни было то, что данные партии не обладали реальной властью в государстве, что приводило к политическому фракционизму. Отсутствие реальной политической власти и идеологические различия почти неизбежно приводили к организационным расколам. В то же время традиционное еврейское единство и тот факт, что идеологи антисемитизма зачастую не делали никаких различий среди еврейского населения, так и не смогли привести к политическому единству евреев Польши. Максимум, на что была способна еврейская диаспора Польши, так это признать ведущую роль в вопросе защиты евреев перед лицом антисемитской угрозы польского Бунда. Однако даже в условиях открытой антисемитской политики со стороны польского государства Бунд так и не смог сплотить вокруг себя все слои еврейского общества и стать общенациональной партией.

В-третьих, следует так же отметить высокую степень политической мобилизации еврейского общества. Однако не все еврейские партии были массовыми организациями. Некоторые из них, фактически, представляли собой одного человека и пишущую машинку.

Таким образом, политическая свобода, чрезвычайно высокий уровень польского национализма и антисемитизма наложились на процесс снижения влияния традиционного иудаизма внутри еврейской общины, вызванного политикой отделения церкви от государства. Старшее поколение еврейской общины не могло удовлетворить политические запросы молодёжи. Именно поэтому она рассматривала зачастую радикальные политические движения в качестве своего «нового дома», который давал надежду на изменение социальной структуры еврейского общества. Кроме того, тот факт, что традиционная еврейская семья не могла обеспечить экономическое будущее еврейской молодёжи, вследствие ориентации на традиционную религию и социальные обычаи, так же провоцировал её на уход в политику.

Все основные еврейские партии в Польше, за исключением Агудат Израэль, принадлежали к так называемой «новой еврейской политике» [2, с. 43], как они сами её называли. Это говорило о том, что они отказывались от прежней еврейской политической традиции поиска компромисса с властью. «Новый еврей», по их мнению, обладал национальной гордостью и решительно требовал своих

прав как еврей и как свободный человек. Поэтому сторонники данных партий не боялись возмущать не еврейскую политическую элиту. Именно такая позиция была положена в основу тактики еврейских лидеров на Парижской мирной конференции, где они отстаивали национальные права евреев даже притом, что такие требования возмущали поляков.

Литература

1. Гейфман, А. Революционный террор в России, 1894–1917 / А. Гейфман – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 448 с.
2. Mendelsohn, E. Jewish politics in interwar Poland: an overview / E. Mendelsohn – London, 1989. – 105 p.

В статье рассматриваются основные тенденции в изменении политических взглядов еврейского населения Западной Беларуси в период с 1918 по 1939 гг.

УДК 130.2

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА

А. П. МЯДЕЛЬ

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Беларусь*

Характерной чертой процесса глобализации современного мира является активизация межличностных, межгрупповых и международных взаимодействий. Этому способствуют экономическая интеграция, внедрение информационных технологий, миграционные процессы, распространение феноменов массовой культуры и ряд других факторов. Современный мир становится все более целостным. Взаимодействие различных культур, религий, цивилизаций отмечается и на более ранних этапах истории человечества, но ареалы их распространения разделяли обширные территории. В современном мире процессы глобализации соединяют народы в едином мировом сообществе. Предвзятое отношение к другим народам и культурам неизбежно порождает напряженность, которая способна дестабилизировать общественные системы не только на национальном, но и на планетарном уровнях. Вместе с тем глобализация наглядно демонстрирует многообразие социокультурных традиций и форм общественного устройства, норм взаимоотношений и ценностных ориентаций, присущих разным сообществам.

Понятие «толерантность», по мнению ряда современных исследователей, берет свое начало в эпоху Просвещения и уходит своими корнями в теорию общественного договора. Дж. Локк в «Послании о веротерпимости» и Дж. Ст. Милль в эссе «О свободе» высказали идею о необходимости разделения частной и общественной жизни, о недопустимости вмешательства государства в частную жизнь индивида. Более того, Дж. Ст. Милль настаивал на необходимости поддерживать тех, кто выходит за рамки общепринятых правил. В XX веке эта традиция была продолжена Д. Роулзом в работах «Теория справедливости» (1971) и «Политический либерализм» (1993) [1, с.11].

Толерантность проявляет себя в способности принятия другого образа жизни, отличных от собственных взглядов и представлений. В ее основе лежат уважение прав и свобод человека, признание равноправия людей по отношению к основополагающим жизненным ценностям. Эти ценности включают в себя определенное мировоззрение и жизненную позицию, ответственность за собственную жизнь, право выбора собственного жизненного пути.

Онтологически толерантность относится к сущности «человеческого существа» в той мере, в какой его сущность принадлежит «бытию с другими». Так, М. Бубер подчеркивает фундаментальную ценность Другого для становления каждого Я: «Через Ты человек становится Я. Противостоящее приходит и исчезает, события-отношения множатся и рассеиваются, и в этой смене становится все более ясной, усиливаясь раз от разу, неизменность партнера, приходит осознание Я» [2, с. 94].

Определение онтологических оснований бытия человека является одной из главных тем философии экзистенциализма. В своей концепции бытия М. Хайдеггер говорит не просто о совместном бытии с другими, но об открытости принципиально новому смыслу и взаимодействию. По мнению философа, человек способен понимать других людей, поскольку он пребывает с ними в едином мире, имеющем единую основу [3, с.118].

Исследование гносеологического потенциала толерантности позволяет эксплицировать механизм понимания в процессе межкультурного взаимодействия. Познавательный компонент толерантности дает возможность осознать разнообразие жизненных проявлений, многообразные варианты ее восприятия и истолкования разными людьми. Толерантность позволяет согласовывать различные описания мира, формировать смысл, совместимый с представлениями других людей. Следовательно, толерантность можно определить как базовый ценностно-смысловой принцип взаимодействия людей. Он предполагает опыт интерпретации различных ситуаций, способность общаться с другим человеком на языке, адекватном статусу собеседника, участвовать в различных социальных акциях. Толерантный индивид готов к событиям, вызванным действиями других людей, к тому, чтобы последующие события выступали как результат его взаимодействия с другими. Этот аспект толерантности нашел свое отражение в «Декларации принципов толерантности», утвержденной Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года. Документ гласит, что «толерантность означает уважение, принятие и понимание богатства многообразных культур нашего мира, индивидуальных форм и способов самовыражения и проявлений человеческой индивидуальности» [4, с.62].

Познавательный потенциал толерантности наиболее зримо раскрывается при анализе противоречий общественного развития. Столкновение идей, конкуренция оценок и интересов создают своеобразные формы отношений между индивидами и социальными группами, устанавливают нормы и правила человеческих взаимодействий. В итоге, каждый индивид строит свои отношения с миром на основе понимания и признания множественности и многообразия бытия, принятия проявляющихся различий и осознания их неизбежности.

М. М. Бахтин, акцентируя внимание на диалогической природе человека, постулирует, что личность не обладает онтологической самодостаточностью и, как следствие, нуждается в диалоге с другой личностью для саморазвития.

В этом смысле диалог – конструктивный потенциал межличностных отношений, который необходимо уметь увидеть, развить и поддержать. В этой связи толерантность, как важнейшая составляющая диалога, является условием полноценного личностного бытия и развития человека [5, с. 227-228].

В социальном взаимодействии, основанном на принципе толерантности, ключевую роль играет понимание, которое подразумевает постижение смысла. Структуру понимающе-познавательного акта при коммуникации составляют познающий разум и познаваемый объект, который может быть определен как текст. Текст – это не только знаковый или письменный источник, но любая знаково-символическая система, обладающая свойствами информационного характера и являющаяся результатом познавательной, созидательной и творческой деятельности людей. Личность, постигая новое, проецирует на внешний мир собственные представления, а также связи между ними. Постигание смысла обусловлено предшествующими знаниями, верованием познающего индивида, его морально-этическими нормами. Это означает, что приписываемые объектам понимания свойства черпаются из внутреннего мира человека, и возникающие образы мира теснятся вокруг единого центра, дающего им жизнь, – индивидуального «Я».

Методологически проблема понимания связана с необходимостью интерпретации, которая находится в прямой зависимости от картины мира участников коммуникации – ментальности. Ментальность, в данном случае, означает совокупность устоявшихся форм мировосприятия, присущих той или иной социальной группе. Она проявляется в поведенческих стереотипах, исторических традициях, образе и укладе жизни людей, в их языке. Ментальность выражает уникальность конкретного народа и служит самоидентификации той или иной этнической общности. По мнению представителя французской исторической школы «Анналов» Ж. Дюби, ментальность – это «система в движении, являющаяся таким образом объектом истории, но при этом все её элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлениях о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [6, с. 69]. Каждый тип ментальности имеет свой логико-вербализированный способ построения. Исходя из этого, важным условием для успешного ведения диалога между представителями различных культур является языковое творчество, которое реализуется через корреляцию кодов и концептов. Для этого требуется модифицировать свою картину мира путем совмещения исходного и вновь осваиваемого образа действительности в рамках своей ментальности. Только при достижении относительной тождественности ментальности структур возможна успешная коммуникация [7, с. 46].

В социокультурном дискурсе толерантность выступает в виде социального качества личности, обладающей способностью к эмпатии, что позволяет человеку терпимо воспринимать свое социальное окружение. Определяя роль толерантности в социальном взаимодействии, следует четко обозначать ее границы. Абсолютизация толерантности приводит к принятию любых социальных явлений и форм практического поведения, а с другой стороны, интолерантность означает тотальное неприятие иной позиции. Таким образом, правильно поня-

тая толерантность представляет собой не только экзистенциальную, но и инструментальную ценность, ее позитивное или негативное значение зависит от конкретных условий и ценностей, на реализацию которых она направлена в определенной ситуации. В социальном взаимодействии предпочтительно избегать полярных толерантных установок. Границы толерантности определяются содержанием ценностной системы конкретного индивида, которая должна опираться на базовые принципы гуманизма, обосновывающие ценность жизни, свободы и достоинства человека. Толерантность должна заканчиваться там, где возникает реальная угроза свободе, достоинству и самой человеческой жизни.

На уровне повседневности решающее значение имеет межличностная толерантность, определяющая методы и способы выстраивания взаимоотношений и взаимодействия в общении с другими, в том числе людьми другой культуры, другой религии, иных политических предпочтений. В этом случае ее необходимым условием является понимание естественности имеющихся между людьми различий, их неизбежность и, соответственно, готовность уважать эти различия, права и свободы каждого человека. Основу межличностной толерантности составляет выбор индивида, осуществляемый осознанно и имеющий ценностно-осмысленное содержание. Он предполагает, что человек при наличии собственного мнения готов уважать и признавать суверенное право других людей иметь свое представление о мире, готов сотрудничать с ними, понимая и учитывая другие точки зрения.

Исследование проблем толерантности приобретает особую актуальность в контексте изменений, происходящих в обществах переходного типа. Сдвиги в области социальной структуры оказывают существенное воздействие на взаимоотношение между отдельными людьми, социальными группами, конфессиями, государствами. В настоящее время толерантность становится ключевым понятием, обладающим значительными познавательным потенциалом для анализа политических, социальных, культурных процессов и тенденций XXI века. Только на основе принципов толерантности может быть обеспечена стабильность социума, могут существовать и успешно развиваться государства, может выжить человечество. Изменения в социальной структуре государств постсоветского пространства обострили социальные и национальные противоречия, ослабили позитивный диалог различных социальных групп, усилили интолерантные тенденции.

Для Республики Беларусь проблема толерантности имеет особое значение в силу геополитического положения страны между двумя цивилизационными центрами – Западом и Востоком Европы. На протяжении столетий белорусские земли были местом встречи и диалога разных – часто враждебных друг другу – культурных течений. Эта ситуация, с одной стороны, объективно способствовала формированию традиции этнической и конфессиональной терпимости, но, в то же время, во многом предопределила диффузию национальной культуры как результат интерференции различных культурных потоков. Реальные возможности реализации толерантности в современном белорусском обществе зависят от поддержания существующих социальных, культурных и правовых традиций терпимости, присущих белорусскому народу, повышения уровня общей культуры людей, от разумной и взвешенной политики правящей элиты.

Литература

1. Каменчук, И. Л. Толерантность: подходы к проблеме / И. Л. Каменчук // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12. – № 3. – С. 11-14.
2. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
3. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad marginem, 1997. – 461 с.
4. Декларация принципов толерантности // Век толерантности. – 2001. – №1. – С. 62-68.
5. Бахтин, М. М. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин, М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 227-231.
6. Альферов, Э. А. Этнозвуковые функции культуры / Э. А. Альферов. – М.: Дон, 1991. – 78 с.
7. Перевозчикова, Л.С. Толерантность в межкультурном взаимодействии: эпистемологическая процедура понимания / Л. С. Перевозчикова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12. – № 3. – С. 44-48.

Определяется понятие «толерантность» и исследуется его социокультурная ценность. Толерантность характеризуется как качество личности, моральное правило, принцип деятельности и принцип отношений между индивидами. Обосновывается идея о позитивном восприятии знаковости и многообразия, которые воплощают гармонию сосуществования противоречий. Подчеркнута значимость реализации принципов толерантности для современного белорусского общества.

УДК 792.06

ПОЛИТИКА ПОЛОНИЗАЦИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-1939)

В. И. НАУМОВА

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В 1921 г. по Рижскому мирному договору Западная Беларусь была передана в состав польского государства. Отдельным пунктом соглашения польское правительство гарантировало соблюдение прав и свобод белорусского и украинского населения: «Польша предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей, все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов... Лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше имеют право, в пределах внутреннего законодательства, культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы» (статья VII Рижского мирного договора) [3, с. 292].

Тем не менее, уже с 1919 года здесь начала активно проводится политика полонизации. В. Зинкевич, в своей книге «Несвядомая» история Белой Руси» дает ссылки на интересные исторические документы, которые позволяют нам достаточно точно представить отношение к местному населению со стороны польских властей. В частности, он приводит оценку политики Польши в отношении белорусов, которую в 1921 году дало правительство БНР. В своём мемориале Патриарху Московскому и всея Руси Тихону они писали: «Всем белорусам в польской дельнице грозит национальная смерть» [3, с. 292].

Виленские «Белорусские ведомости» от 10 октября 1921 года также писали об отношении польских властей к населению, проживавшему на данной территории: «Отношение к белорусам со стороны многих начальников и определённой части общественности очень пренебрежительное. Нас считают то москалями, то большевиками, то вообще людьми второго сорта. Беларусь, частично попавшая под власть Польши, поделена на провинции-воеводства, и не видно, чтобы в этих воеводствах проводилась политика по принципу, объявленному в первые дни польского господства в нашем крае: равные с равными, вольные с вольными» [3, с. 293].

Любопытной в данном контексте является и секретная докладная записка белостокского воеводы Осташевского министру внутренних дел Польши от 23 июня 1939 года, озаглавленная как «Проблемы укрепления польского господствующего положения в Белостокском воеводстве». В частности Осташевский пишет: «Сознательный белорусский элемент придерживается прорусской ориентации. В первом ряду стоят здесь *давние русские симпатии*, вместо них мы *должны выработать симпатии к Польше*...Выражаясь кратко, наше отношение к белорусам может быть определено так: *мы желаем одного и настойчиво требуем, чтобы это национальное меньшинство думало по-польски*, ничего взамен не давая и ничего не делая в ином направлении. В настоящее время белорусов ещё можно ассимилировать в единое русло польской культуры...Рано или поздно белорусское население *подлежит полонизации*. Они представляют из себя пассивную массу, без широкого народного сознания, без собственных государственных традиций. Желательно, однако, этот процесс ускорить, иначе могут возникнуть различные недоразумения, *мы должны одолеть древнюю белорусскую культуру*...Иными словами, необходимо этому населению что-нибудь дать и чем-либо его заинтересовать, чтобы оно мыслило по-польски и училось бы по-польски в духе польской государственности» [3, с. 295].

Политика полонизации в образовании и народном хозяйстве достаточно широко освещена нашими историками, намного реже вопросы полонизации рассматриваются в области искусства и на бытовом уровне. В своей работе я и хотела бы отразить несколько основных моментов политики полонизации в области театрального искусства. В частности, одним из действенных средств полонизации населения Западной Белоруссии можно считать деятельность польского театра, который, как отмечалось, являлся «местом огромной государственной важности и в этом качестве успешно проявляет себя в деле распространения польской культуры на земли «восточных окраин» [2, с. 25].

Известным театральным центром на территории западной Беларуси был г. Вильнюс, или Вильно [2, с. 27]. В 1924 г. в Вильнюсе состоялось заседание театральной комиссии, которое было посвящено развитию театров на территории Западной Беларуси. На этом заседании представитель департамента искусства и культуры Министерства вероисповедания и общественного просвещения особо подчеркнул, что «квалификация руководства на Восточных Окраинах имеет исключительно важное политическое значение. Необходимо, чтобы театр был проводником общих политических указаний, которые проводит правительство Польши» [5, с. 60].

Одним из самым популярных в Вильнюсе был Польский театр на Погулянке. В 1925-1929 годах в этом здании работал польский театр «Редута» под руко-

водством Юлиуша Остервы, а на сцене театра выступали многие выдающиеся польские актёры. За время работы театра прошло 245 показов – 78 опер, 3 концерта, 4 балета, 160 спектаклей оперетты, а также детские утренники. Известным в Вильнюсе был театр имени В. Сыракомли, который с целью просвещения и пропаганды театрального искусства очень часто давал представления для солдат и школьников, при этом цены на такие спектакли были значительно снижены. Так, только с сентября 1922 г. до мая 1923 г. в данном театре было дано 234 спектакля.

В ноябре 1920 года, после ремонта, открыл театральный сезон Гродненский театр. В этом же году на его спектаклях присутствовали Ю. Пилсудский и президент С. Войцеховский. Они остались довольны мастерством актеров, поблагодарили их за активную популяризацию польской культуры. Ставя целью внедрение польской культуры в сознание меньшинств, Гродненский театр показывал в основном пьесы польских авторов. Их в репертуаре было более 35. Понимая важную роль театра в жизни не только города, но всего Белостокского воеводства, Гродненский магистрат выступил с предложением открыть при городском польском театре бродячий театр. В сопроводительном письме к руководству воеводства высказывалась просьба интенсивнее способствовать открытию такого театра с целью нести живое и сильное польское слово в пограничные районы. 30 мая 1930 г. на заседании совета Белостокского воеводства было принято решение создать при Гродненском театре бродячий театр. Гродненский бродячий театр работал очень напряженно – до 140 командировок в год. При этом магистраты принимающих городов гарантировали театру ежегодную оплату определенного количества спектаклей, например, Августово – 18 спектаклей, Белосток – 60, Ломжа – 24, Сувалки – 18, Киев – 12 спектаклей. Следует отметить, что в Польше бродячие театры были широко распространены. В 1936 г. из 103 театров 56 были бродячие. При этом театры, в основном, находились на самоокупаемости, и, несмотря на большую популярность, их расходы часто поглощали доходы. Экономический кризис конца 1920-х гг. также негативно отразился и на культурной жизни «Восточных Окраин». Тем не менее, власти воеводств при своих небольших финансовых возможностях всячески пытались поддерживать польские театры. Например, Гродненская городская рада гарантировала театру ежегодную помощь в размере 30 тыс. злотых, а также бесплатно передала дирекции театра здание и освободила от зрительского налога.

В достаточно благоприятном материальном положении находился бродячий театр железнодорожников «Передовик» в Бресте, который работал под покровительством Министерства обороны и Министерства внутренних дел. Деятельность театра «Передовик» состояла из нескольких направлений:

1. Непосредственно театральная деятельность. Ежегодно он готовил 20 пьес, среди них 5 краеведческого характера, 5 исторического, 10 классических, предусмотренных школьной программой, и несколько пьес легкого жанра.

2. Инструкторская работа. Данная деятельность заключалась в том, что во время гастролей специальные инструкторы проводили курсы по работе клубов, любительских драмкружков, выпускали стенгазету. Также для любительских театральных коллективов организовывались курсы по дикции, мимике и сценическому движению, гримировке и построению сцены, проводилось обучение основам режиссуры.

3. Организационная работа по улучшению обслуживания населения. Руководство театра работало с куратором Брестского школьного округа. За первую половину 1934 г. театр совершил более 300 показов, провел около 100 однодневных курсов для работников клубов [5, с. 61]. Данный театр направлял свою деятельность на широкие народные массы и школьную молодежь.

В 1934 г. в Вильно была реорганизована драматическая школа при Вильнюсском городском театре. В 1935 г. был принят Устав Виленского союза театров и народных хоров. Целью союза были организация народных театров, хоров, оркестров, чтобы через них пропагандировать польскую культуру среди населения. Союз создавался на территории, населенной как коренным этносом – белорусами, так и другими национальными меньшинствами, но ни о каких национальных особенностях, ни о сохранении национальных традиций белорусов, евреев, литовцев, украинцев, русских не говорилось. Кроме того, в марте 1936 г. руководство учебных заведений Бреста, Вильно и других городов получило сообщение из Варшавы, что школьный инспектор поддержал создание Союза Театров и народных хоров «как наиболее удачную форму для обеспечения важнейшей цели культурной ассимиляции местного населения и внедрение польского языка в повседневной обиход» [5, с. 62].

Нужно отметить, что с первых дней существования в составе Польши представители белорусской интеллигенции предпринимали различные попытки для создания стационарного белорусского театра, однако в условиях гонений осуществить эту идею было крайне сложно. Тем не менее серьезный вклад в развитие театрального дела Западной Беларуси внес Л. Родевич. Так, в 1921 г. Л. Родевич вместе с М. Красинским и А. Кончевским организовал в Вильнюсе белорусский музыкально-драматический кружок и стал его руководителем. Свою деятельность кружок начал с постановки в ноябре 1921 г. сценической зарисовки Янки Купалы «На Полесье», показ которой был осуществлен 25 раз. Польские власти очень бдительно следили за деятельностью кружка и в 1923 г. Л. Родевич вместе с другими участниками кружка был арестован [5, с. 64].

После своего освобождения Л. Родевич, М. Красинский, А. Кончевский и А. Михалевич создают в Вильнюсе «Белорусскую драматическую мастерскую» – любительскую театральную студию, которая должна была стать основой будущего профессионального театра. Первыми исполнителями ролей в спектаклях были ученики и учителя Виленской белорусской гимназии и представители местной интеллигенции. В ее репертуаре были спектакли «Последнее свидание» В. Голубка, «Отрочество» Янки Купалы, «Лес шумит» по В. Короленко, «Рысь» («В зимний вечер») по мотивам Э. Ожешко. Поскольку Мастерская должна была стать основой будущего профессионального театра, к постановкам предъявлялись достаточно высокие требования. Была хорошо продумана и проработана система работы с молодыми исполнителями, в ходе теоретической подготовки читались лекции по истории белорусского театра. Практические навыки работы приобретались студийцами в процессе непосредственной подготовки спектакля. В программе мастерской были выступления хора, танцевальные номера, чтение белорусских стихов. Часто проводились выступления в деревнях. Вместе с тем, в работе мастерской возникали серьезные трудности, это, в частности, связано с постоянным засильем польской цензуры и невозможностью обновления белорусского репертуара. Также остро ощущался недо-

статок материальных средств. Работники мастерской постоянно обращались к населению с просьбой оказать денежную помощь, т. к. официальные власти не оказывали никакой помощи белорусскому коллективу, а все чаще и чаще запрещали постановки на белорусском языке. Л. Родзевич и М. Красинский, видя бесперспективность своих начинаний и свою невостребованность, в итоге эмигрировали в СССР и в 1925 г. «Белорусская драматическая Мастерская» прекратила свою деятельность [5, с. 64].

Еще одну попытку создать постоянно действующий белорусский театр принял Белорусский институт хозяйства и культуры – культурно-просветительская организация в Западной Беларуси, которая действовала с июня 1926 г. до 5 декабря 1936 г. С 1926 года при институте работала драматическая секция, основной задачей которой была организация любительских театров в деревне. В 1928 г. институт начинает постоянно показывать белорусские спектакли в Вильнюсе [5, с. 64]. Систематический показ спектаклей мог привести к созданию профессионального белорусского театра, однако этого не произошло из-за постоянных репрессий польской власти.

В 1930-е гг. идею организации профессионального театра пыталось провести в жизнь Общество белорусского просвещения [1; 56]. С 1933 г. на протяжении трех лет 4 раза в месяц выходил печатный орган общества – газета «Родной край». Газета ставила задачу «поощрять белорусский народ к подъему своего культурного образования, а также к организации всякого рода культурных начинаний (хоров, концертов, театра)». Практически каждый номер газеты печатал драматические произведения, в том числе переводы с русского и украинского языков. Под руководством А. Михалевича обществом была организована белорусская театральная труппа. Руководители труппы отмечали, что власти довольно лояльно относились к этой организации. Вероятно, это было связано с тем, что само Общество Белорусского просвещения заявляло о необходимости мирного диалога с правительством Ю. Пилсудского по политическим вопросам.

В феврале 1937 г. в Белостоке было зарегистрировано Товарищество работников белорусского театра «Пламя». Целями общества было распространение театрального искусства в белорусских уездах, проведение воспитательных мероприятий. Инициатором создания общества были В. Лукашик и К. Сидорович. Коллектив действовал около двух лет. Польские власти, боясь «подрывной» деятельности общества, сделали все возможное, чтобы найти причины для его закрытия.

Из всего вышесказанного видно, что польские власти всячески пытались пропагандировать свою культуру среди населения Западной Беларуси. Ярким подтверждением тому являются следующие цифры: в 1936 г. в Польше работали 103 театра. Из них польских – 67, русских и украинских – 16, еврейских – 15, литовских и белорусских театров не было вообще.

В свою очередь национально-освободительное движение и постоянное сопротивление народных масс не позволили польским властям искоренить у белорусов чувство национального сознания, тягу к просвещению и культуре. Белорусы продолжали себя считать нацией, становились все более объединенными в этих необычайно трудных условиях. Польская культурная экспансия на «восточных окраинах» не осуществилась в запланированных масштабах, более того, национальный гнет даже оказал мобилизующее воздействие на процесс самосохранения белорусской культуры.

Литература

1. Вабішэвіч, А. М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921-1939) / А. М. Вабішэвіч. — Брэст : БрДУ, 2004. — 115 с.
2. Вабішэвіч, А. М. Гісторыя культуры Заходняй Беларусі: вучэб. метад. дапаможнік / А. М. Вабішэвіч. — Брэст : БрДУ, 1997. — 33 с.
3. Зинькевич В. «Несвядомая» история Белой Руси. М.: Книжный мир, 2017. — 426 с.
4. Тэатральная Беларусь: Энцыклапедыя: У 2 т. — Мінск : БелЭн, 2003. — Т. 2. — 568 с.
5. Царук, Н. А. Тэатральная дзейнасць у Заходняй Беларусі / Н. А. Царук // Беларускі гістарычны часопіс. — 2002. — № 5. — С. 60-67.

В работе рассматривается деятельность различных театральных коллективов на территории Западной Белоруссии в 1920-1930-х гг. Также освещается проблема полонизации театрального искусства и невозможности создания белорусского национального театра в связи с политикой полонизации населения «Восточных Краин».

УДК 94 (430)

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ В XX ВЕКЕ

И. Д. ПОПОВ

*Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Россия*

Региональный расклад в истории Германии традиционно являлся очень влиятельным фактором её политического развития. Многовековое существование в виде раздробленных государственных образований исторически сказывалось и на региональных различиях, и на значении отдельных земель даже в условиях объединённой страны. Осмысление значительного влияния германских регионов на общенациональную политику происходит и на постсоветском пространстве [1]. Огромный вклад в разработку истории отношений центральных и земельных властей Германии внесли белорусские учёные.

Наиболее исследованный сюжет белорусской историографии региональной политики Германии XX в. — развитие федерализма в годы Веймарской республики. Крупнейшим специалистом по этому вопросу является минский историк О. Г. Субботин, опубликовавший серию работ по истории веймарского федерализма и отдельных земель в межвоенный период. Итогом его исследований стала докторская диссертация по трансформации федеративных отношений в Веймарской республике [2]. Сами эти отношения учёный характеризует как «бюрократический» и «унитарный» федерализм, пришедший на смену династическому и «гегемоническому» федерализму кайзеровского рейха [2, с. 4]. При этом отношения между центром и регионами, как полагает исследователь, характеризовались высокой степенью политизации, а региональная элита нередко использовала земельные институты для оппозиционной борьбы. Причиной несостоятельности веймарского федерализма историк считает «конструктивные недостатки и неспособность правящих элит страны установить баланс центростремительных и центробежных сил». Поэтому федеративное устройство, по его мнению, не только не стало национальной идеей, но и превратилось в «фактор дестабилизации», «инструмент поощрения партикуляризма»,

источник политического кризиса, что в результате закономерно привело к ликвидации демократических институтов [2, с. 7].

С несколько иной оценкой веймарского федерализма выступает витебский историк В. А. Космач. Он рассматривает «разумный федерализм» Веймарской республики как компромисс между унитаристами и федералистами, отвечавший на вызовы сепаратистских движений [3, с. 57]. Наиболее активно сепаратистские настроения, по мнению автора, проявлялись в Баварии, на левом и правом берегах Рейна, а также в ряде региональных отделений партии Центра и Баварской народной партии [3, с. 33-35]. Обращает внимание В. А. Космач и на становление Баварской советской республики, подчёркивая, что причинами её краха стали авантюризм анархистов и расстрелы заложников, отвратившие население от левых политиков, в результате чего Бавария превратилась в оплот правых сил (в том числе нацистов) [2, с. 46-47].

Также сильной стороной белорусской историографии региональной политики Веймарской республики является достаточно глубокое исследование отдельных регионов, которому не уделяли должного внимания как советские историки, так и исследователи постсоветских республик. По мнению О. Г. Субботина, наиболее проблемными отношения у центральных властей были с Пруссией и Баварией. Гегемоническое положение Пруссии создавало трудности в управлении всей республикой и препятствовало модернизации её политической и административно-территориальной системы [2, с. 5, 22-23]. Бавария же, в свою очередь, проводя «партикуляристский курс государственно-абсолютистского бюрократизма» антиреспубликанского и антицентралистского характера, поставила страну на грань гражданской войны и лишь после 1924 г. отказалась от политической обструкции и перешла к политике парламентской защиты Веймарской конституции в части прав земель [2, с. 5, 23].

Отдельно О. Г. Субботин останавливается на рейнском сепаратистском движении, к которому последний раз обращались ещё советские историки. Он прослеживает его эволюцию от защиты легальной государственной автономии до окончательного перехода инициативы радикалам в 1923-1924 гг., после чего движение пошло на спад. Причинами этого спада историк считает отсутствие массовой социальной базы, экономическую стабилизацию, вывод французских войск, прекращение поддержки со стороны Франции, противодействие сепаратизму со стороны Великобритании, отказ партии Центра от нелегальных методов борьбы и формирование широкой правительственной коалиции правых сил [2, с. 5-6, 23-24]. Возникавшие конфликты центра и регионов после Ноябрьской революции О. Г. Субботин объясняет традициями исторического генезиса, а также послевоенной и постреволюционной динамикой политических и социально-экономических процессов [2, с. 6].

Также исследователь говорит и о феномене «партийного федерализма» – расхождении политических взглядов внутри партий в центре и на местах. Подобное же положение, по его мнению, наблюдалось также в кругах высшей бюрократии и научной среды. В этой связи по инициативе регионов предпринимались попытки усовершенствовать федерализм, однако экономический кризис и непреодолимые разногласия не позволили реализовать эту идею [2, с. 6]. К тому же в кризисных условиях, как полагает О. Г. Субботин, центральное руководство старалось придерживаться силовых методов решения административ-

но-территориальных проблем. Наиболее ярким в этом плане событием стала рейхсэксекучия в Пруссии 1932 г., которая не просто преодолела «пруско-германский дуализм», но и положила начало полной дискредитации и ликвидации федерализма. Тем самым ещё до прихода к власти НСДАП, как полагает историк, определяющей стала «формально выраженная воля центра», которая «лишала субъекты государственного «иммунитета» [2, с. 7].

Обращение к опыту развития Пруссии предпринимает и брестский историк М. В. Стрелец. В частности, он останавливается на фигуре её первого премьер-министра после Ноябрьской революции Пауля Хирша. Исследователь подчёркивает, что правительство П. Хирша дистанцировалось от проведения подлинно социалистических мероприятий (в частности, политики социализации в высокоиндустриальных центрах) и сосредоточилось, в первую очередь, на формировании политической демократии [4, с. 30-31]. Главными вызовами для правительства П. Хирша, по мнению М. В. Стрельца, являлись последствия Версальского договора, перспективы расчленения Пруссии, сепаратизм на окраинах этой земли и борьба с монархическим наследием [4, с. 34-35]. Историк утверждает, что именно П. Хирш заложил основы устойчивого демократического развития Пруссии, продолженного его преемником Отто Брауном [4, с. 36].

Куда более фрагментарно изучена германская региональная политика после Второй мировой войны. Имеющиеся исследования, как правило, концентрируются на этапе союзнической оккупации. В 2017 г. обобщающий труд по данному периоду развития издал В. А. Космач. В работе автор обращается в том числе и к положению в отдельных регионах послевоенной Германии. В частности, раскол Германии он связывает не только с деятельностью союзников, но и с естественным культурно-историческим размежеванием регионов. Так, *Северная и Восточная Германия, по мнению историка, отличались мощным рабочим движением и в силу «пруского психологического комплекса» здесь преобладала лютеранская политическая культура, склонность к централизации, уважение к государственной и военной службе; в то время как Южная Германия являлась «зоной сепаратистских движений»* [5, с. 82].

Автор прослеживает также влияние событий в отдельных регионах восточной и западных зон оккупации на общегерманское развитие. Так, например, референдум о национализации в Саксонии 1946 г. стал точкой отсчёта огосударствления промышленного и банковского сектора на других землях советской зоны оккупации и, как следствие, — формирования в ней начал командно-административной экономики [5, с. 238]. Выборы в ландтаги земель советской зоны 1946 г., по мнению исследователя, показали недостаточное влияние СЕПГ, что подвигло советские власти взять окончательный курс на построение однопартийного диктата [5, с. 256]. Переломными были и события Берлинского кризиса. В. А. Космач подчёркивает бездарность действий советского руководства, которые, в итоге, спровоцировали рост антисоветских настроений. Помимо валютной реформы, именно «прозападные настроения многих восточных немцев», в том числе вызванные массовой пропагандой западных союзников в Берлине, исследователь считает истинными причинами блокады [5, с. 240, 246-247].

Представляя обзор положения в западных оккупационных зонах, В. А. Космач также отдельно останавливается на региональном развитии французской зоны. Историк утверждает, что в 1945-1946 гг. Франция старалась не допустить политическое единство Германии и потому придерживалась стратегии её глубокой

федерализации и недопустимости центральных немецких органов. Однако учитывая отсталость регионов своей зоны и начало поставок по плану Маршалла, Париж вынужден был скорректировать свою политику в сторону германского единства [5, с. 161, 169]. Исследователь пишет также и о том, что именно во французской зоне конфискации продовольствия и демонтаж предприятий носили масштабный характер и вызывали неприкрытое раздражение местного населения. Ещё более негативное последствие для земель французской зоны оккупации, по мнению исследователя, представляла перестройка экономики в угоду хозяйственным интересам Франции [5, с. 160-161]. Более подробно к развитию французской оккупационной зоны обращается витебская исследовательница Н. В. Величко. Она утверждает, что политика Парижа в отношении Германии преследовала цель её расчленить, именно поэтому Франция противилась свободной межзональной торговле. И только экономическая неэффективность изоляционистского курса и потребность в поставках угля и финансовой помощи, как считает автор, вынудили Париж пересмотреть данную политику [6, с. 42].

Особый вклад белорусские учёные внесли в изучение федеральной земли Бавария. Первое крупное исследование этого региона на постсоветском пространстве предпринял М. В. Стрелец в своей фундаментальной монографии, посвящённой правящей партии этого региона – Христианско-Социальному союзу (ХСС) [7]. По мнению историка, ХСС сыграл значительную роль не только в становлении конституционных основ Баварии, но и всего западногерманского федерализма [7, с. 266-271]. Особое внимание М. В. Стрелец уделяет эпохе Ф. Й. Штрауса, в годы руководства которого возрастает политическая ответственность партии не только за Баварию, но и за федеральную и европейскую политику. При этом принцип «отождествления ХСС с Баварией» по-прежнему определял специфику его подходов к узловым проблемам ФРГ. М. В. Стрелец отмечает также сопричастность партии к общегерманским достижениям во время нахождения в правящих коалициях, в том числе и обеспечении германского единства во время объединения Германии. Заслугой ХСС автор считает и бурную трансформацию Баварии из аграрного региона в передовую индустриальную и постиндустриальную землю с благоприятной социально-экономической и экологической обстановкой [7, с. 379-382]. К концу XX в. партия приобрела чёткий идеологический профиль и, помимо отстаивания конкурентной модели федерализма, отличалась жёсткими подходами к вопросам безопасности, двойного гражданства и иммиграции [7, с. 260-261, 381-382]. М. В. Стрелец отмечает, что если в период Боннской республики Бавария защищала свою самостоятельность и федерализм перед лицом центра, то в конце XX – начале XXI вв. к нему дополнились структуры Евросоюза и вызовы современной глобализации [7, с. 228-229].

При этом М. В. Стрелец категорически отвергает наличие баварского сепаратизма в ХСС. Несмотря на то, что именно Бавария являлась единственной землёй, которая отвергла Основной закон, её руководство было прямо заинтересовано в создании германской федерации, о чём свидетельствует один из лозунгов ХСС в 1949 г. – «Наше «нет» – Бонну, наше «да» – Германии» [7, с. 270-271]. Однако В. А. Космач считает сепаратизм в западногерманских землях вполне заметной угрозой. Так, баварский сепаратизм он обосновывает широким влиянием Баварской партии, которая требовала создания «самостоятельного, жизнеспособного баварского государства». Одновременно, как утверждает В. А. Космач, активизировался рейнский сепаратизм и идеи создания «независимого Рейнского

государства», поддерживаемого Ф. Тиссенем. Однако данный проект оказался нежизнеспособным ввиду дистанцирования от него К. Аденауэра [5, с. 251].

Таким образом, несмотря на фрагментарность исследований региональной политики Германии в XX веке, свойственной для всей постсоветской историографии, белорусскими учёными был заложен основательный фундамент в изучении ряда вопросов. В частности, глубоко были осмыслены проблемы федерализма Веймарской республики и развития регионов в годы союзнической оккупации. Из германских земель наибольший интерес вызывает Бавария и её влияние на федеративные отношения. Обозначенные научные разработки могут стать хорошим заделом для дальнейшего исследования иных аспектов истории региональной политики Германии для установления целостной картины влияния и значения земель во внутренней политике страны.

Литература

1. Попов, И. Д. Региональная политика Западной и Восточной Германии 1945–1990 гг. в постсоветской историографии / И. Д. Попов // Клио. — 2019. — №4. — С. 40-52.
2. Субботин, О. Г. Трансформация веймарской модели федерализма в Германии (ноябрь 1918 - февраль 1934 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / О. Г. Субботин. — Минск, 2015. — 46 с.
3. Космач, В. А. Германия в 1918-1919 гг.: рождение республики : монография / В. А. Космач. — Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. — 169 с.
4. Стрелец, М. В. Германский региональный политик Пауль Хирш на крутых поворотах истории / М. В. Стрелец // Historia provinciae – журнал региональной истории. — 2017. — Т. 1. — № 2. — С. 20-41.
5. Космач, В. А. Германия и германский вопрос в 1945-1949 гг.: страницы истории и оценки историков: монография / В. А. Космач. — Витебск: ВГУ имени В. П. Машерова, 2017. — 338 с.
6. Величко, Н. В. Эволюция французской политики по германскому вопросу в 1945-1949 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2016. — №3. — С. 35-49.
7. Стрелец, М. В. Христианско-социальный союз Баварии (ФРГ): идеология и политика / М. В. Стрелец. — Брест: Издательство БГТУ, 2004. — 410 с.

Анализируется белорусская историография региональной политики Германии в XX в. Рассматривается вклад белорусских учёных в исследование проблем Веймарского федерализма, влияния и значения Пруссии, земельного сепаратизма, регионального развития в годы союзнической оккупации, политического развития Баварии до и после Второй мировой войны.

УДК 122/129:355.41

ПРОБЛЕМА МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

С. В. ПОСТНИКОВ

*Вольский военный институт материального обеспечения,
г. Вольск, Россия*

Фрагментарные попытки понять сущность материального обеспечения армии в отечественной культуре мы видим уже у русских летописцев, в рассуждениях великих князей и первых царей. Однако подлинное понимание сущности и важности военного снабжения начинается с эпохи императора Петра I Великого, которому принадлежат слова: «Пропитание, как людям, так и скоту

наиглавнейшая дела суть. О чем мудрый и осмотнительный генерал, всегда мыслить должен, ежели хочет, чтобы сущее под его командою войско, в том никакого недостатка не имело, и всегда в добром состоянии пребыло.

Начинать надо с тылу, с обозных телег... [13].

Первый российский император прекрасно понимал, что успех в снабжении определяется качеством запасов и усердием снабженцев. В Воинском уставе он определяет: «Чтобы при войске не только один хлеб был, надлежит и иные припасы и питье иметь.., которое есть у маркитентеров, оных, сколько возможно, в привозе и отвозе защищать» (Из Устава воинского) [24].

«... Как в мирное, так и в воинское время бережение иметь, – пишет он, – и всяческими потребностями запасы запасаться, и сколько ко всякому походу всяких пушечных запасов и подъем людей и сколько казны к тому на протори надобедь» [4].

Идеи императора нашли продолжение в размышлениях и практической реализации его последователей и ближайших сподвижников.

Генерал-аншеф В.В. Фермор (1702–1771) в это же время пишет: «Чтоб армию или войска разбить и поплнить: Три магазина на галиотах под прикрытием флота в готовности иметь, дабы по рассмотрению, где обстоятельства востребуют, свежен, выгружен и для пропитания служить мог. Двухмесячным на всю армию особо запасенным хлебом магазинов, весьма необходимо и для всякого случая армии полезно быть видится, когда б знатное количество муки и овса у купцов в запас на сходственных кондициях приторговано, озадатчено и контрактами для надежности таким образом утверждено было, чтоб то число всякой руки хлеба у тех же хозяев, с коими контракты заключены до того времени в готовности содержалось, пока от командующего армию не востребуется» [9].

Чуть позже выдающийся русский полководец М. И. Кутузов (1747–1813) скажет: «... Хотя успех армии велик и наносимый вред неприятелю чрезмерен, но был бы и того больше чрезмерен, ежели бы затруднение в продовольствии войск не препятствовало скорейшему движению армии... (Из письма калужскому и тульскому губернаторам 25 октября 1812 г.)» [2].

Новый этап в осмыслении значимости МТО наступает накануне и в ходе Первой мировой войны. В русской военно-философской традиции в этот период разрабатывается собственная система понимания данной проблемы. Среди военных теоретиков можно выделить идеи:

– Н. П. Михневича (1849–1927): «Армия постоянно нуждается в массе разного вида средств: люди, продовольствие, боевые припасы, лошади и т.п. расходуются постоянно; многое лишнее необходимо удалить из армии, – все это вызывает необходимость постоянного обеспечения сообщения с источником этих средств. Ни одна армия не может существовать без линии подвозов, военных дорог. Прикрыть свои сообщения должно быть одной из главнейших забот полководца при его соображениях операций; прервать сообщения противника – второй его задачей...» [20].

– А. А. Поливанова (1855–1920): «Наша армия может побеждать только тогда, когда она чувствует за собою всю страну, в ее целом, организованную как огромный резервуар, откуда она сможет бесконечно черпать себе снабжение (Из выступления в Государственной Думе в августе 1915 г.)» [23].

– В. И. Гурко (1864–1937): «Пока тыл не будет хорошо и правильно организован, до тех пор нельзя рассчитывать на успех боя» [8].

– К. И. Рыльского (1871–1921): «Обозные войска в русской армии имеют назначение служить кадрами для формирования в военное время военных транспортов, подвозящих к армиям продовольствие и различные запасы» [6].

Очередное переосмысление проблемы произошло после революции 1917 г. В стране начался новый этап не только политической жизни, но и устройства вооруженных сил и их материально-технического обеспечения.

Фундаментальными идеями нужно считать положения, высказанные В. И. Ульяновым (Лениным) (1870–1924). Он пишет: «В широком смысле слова тыл – это вся страна, ее общественно-политический строй, ее экономика, политика правительства, взаимоотношения между классами и нациями страны, господствующая идеология, моральное состояние народа. Только в таком понимании тыл способен создать очень важные предпосылки, потенциальные возможности для успешного ведения боевых действий вооруженными силами, обеспечивая их всем необходимым с целью достижения победы над врагом» [3].

Значимость и сущность МТО им представляется неоднократно. «Для ведения войны по-настоящему необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены. – Пишет В. И. Ленин. – Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены» [19].

Не обошли своим вниманием исследуемую проблему и ближайшие сподвижники создателя нового типа государства.

«Без самой тщательной, основанной на точных математических расчетах организации тыла, – говорит М. В. Фрунзе (1885–1925), – без налаживания правильного питания фронта всем тем, что необходимо для ведения военных операций, без самого точного учета перевозок, обеспечивающих тыловое снабжение, без организации эвакуационного дела немислимо никакое сколько-нибудь правильное разумное ведение больших военных операций [28]. Ему же принадлежат такие заключения: «В области военной экономической организации тыл имеет решающее значение» [27] и «Жизнь и работа фронта в каждый данный момент определяется работой и состоянием тыла» [29].

Другой военачальник времен Гражданской войны в России, К. Е. Ворошилов (1881–1969) в своей речи определил особую значимость МТО: «Основа (тыла) – не мобзапасы, а самая тщательная и внимательная подготовка промышленности, транспорта и всей страны к обороне отечества» [5].

С позиции уже не военачальника, а государственного деятеля его слова перекликаются с мыслями М. И. Калинина (1875–1946): «Хлеб, мясо, овощи для армии... столь же необходимы, как и боеприпасы» [14].

Особым испытаниям Советская армия подверглась в годы Великой Отечественной войны. Основополагающие мысли о сущности и значении МТО выражает в своих работах, речах и выступлениях руководитель страны И. В. Сталин (1878–1953): «(Нужно) твердо помнить, что от полного и своевременного снабжения войск боеприпасами, снаряжением, продовольствием зависит исход боевых операций» [25]. Эту концептуальную мысль продолжали его маршалы.

Г. К. Жуков (1896–1974): «История всех войн подтверждает, что в ней одерживает победу тот, кто сумел создать более крепкий и организованный тыл» [10].

«Материальное обеспечение и подготовка тыла к обеспечению операции – это самый сложный вопрос подготовки операции (Из выступления на военно-научной конференции ГСВГ в ноябре – декабре 1945 г.)» [11].

К. К. Рокоссовский (1896–1968): «Не войска для тыла, а тыл для войск. Тыл должен обеспечить максимальную устойчивость обороны, а не думать о возможном отступлении» [1].

И. Х. Баграмян (1897–1982): «Тыл – это половина победы и даже немножечко больше, чем половина» [1]. «Чтобы правильно руководить тылом, нужно хорошо знать работу всех его служб, особенности хранения материальных средств, правила их эксплуатации и расходования» [16]. «Войсковой тыл составляют тыловые части и подразделения с запасами материальных средств, входящие в состав соединений, частей и подразделений. Обладая высокой подвижностью, он способен быстро перемещаться за войсками и осуществлять материальное, техническое и медицинское обеспечение их в любой обстановке, развертываясь для этого частично или полностью» [22].

Здесь и попытка дать определение исследуемой дефиниции, и ее функции, и структура.

Но, пожалуй, наиболее тщательная проработка понятия «материально-техническое обеспечение» связана в военно-философской мысли с именами руководителей Тыла Вооруженных сил СССР.

А. В. Хрулёв (1892–1962) говорит: «Тыл – это твердый орешек. Не всякому дано его раскусить. Зато каждый считает себя вправе судить и осуждать работу тех, кто над ним трудится. ... У нас много всезнаек, всегда готовых дать совет, как воспитывать трудновоспитуемых детей, как лечить неизлечимые болезни, как строить дома и, наконец, как управлять тылом!...» [1].

Н. А. Антипенко (1901–1988) рассуждает: «Что же такое тыл фронта? Это большой коллектив людей, призванных решать сложные и разнообразные задачи по обеспечению боевой деятельности войск. Вся эта система живет и работает лишь в своем органическом единстве, взаимодействии и взаимопомощи.

Первейшая функция тыла – накормить, напоить, одеть, обуть и обогреть бойца. Заблуждаются те из военных товарищей, которые смотрят на это дело как на второстепенное. Подумаешь, задача! Сварить борщ, кашу – и, правда, это дело повара (между прочим очень важная профессия на фронте!); испечь две-три буханки хлеба – тоже дело не особенно мудреное...» [1].

С. К. Куркоткин (1917–1990) позднее вспоминал: «Формы и методы тылового обеспечения войск не могут быть установлены раз и навсегда. Они меняются в зависимости от обеспечения армии и флота боевой техникой, транспортными средствами, от характера боевых действий и конкретных условий обстановки. ... Дальнейшее развитие и совершенствование Тыла Вооруженных Сил, принципов его организации и работы происходит с учетом богатейшего опыта Великой Отечественной войны, огромных изменений, постоянно происходящих в оснащении армии и флота, в способах и формах ведения боевых действий, тенденций дальнейшего развития военной науки и техники» [18].

И. М. Голушко (1921–2008) пишет: «Особая роль возлагается на органы тыла. (Им) надлежит прежде всего разобраться, какие запасы требуются войскам. Затем изучить возможности их пополнения из местных источников, в том числе после восстановления предприятий или их эвакуации и развертывания в новых районах» [7].

Советский государственный деятель, организатор бесперебойного снабжения армии в годы Великой Отечественной войны И. А. Бенедиктов (1902–1983) говорит: «Победа без хлеба, без продовольствия, без сырья просто невозможна, немыслима. Я не знаю в истории ни одного примера, чтобы она, т. е. победа, была достигнута без поддержки сражавшейся армии сельским населением, без снабжения ее продовольствием и сырьем» [17].

2-я пол. XX – нач. XXI в. – время рождения современной Российской Федерации и ее армии. Обновленная армия, пройдя испытания Великой Отечественной войной, нуждалась в очередном переосмыслении системы МТО. Наиболее типичными определениями анализируемой дефиниции нужно считать идеи:

– Г. Н. Трошева (1947–2008): «Тыл нужен солдату не только на войне, но и в повседневной жизни не накормишь солдата три раза в сутки, не помоешь, не вылечишь – это не солдат. Не смажешь колесо автомобиля – и не поедет машина. Мы вспоминаем о тыле, когда хотим кушать, когда донельзя истрёпана полевая форма. А мы о тыле должны помнить всегда» [26].

– В. И. Исакова (род. 1950 г.): «В настоящее время Тыл как составная часть Вооруженных Сил РФ представляет собой совокупность сил и средств, предназначенных для тылового обеспечения и (по службам тыла) технического обеспечения войск в мирное и военное время» [12]. «Главной заботой и целью Тыла Вооруженных сил всегда был и остается конкретный человек – военнослужащий, которого мы обеспечиваем всем необходимым для решения боевых задач как в индивидуальном порядке, так и в составе воинского формирования» [15].

Литература

1. Антипенко, Н. А. На главном направлении [Текст] / Н. А. Антипенко. – М.: Наука, 1967.
2. Бескровный, Л. Г. Отечественная война 1812 года [Текст] / Л. Г. Бескровный. – М.: Соцэкгиз, 1962.
3. В. И. Ленин и тыл Советских Вооруженных Сил [Текст]. – М., 1970.
4. Воробьев, И. Н. Тактика – искусство боя. Учебник [Текст] / И. Н. Воробьев. Рекомендовано Главным штабом Сухопутных войск в качестве учебника для ввузов и частей Сухопутных войск. – М., 2002.
5. Ворошилов, К. Е. Оборона СССР [Текст] / К. Е. Ворошилов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Военный вестник, 1927.
6. Головин, Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне [Текст] / Н. Н. Головин. – Париж: Т-во объединённых издателей, 1939.
7. Голушко, И. М. Солдаты тыла [Текст] / И. М. Голушко. – М.: Воениздат, 1982.
8. Гурко, В. И. Описание русско-турецкой войны на Балканском полуострове. [Текст] / В. И. Гурко. – СПб., 1906. – Т. 3, Ч. 2
9. Доклад В.В. Фермора об организации снабжения и плане операций армии и флота 28 ноября 1757 г. [Рукопись] // РГВИА. Ф. ВУА. – Д. 1657 «В». – Л. 139.
10. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления [Текст] / Г.К. Жуков. – М.: Олма-Пресс. 2002. – Т. 1, 2.
11. Закревский, А. Н. Тыл Советских Военно-воздушных сил в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А. Н. Закревский // Роль Военно-воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 (По материалам IX воен.-науч. конф. ВВС). – М., 1986.
12. Исаков, В. Тыл Вооруженных Сил России: состояние и перспективы развития [Текст] / В.И. Исаков. Российское военное обозрение. – 2008. – № 8(55), август.
13. История тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII–XX вв.): в 4 кн. / под ред. В.И. Исакова. – СПб.: ВАТТ, 2000. – Кн. 1 [Текст].
14. Калинин, М. И. Все для фронта! Все для победы! Статьи и речи [Текст] / М. И. Калинин. – М., 1942.

15. Карпов, В. В. Беседа В. В. Карпова с начальником Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации – заместителем Министра обороны Российской Федерации генералом армии Исаковым Владимиром Ильичом [Текст] / В. В. Карпов. – М., 2006.
16. Карпов, В. В. Маршал Баграмян. «Мы много пережили в тиши после войны» [Текст] / В.В. Карпов. – М.: Вече, 2014.
17. Куманев, Г. А. Говорят сталинские наркомы [Текст] / Г. А. Куманев. – Смоленск: Русич, 2005.
18. Куркоткин, С. К. Тыловое обеспечение войск [Текст] / С. К. Куркоткин // Военно-исторический журнал. – 1981 – № 12. – С. 60-66.
19. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. / В. И. Ленин. – М.: изд-во полит. лит-ры, 1974. – Т. 35 [Текст].
20. Михневич, Н. П. Основы стратегии. Курс Интендантской академии [Текст] / Н. П. Михневич. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1913.
21. Маяковский, В.В. Рассказ о том, как из-за пуговицы голова пропадает дешевле луковицы. Стихотворение [Текст] / В. В. Маяковский // Красная нива. – 1923. – № 8.
22. Наставление по войсковому тылу (дивизия – полк) [Текст]. – М.: Воениздат, 1964.
23. Палеолог, М. Царская Россия во время мировой войны [Текст] / М. Палеолог. – М.: Международные отношения, 1991.
24. Рыбин, В. А. Русская армия и социальная защита военнослужащих X – начало XX века [Текст] / В. А. Рыбин [и др.]. – М.: Граница, 2016.
25. Сталин, И. О Великой Отечественной войне Советского Союза [Текст] / И. В. Сталин. – М., 1952.
26. Трошев, Г. Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала [Текст] / Г. Н. Трошев. – М.: Вагриус, 2001.
27. Фрунзе, М. В. Единая военная доктрина и Красная Армия [Текст] / М. В. Фрунзе // Красная новь. – 1921. – №1. – С. 94-106.
28. Фрунзе, М. В. Избр. произв. [Текст] / М. В. Фрунзе. – М.: Воениздат, 1950.
29. Шигалин, Г. И. Военная экономика в первую мировую войну [Текст] / Г. И. Шигалин. – М.: Воениздат, 1956.

Проблема материально-технического обеспечения имеет прочные и глубокие традиции в отечественной культуре. Понимание важности этого вида деятельности в вооруженных силах приходит, начиная со времен Киевской Руси. Современное же его осмысление связано с именами выдающихся военных деятелей, военачальников и политиков. В данной статье автор анализирует процесс исторического развития военно-научной мысли о материально-техническом обеспечении с древнейших времен до сегодняшнего дня.

УДК 338.2:347.73

ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ПРИ БАНКРОТСТВЕ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Н. А. ПРИЛУЦКАЯ, О. В. ИПАТОВА, А. Н. ВЕЛИЧКО

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Неотъемлемой частью рыночной экономики является институт несостоятельности и банкротства.

Банкротство – состояние неплатежеспособности, отсутствие возможности у должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязательства по уплате обязательных платежей, установленное судом.

Макроэкономические цели института банкротства связаны с обеспечением экономической безопасности государства: возможность быстро и в высокой степени получить добросовестным кредиторам удовлетворение своих требований в банкротных процедурах является показателем эффективного гражданского оборота, качества институтов и благоприятного инвестиционного климата страны.

Микроэкономические цели банкротства состоят в обеспечении защиты интересов экономических субъектов в разрешении проблемы долга, прежде всего, кредиторов и должника. Характерной чертой банкротства является недостаточность имущества должника и, как правило, превосходящий его объем требований кредиторов. Должник заинтересован в скорейшем выходе из кризиса или завершении функционирования, кредитор – в возврате средств. Поиск баланса интересов сторон заключается в справедливом и пропорциональном распределении конкурсной массы среди добросовестных кредиторов.

Согласно статистике дел о банкротстве, доля предприятий, обеспеченных имуществом, невысока и снизилась в 2018 г. Так, 2017 г. в производстве экономических судов находилось 2 048 дел, из них 496 с имуществом (25 %); в 2018 г. из 2 008 дел о банкротстве 392 с имуществом (20 %) [1]. Это значит, что 80% предприятий вступают в процедуру банкротства уже без имущества. Кредиторы получают хотя бы частичное удовлетворение своих требований, по оценкам специалистов, только в 5 % случаев [2].

Каковы же причины столь низкой эффективности разрешения долга через банкротство?

Внутренней (на уровне предприятия) причиной этого, является, по мнению авторов, с одной стороны, вывод должниками своих активов перед банкротством, а с другой стороны – невысокий результат деятельности управляющих по формированию конкурсной массы. Конкурсная масса формируется следующими путями: поиск имущества должника, взыскание дебиторской задолженности, оспаривание сделок должника.

Последнее – признание сделок должника недействительными – как предмет научных исследований только начинает актуализироваться.

Сделки должника могут быть оспорены как по общим основаниям (в соответствии со ст. 169-184 Гражданского Кодекса Республики Беларусь), так и по специальным (в соответствии со ст. 109 «Недействительность сделок должника», ст. 110 «Признание недействительным договора дарения и недействительность сделок, которые противоречат интересам государства», ст. 114 «Признание договора о залоге недействительным» Закона о банкротстве) [3]. Общими основаниями являются мнимость сделки, притворность сделки и несоответствие законодательству. Специальными основаниями являются: сделки, при которых происходит удовлетворение требований одних кредиторов в ущерб другим (сделки с предпочтением); сделки, совершенные в отсутствии равнозначного встречного исполнения (подозрительные); сделки, которые приводят к причинению вреда кредиторам. Таким образом, особая правовая регламентация банкротства допускает ситуацию, при которой сделки, признаваемые действительными по общим основаниям, могут быть признаны недействительными по Закону о банкротстве.

Последствием признания судом оспариваемой сделки недействительной является двусторонняя реституция. Это значит, что у каждой из сторон появляется обязательство по возврату всего полученного по сделке в натуральном вы-

ражении или (при невозможности возврата в натуральном выражении) по возмещению его стоимости.

Рассмотрим основные экономико-правовые характеристики недействительных по специальным основаниям сделок.

1. Субъектами сделок являются как юридические лица, так и физические – участники обществ, индивидуальные предприниматели, аффилированные лица.

2. Особыми (по сравнению с общегражданским законодательством) пороками сделок являются:

– предпочтительность – сделки повлекли предпочтительное удовлетворение имущественных требований одних кредиторов перед другими кредиторами, возникших до совершения этих сделок (ст. 109). То есть, установленный законодательством порядок расчетов между контрагентами нарушен;

– неравноценность встречных обязательств. Главный признак таких сделок – занижение (завышение) рыночной стоимости полученного встречного исполнения, определенной с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения (ст. 110);

– причинение вреда кредиторам. Вывод о наличии вреда делается судом на основании анализа результатов сделки – произошло уменьшение имущества должника или увеличение имущественных требований, что привело к полной или частичной утрате кредиторами возможности получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества. При этом само содержание сделки должно указывать на наличие умысла должника ограничить возможность удовлетворения требований кредиторов

3. Временные основания – законодательно установленный период заключения сделок до момента возбуждения дела о банкротстве, в течение которого анализируемая сделка имеет потенциал признания ее недействительной.

В зависимости от длительности периода совершения сделок (шесть месяцев, один или три года до начала производства по делу о банкротстве или после его возбуждения) разграничиваются три вида оспоримых сделок, которые признаются недействительными судом при наличии определенных в ст. 109 «Недействительность сделок должника» условий:

6 месяцев – для сделок с предпочтительностью;

1 год – если этими сделками должник умышленно нанес вред интересам кредиторов, а другие стороны сделок знали или должны были знать об этом. Также, ч. 4 ст. 109 Закона о банкротстве, презюмируется умысел должника, если сделка была совершена после того, как должник узнал или по обстоятельствам дела должен был узнать о намерении кредитора подать заявление кредитора;

3 года – если причиной неплатежеспособности должника является совершение его должностными лицами уголовно наказуемого деяния, по которому имеется вступивший в силу приговор суда. При этом другие стороны сделок знали об этом или если должник путем совершения таких сделок умышленно нанес вред интересам кредиторов, а другие стороны сделок были заинтересованными в отношении должника лицами, знающими об умышленном нанесении вреда интересам кредиторов должником.

Для статьи 110 «Признание недействительным договора дарения и недействительность сделок, которые противоречат интересам государства» в зависимости от длительности периода совершения сделок (6 месяцев, 1 год или 3 года до начала производства по делу о банкротстве или после его возбуждения) раз-

граничиваются три вида оспоримых сделок, которые признаются недействительными судом при наличии определенных Законом о банкротстве условий:

– 6 месяцев – при наличии прямой или косвенной связи между совершением сделки и наступлением неплатежеспособности должника или ее увеличением. Эта ситуация подлежит доказыванию при помощи инструментов экономического анализа;

– 1 год – контрагент по сделке являлся заинтересованным в отношении должника лицом;

– 3 года до начала производства по делу о банкротстве: на контрагенте и (или) должнике лежит бремя доказывания того, что у должника после совершения сделки оставалось имущество, которое соответствовало размерам его долгов и на которое можно было бы обратить взыскание.

4. Основания для оспаривания сделки делятся на:

– требующие доказательств;

– не требующие доказательств.

Речь идёт в первом случае об оспоримых, а во втором – о ничтожных сделках. Ничтожные сделки нарушают либо прямой запрет законодателя, либо императивное требование. Так, если при заключении крупных сделок и сделок, в которых имеется заинтересованность управляющего или аффилированных лиц, не соблюдаются требования законодательства, то имеются основания для установления факта ничтожности сделок.

5. Полномочия на подачу иска о признании сделки недействительной в соответствии со статьями 109 и 110 Закона о банкротстве есть только у антикризисного управляющего, а в соответствии со статьей 77 это является его обязанностью.

6. Последствия признания сделок недействительными – стороны возвращают друг другу все, полученное по сделке.

7. Профессионализм и экономическая компетентность антикризисного управляющего являются необходимыми предпосылками признания сделок должника недействительными. Это обусловлено тем, что большая часть доказательной базы строится на результатах финансового анализа и анализа сделок. Именно финансовый анализ содержит информацию о том, насколько были исполнены обязательства должника в момент их получения, куда должник расходовал денежные средства, насколько должник принимал меры к реальному исполнению обязательств, каков размер вреда, причинённого кредиторам.

Одной из актуальных и не имеющих однозначного решения проблем для стабильности гражданского оборота в связи с возможной неправомерной деятельностью должника по выводу активов в преддверии банкротства является защита его добросовестных контрагентов, для которых, в результате признания судом сделок с должником недействительными, наступают соответствующие последствия.

Противоречие между интересами добросовестных кредиторов, желающих оспорить все сомнительные сделки должника, и интересами контрагентов должника (если им удастся доказать свою добросовестную неосведомленность относительно финансового состояния должника на момент заключения сделки) по оспариваемой сделке будет разрешаться, на наш взгляд, по мере развития правоприменительной практики.

Этому способствуют следующие тенденции:

1. Растущая активность и профессионализм кредиторов и лиц, представляющих их интересы;
2. Рост профессионализма антикризисных управляющих, обмен эффективными практиками;
3. Открытость реестров и обязательность для опубликования некоторых видов информации о платежеспособности субъектов хозяйствования;
4. Нарабатывание опыта и рост профессионализма работников судебной и правоохранительной системы;
5. Развитие международного законодательства в направлении раскрытия информации о конечных бенефициарах по сделкам.

Все это делает в обозримом будущем функционирование экономической системы более прозрачной, а осуществление противоправной деятельности недобросовестными субъектами хозяйствования все более затруднительной. Это повысит качество института банкротства и будет способствовать улучшению инвестиционного климата Республики Беларусь.

Литература

1. Бюллетень по делам об экономической несостоятельности банкротстве в 2017-2018 годах [Электронный ресурс] / Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://economy.gov.by/ru/statistica-ru>. – Дата доступа: 29.04.2019.
2. Советы кредитору по взысканию задолженности в процедуре банкротства [Электронный ресурс] / Ликвидация и банкротство предприятий в Беларуси. – Режим доступа: <http://pinchuk.by/sovety-kreditoru-po-vzyskaniyu-zadolzhennosti-v-protsedure-bankrotstva>. – Дата доступа: 29.04.2019.
3. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 13.07.2012, № 415-3 / Нац. Правовой Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа: www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11200415. – Дата доступа: 28.04.2019.

Данная работа направлена на исследование основных экономико-правовых характеристик недействительных сделок при банкротстве. Определены основные проблемы института оспаривания сделок в банкротстве, заключающиеся, с одной стороны, в необходимости максимизации конкурсной массы, а с другой – в защите интересов добросовестных контрагентов должника. Отмечено особое значение профессионализма и добросовестности антикризисного управляющего. Сделан оптимистический прогноз развития правоприменительной практики в сфере признания сделок недействительными в процедурах банкротства.

УДК 378.147

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ МАТЕМАТИКЕ В РАМКАХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

З. Н. ПРИМИЧЕВА

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Беларусь*

В условиях социально-экономических изменений общества, активного внедрения новых информационных технологий, постоянной конкуренции на рынке труда потребность в высококвалифицированных специалистах постоянно растет. Успешная реализация целей и задач образовательного процесса зави-

сит не только от содержания образования, методов, приемов и форм обучения, применяемых педагогом, но и от умелой организации им всего образовательного процесса, применения современных педагогических технологий, основной из которых является технология дифференцированного обучения (далее — ТДО).

Дифференциация обучения представляет собой дидактический принцип, заключающийся в создании комплекса дидактических условий, учитывающих особенности обучающихся (их интересы, творческие способности, обученность, обучаемость, работоспособность), в соответствии с которыми отбираются и дифференцируются цели и содержание образования, формы и методы обучения. Дифференцированным обучением является форма организации учебного процесса, при которой педагог работает с такой группой обучающихся, которая составлена с учетом наличия у них каких-либо общих значимых качеств. ТДО представляет собой совокупность организационных средств и методов дифференцированного обучения и основывается на личностно-ориентированном и индивидуальном подходах в обучении.

В настоящее время в системе высшего образования, в частности, при получении высшего математического образования, приоритетной является лекционно-семинарская система обучения. При чтении лекции преподаватель излагает новый учебный материал и организывает работу обучающихся с целью осознанного восприятия ими получаемой информации. При этом лекционное изложение нового материала не позволяет вовлечь всю студенческую аудиторию в активный процесс постановки проблем, выдвижения гипотез и поиска путей проверки их истинности. Практические занятия по математике также недостаточно эффективны в силу немотивированности студентов, низкой активности на лекциях, отсутствия у многих из них умений к самостоятельной работе. Поэтому возникает в преподавании необходимость сочетать в равномерной степени традиционную и современную интерактивную модели обучения. Современная интерактивная образовательная модель основывается на внедрении в процесс обучения таких инновационных методов, как метод проблемного изложения, презентация, мини исследования и др., позволяет изменить роль преподавателя и сделать его руководителем самостоятельной творческой работы студента, предполагает развитие личностного потенциала обучающегося. Среди новых нетрадиционных форм занятий различают, например, кооперативное обучение (метод проектов), под которым понимают совместную учебно-познавательную, творческую деятельность обучающихся, организованную на основе компьютерной коммуникации и имеющей общие цели и методы. При использовании сетевого обучения могут применяться и другие формы: сетевые олимпиады, тематические конференции и образовательные проекты.

При осуществлении математической подготовки студентов наблюдается неоднородность их состава, которая проявляется в уровне овладения студентами-первокурсниками предметными знаниями и умениями. Как правило, студентов-первокурсников можно систематизировать по четырем группам: первая группа состоит из студентов, умеющих применять отдельные элементы знаний и некоторые способы действий в типовой ситуации с низким уровнем сформированности мыслительных операций; вторая группа — студенты, обладающие основными способами действий и методами, изучаемыми в школьном курсе математики, и умеющие их применять в известной ситуации; третья группа состоит из студентов, которые способны осуществлять перенос известных им методов в

новые условия, но в наиболее простых случаях; четвертая группа – студенты, способные к самостоятельной работе по приобретению новых знаний и способов действий.

Теоретическую основу ТДО студентов математике составляют принципы сотрудничества и совместной деятельности, приоритета самостоятельной работы и постоянной обратной связи.

Главной задачей дифференцированного обучения является определение наиболее эффективного и целесообразного для каждого обучающегося (группы обучающихся) вида учебной деятельности, формы работы на занятии и типа заданий на дом, исходя из их индивидуальных особенностей.

Используя ТДО, важно сочетать следующие этапы: изучение обучающихся с помощью методов наблюдения, анализа выполненных работ, анкетирования индивидуальных особенностей обучающихся; учет этих особенностей при выборе соответствующих методов обучения и на занятии; разработка и применение в учебном процессе разноуровневого дидактического материала, в основном при проведении контроля знаний и умений студентов; этап проверки и оценки знаний. Для повышения заинтересованности при изучении дисциплины студентам можно выдавать индивидуальные задания для написания рефератов и выступлений на занятиях.

При подготовке и организации дифференцированного обучения важным этапом является разработка комплекса дифференцированных заданий с учетом индивидуальных различий внутри каждой из четырех групп студентов. На лекции преподаватель дает не только основные теоретические положения по изучаемой теме, но и указывает основные и дополнительные литературные источники, выдает задания теоретического характера для самостоятельной работы. В ходе проведения практического занятия преподаватель выдает студентам задания для самостоятельной работы, как для всей группы, так и индивидуальные. При проведении самостоятельных и контрольных работ преподаватель может, дифференцируя задания, оказывать различную степень помощи: указывать тип задачи, дополнять задание чертежом, указывать алгоритм решения, предлагать решить вспомогательное задание, наводящее на основное, указывать ответ, разбивать сложную задачу на ряд более простых, предупреждать о типичных ошибках.

Применение ТДО представляет собой сложную и требующую определенного опыта работы форму организации учебного процесса. Поэтому преподавателю нужно начинать с работы с самыми слабыми студентами и ограничиться учетом нескольких факторов, постепенно увеличивая количество факторов и охват группы.

Таким образом, внедрение дифференцированного обучения в рамках информатизации образования приводит к выработке у студентов внутренней мотивации, умения работать самостоятельно, предоставляет возможность активно участвовать в учебном процессе, способствует изменению как сознания студента, так и преподавателя, который создает такой учебный процесс, в котором студент учится менять и улучшать условия самой жизни.

В условиях информатизации общества потребность в высококвалифицированных специалистах постоянно растет. В настоящее время преподавание должно сочетать в равной степени традиционную и интерактивную модели обучения. Одной из современных педагогических технологий является технология дифференцированного обучения, которая позволяет наиболее эффективно и целесообразно организовывать учебный процесс, учитывая индивидуальные особенности обучающихся.

ИНСТИТУТ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. А. ПТИЧКИНА

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

С момента вступления в законную силу Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), т. е. с 1 сентября 1999 года, у граждан, вступающих в брак, появилась возможность заключать брачный договор [1, 6]. Поэтому, на сегодняшний день, институт брачного договора не является принципиально новым для белорусского права. Тем не менее довольно большая часть граждан имеет о брачном договоре неполное представление, не достаточно информирована о том, какие вопросы можно урегулировать с помощью такого договора, чтобы избежать в дальнейшем разрешения семейных споров в судебном порядке. Потому, несмотря на научные публикации и информацию в СМИ, носящую скорее научно-популярный характер, представляется целесообразным обратиться к этой теме, как ярко отражающей те трансформационные процессы, которые происходят в обществе, в частности с таким институтом, как брак, и как на это реагирует законодательство.

Введению в белорусское право новеллы о брачном договоре предшествовала долгая полемика: будет ли он востребован? Один из аргументов противников введения этой нормы следующий: пострадает морально-нравственная сторона отношений: брачный договор - стимуляция разводов. Заключая его, супруги невольно демонстрируют определённое недоверие к прочности отношений, бескорыстия чувств, потенциально настроены на развод. Другой аргумент против: брачный договор, в основном, направлен на урегулирование имущественных отношений между супругами, а среднестатистическая семья не владеет дорогостоящими видами имущества «самолетами, пароходами», т. е. супругам, условно говоря, нечего делить. Однако мировая практика доказывает, что количество заключенных договоров отнюдь не прямо пропорционально количеству разводов. Что касается раздела имущества при расторжении брака, то с такими исками связано достаточно большое количество дел о расторжении брака в Республике Беларусь. Соответственно, гражданам есть что делить, независимо от разницы в уровне благосостояния семей (земельные участки, квартиры, дачи, автомобили, бизнес). При расторжении брака в судебном порядке впервые взыскивается госпошлина в размере 4 базовых величин, а при разделе имущества – отдельно еще 5% от суммы иска [4]. Правда, при расторжении брака через органы ЗАГС госпошлина также составляет 4 базовые величины. А если говорить о нотариальном удостоверении брачного договора, то нотариальный тариф за консультацию по этому поводу составляет 1 базовую величину (25.5руб.), подготовку проекта договора – 2 базовых величины, а удостоверение – 6 базовых величин независимо от стоимости имущества, юридическую судьбу которого определяют супруги данным соглашением [5]. Брачный договор заключается в трёх экземплярах (один остаётся у нотариуса, и каждый из супругов получает свой экземпляр). Помочь составить договор может как адвокат, так и непосред-

ственно нотариус, который будет его удостоверить. Строго утвержденного текста договора не существует, примерный текст может предложить нотариус, однако содержание договора зависит исключительно от воли супругов. Требование одно: пункты договора не должны нарушать законы Республики Беларусь, т. е. ущемлять конституционные права и свободы граждан, ухудшать, по сравнению с действующими нормами, положение детей (например, уменьшать размер алиментов по сравнению с установленным КоБС), менять статус имущества, принадлежавшего супругам на праве собственности до брака.

Что касается содержания брачного договора, то с момента включения данного института в КоБС, предусматривалось, что предметом договора являются не только вопросы, связанные со статусом совместного имущества супругов, имущества, принадлежащего каждому из супругов, не только вопросы материальных обязательств супругов при расторжении брака и порядке раздела имущества в этом случае, но и вопросы, связанные с формами и методами воспитания детей, а также касающиеся воспитания и содержания детей в случае расторжения брака и ситуации, связанной с отдельным проживанием ребенка с одним из родителей.

Однако белорусские граждане чаще всего в брачном договоре предусматривают особый, договорной режим имущества, а не вопросы, связанные с воспитанием детей или местом их проживания. Скорее как о курьёзных ситуациях нотариусы говорят о редко встречающихся в брачных договорах положениях об изменении материальных обязательств супругов друг перед другом в случае супружеской измены [7]. Такие пункты вполне могут быть включены в текст договора, но стороны должны подумать о том, каким образом они будут доказывать данный факт. Также возможно включение в брачный договор пунктов о распределении домашних обязанностей (уборка квартиры, чтение детям сказок на ночь и т. п.), но при этом, каков будет механизм доказывания нарушения данных положений? Подобные пункты крайне редко фигурируют в договорах, заключаемых в Республике Беларусь. А вот, что касается права собственности на имущество, принадлежавшее супругам до брака и в результате вложений, сделанных в него после регистрации брака, значительно увеличившего стоимость; вознаграждений авторам и изобретателям; установления процентных отчислений от зарплаты в доход семьи; имущества, приобретенного супругами после регистрации брака; обязанностей по выплате кредита, взятого на нужды семьи или для удовлетворения личных потребностей одного из супругов, то это те положения, которые часто регулируются брачным договором. Учитывая последнее, банки, при решении вопроса о предоставлении кредита, всё чаще требуют информацию о наличии у граждан брачного договора и ознакомления с его текстом.

В Республике Беларусь брачные договоры граждане стали заключать только со второго квартала 2001 года. Статистику о количестве удостоверенных брачных договоров нотариусы до 2009 года не вели, поэтому объективно динамику количества заключенных договоров за почти десять лет представить, к сожалению, нельзя. Но с 2009 года существует такая статистика, согласно которой, каждый год имеется устойчивый рост числа регистрируемых в республике брачных договоров – примерно на 10% в год. Так, за 2018 год белорусские нотариусы удостоверили около 4000 договоров [6, 4]. Как правило, брачные дого-

воры заключают люди старше 40 лет и не при регистрации брака, а после достаточно длительного периода нахождения в браке, либо те граждане, которые вступают в повторный брак. Нотариусы предлагают консультировать лиц, подающих заявление о регистрации брака, о возможности заключения такого договора. А психологи утверждают, что при обсуждении содержания брачного договора вступающие в брак лица, возможно, лучше узнали бы друг друга, что, в какой-то мере привело бы в дальнейшем к сокращению разводов.

За прошедшее с 1999 года время правовое регулирование данного правоотношения претерпело ряд изменений. Так, изначально, в КоБС была только одна 13 статья, устанавливающая, что брачный договор заключается между гражданами, зарегистрировавшими брак, для повышения культуры брачных отношений и укрепления брака и семьи и подлежит обязательному нотариальному удостоверению. В 2006 году в нее были внесены изменения, позволяющие регистрировать брачный договор, заключаемый между «лицами, вступающими в брак», т. е. фактически в браке не состоящими, а также между несовершеннолетними [2, 22]. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 07.01.2012 года в КоБС была введена ст. 13-1 «Форма и порядок заключения Брачного договора», предусматривающая обязательную государственную регистрацию брачного договора, если в нем идет речь о недвижимости, а также регулирующая вопросы вступления в законную силу брачного договора, заключенного между людьми, в браке не состоящими, а также несовершеннолетними, вступающими в брак [3, 8]. В случае заключения брачного договора между гражданами, в браке не состоящими, т. е. «лицами, вступающими в брак», договор приобретает юридическую силу, только с момента регистрации брака между этими людьми.

Надо отдать должное справедливости, с функцией укрепления семьи новелла о брачном договоре не справилась. Большинство брачных договоров в нашей стране заключают те пары, которые достаточно определенно решили расторгнуть брак. Тогда, учитывая разницу в размере госпошлины, взыскиваемой при разделе имущества по соответствующим искам в судах, и той суммой, которую необходимо заплатить при заключении брачного договора, выбирают последнее. Так что говорить о повышении культуры брачных отношений, как цели брачного договора, пожалуй, уместно, а вот положение об укреплении семьи было в 2012 году из теста статьи 13 КоБС упразднено [3, 8]. Надо отметить также, что на сегодняшний день отсутствует легальное определение понятия «брачный договор» и статуса «лиц, вступающих в брак». Законом не предусматривается в этом случае предъявление нотариусу каких-либо документов, подтверждающих намерение граждан зарегистрировать в дальнейшем брак. Однако эта ситуация не нарушает никаких действующих норм. Кроме того, ст.13 в 2012 году была дополнена положениями, уточняющими момент, с которого брачный договор считается прекратившим действие. В настоящем редакция ст.13 КоБС предусматривает возможность действия брачного договора и после прекращения брака до момента исполнения бывшими супругами обязанностей, предусмотренных брачным договором.

На основании изложенного можно утверждать, что за последние двадцать лет понимание гражданами нашей страны сущности и назначения такого института, как брачный договор, существенно изменилось. Это, безусловно, является свидетельством повышения уровня правовой информированности гражд-

дан, повышения их правовой культуры и ответственности супругов друг перед другом, что и называется основной целью заключения брачного договора в ст.13 КоБС. При этом, нельзя не согласиться с тем, что доведение различными способами до широкого круга граждан правового содержания брачного договора и правовых последствий его заключения, возможно, упразднит устойчивый стереотип о том, что брачный договор ведет к разводу, сформирует понимание того, что брачный договор направлен на уменьшение количества разводов и укрепление брака, т. к. убирает из отношений супругов споры по поводу имущественной составляющей.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье. – Минск: Регистр, 1999. – 88 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: с изм. и доп. по состоянию на 2 окт. 2006 г. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2006. – 144 с.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 123 с.
4. Приложение №14 к Налоговому кодексу Республики Беларусь. [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 25.05.2019.
5. Постановление Совета Министров Республики Беларусь №1145 от 27.12.2013 г. [Электронный ресурс] / Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 25.05.2019.
6. Сидорок, И. Что белорусы прописывают в брачных договорах / И. Сидорок // Звезда. – 2018. – № 98. – с. 4.
7. Амбражук, Л. Почему договор браку не помеха [Электронный ресурс] / Сетевое издание sb.by. – Минск, 2019. – Режим доступа : <https://www.sb.by/>. - Дата доступа: 25.05.2019.

Автор анализирует динамику заключения брачных договоров за период введения данного института в законодательство Республики Беларусь по настоящее время и на этом основании делает выводы об актуальности и востребованности обществом данного правового инструмента, как способствующего повышению уровня правовой культуры граждан.

УДК 172.3

РЕЛИГИОЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ХОЛОКОСТА

Е. С. РОЗЕНБЛАТ

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Еврейско-христианские отношения после Холокоста

Процессы трансформации в постиндустриальном обществе затронули и философию религии и идеологию общества. Вторая мировая война стала переломным пунктом на пути изменения идеологии человечества и его теологических установок. Нацизм и Катастрофа (Холокост) изменили еврейско-христианские отношения. Как пишет израильский раввин П. Полонский, «Катастрофа европейского еврейства стала шоком для еврейских народов и вызвала кризис их сознания не только по причине невероятной масштабности, но из-за садистской систематичности, «немецкой пунктуальности» в ее осуществлении,

и особенно из-за того, что это страшное преступление было осуществлено одним из самых культурных и христианских европейских народов» [3, с. 147]. Осознание Катастрофы как попытки физического уничтожения евреев Европы привело к осознанию «продолжающейся избранности еврейского населения» и вины церкви за антисемитизм [3, с. 147].

Еще одним важнейшим фактором, который повлиял на пересмотр еврейско-христианских отношений, стало создание государства Израиль. Факт воссоздания еврейского государства вступил в противоречие с концепцией Августина, согласно которой евреи потеряли свое государство «за грех непризнания Христа» и не смогут вновь обрести его, пока не исправят этот «грех». Возвращение евреев и воссоздание государства заставило христианских теологов задуматься о том, что Бог хочет этим сказать [3, с. 148].

Теологические изменения в западной христианской культуре получили название «теология после Освенцима». Эта концепция пытается показать, что мировая история – это раскрытие Бога человеку, это «весть», которую Бог самым ходом истории хочет передать христианам [3, с. 148]. Перестройка западного христианства (католицизма) проявилась в решениях Второго Ватиканского собора (1963–1965). Собор провозгласил Соборную декларацию «*Nostra Aetate*» (Декларация об отношении к нехристианским религиям). В ней было признано следующее:

1. «Теология презрения» Августина Блаженного (354–430) заключалась в следующем: евреи были в древности избранным народом, пока не пришел Иисус. Отвергнув Иисуса, евреи потеряли избранность и были изгнаны Богом из страны (духовное изгнание). Собор признал, что «теология презрения» исторически стала фундаментом христианского антисемитизма и прологом Катастрофы, почвой для проявления нацизма, и поэтому она должна быть отменена и осуждена.

2. Отменялись все антисемитские положения Христианства, в том числе вина за распятие Иисуса.

3. Из молитвенной литературы были убраны антиеврейские слова и фразы [3, с. 149]. Однако коренные изменения в «еврейском вопросе» произошли при папе Иоанне Павле II. Иоанн Павел II отказался от прозелитизма в отношении евреев, провозгласив иудаизм «живой религией, Ветхий Завет – действенным Заветом с Богом». По мнению Папы, евреям не надо креститься, чтобы получить спасение, так как они его получают в рамках Ветхого Завета. С 2000 г. католицизм прекратил миссионерскую деятельность по отношению к евреям. Эта политика была продолжена и развита Бенедиктом XVI. Таким образом, католическая церковь перешла от «теологии замещения» к «теологии дополнения». Как отметил бельгийский теолог Дидье Поллефе в статье «Иудейско-Христианские отношения после Освенцима с католической точки зрения», «Освенцим означает крах христологического триумфализма спасения» [3, с. 156].

Отношение еврейской теологии к Холокосту

Основной работой, которая может считаться классической по данной теме, является книга Рубинштейна «После Освенцима: радикальная теология и современный иудаизм». По мнению Р. Рубинштейна, после Освенцима вера в бога-искупителя как субъекта истории была поставлена под сомнение, так как пришлось бы допустить появление Гитлера как часть божественного замысла, а

Холокост – признать как наказание евреев за грехи [1, с. 365]. Книга Р. Рубинштейна (1966) стала первой работой, в которой Холокост и создание государства Израиль стали рассматриваться как глубинные потрясения, которые потребовали полного пересмотра традиционных представлений и переориентации еврейской и христианской религиозной жизни. Работа Р. Рубинштейна важна вопросами, которые он ставит и перед евреями, и перед христианами. Так, он пишет: «Можем ли мы обвинять христиан за то, что они смотрят на нас сквозь призму мифологии истории, коль скоро мы сами так долго за нее держались?»

Храня верность идее избранности Израиля, мы неизбежно будем подставлять себя под огонь идеологии..., поскольку евреи – избранный народ, Богу было угодно, чтобы Гитлер их покарал. Выход есть. Религиозная исключительность необязательно состоит в том, чтобы быть в центре Божественной драмы вечных мук, искупления и спасения человечества. Все, что необходимо нам для здоровой религиозной жизни, – это признать, что оказавшись в нормальных условиях, мы не больше, но и не меньше, чем все человечество несем на себе боль, радость и предназначение, уготованное всем детям Земли ...» [1, с. 381].

Канадский еврейский теолог немецкого происхождения Эмиль Факенхайм попытался примирить еврейскую религию и историю. Он подчеркнул, что Бог присутствует в истории, но был ли Бог в Освенциме или Трешлинке? Если в лагерях Бога не было, значит ли это необходимость пересмотра основных положений иудаизма? [1, с. 383]. Э. Факенхайм делает следующие выводы:

1. Евреям заповедано выжить, чтобы не допустить исчезновения еврейского народа с лица земли.
2. Следует помнить о Холокосте, чтобы не стерлась память о его жертвах.
3. Чтобы сохранить иудаизм и не разочаровываться в нем, как бы не слабела вера, нельзя отходить от Бога.
4. Если Освенцим может заставить нас отказаться от веры, значит Гитлер одержал новую, посмертную победу [С. 388].

Еврейский философ Элиезер Берковиц (США) главным вопросом считает не «где был Бог?» во время Холокоста, «а что есть человек?». Можно ли после Освенцима верить в добродетельность человека? Э. Берковиц делает парадоксальный вывод, что человек, а не Бог, несет ответственность за Катастрофу [1, с. 389–390]. По мнению Берковица, вина за историю лежит на человечестве, но ответственность за сотворение истории несет Бог [1, с. 390].

Американский раввин и историк Ирвинг Гринберг считает, то в годы Холокоста полностью изменились наши представления о Боге и человечестве. Гринберг выдвинул самый сильный критерий религиозной достоверности: «Ни одно богословское или любое другое утверждение не может считаться истинным, если оно не прозвучит достаточно верно в присутствии сжигаемых детей» [1, с. 397]. Гринберг считает, что в годы Холокоста Завет был нарушен, но евреи могут его восстановить, оставаясь евреями, восстанавливая Божий и человеческий образ. Гринберг предлагает теологическую модель «плана», которая пытается оправдать не Бога, но человека. Вызовом современной культуры И. Гринберг считает то, что «человечество вынуждено жить в страхе перед миром, в котором возможно ничем неограниченное зло ...» [1, с. 405].

Еще одним важнейшим фактором веры после Холокоста является массовое разочарование евреев и христиан в вере и Боге [2, с. 282].

Религиозное осмысление Холокоста обычно рассматривается в двух плоскостях: вера в Бога как духовное противостояние, сопротивление евреям нацизму и современно осмысление постхолокостного представления о Боге и вере.

Еще одной важнейшей темой изучения и осмысления еврейско-христианских взаимоотношений является вопрос спасения евреев в годы войны и отношение Русской Православной Церкви к Холокосту.

Русская Православная Церковь и Холокост

Ведущий российский исследователь этой проблематики М. В. Шкаровский выделяет следующие направления в изучении этой темы: 1) определение сходства и различия позиций по отношению к преследованиям евреев у различных течений православной церкви на оккупированной территории СССР;

2) выявление преобладающих тенденций среди духовенства и мирян Русской Православной Церкви;

3) выявление объективных факторов, влиявших на позицию церкви в этом вопросе;

4) сравнение позиции Русской Православной Церкви и других православных церквей по отношению к Холокосту;

5) установление «Праведников народов мира» среди православного духовенства и мирян;

6) определение причин и форм спасения евреев;

7) выявление статистики данного процесса [4, с. 106].

В отличие от большого количества литературы по теме в отношении католиков, протестантов и униатов, эта тема в Русской Православной Церкви остается полузапретной. Среди публикаций по теме преобладают статьи и книги, посвященные отдельным людям – священникам и мирянам, «Праведникам народов мира» (матери Марии, священнику А. Глаголеву). По мнению М. В. Шкаровского, недостаточно изученными или вообще неизученными являются и частные вопросы - такие, как уровень коллаборационизма среди православного духовенства в разных регионах, причины и степень распространения антисемитизма в церковном клире, степень воздействия антисемитской пропаганды на православное население оккупированных территорий СССР, богословские причины участия духовенства в спасении евреев [4, с. 107].

Занимая антифашистскую позицию, Московская патриархия осуждала преследования евреев, но не могла это сделать официально, публично, из-за проявлений государственного антисемитизма. Церковь осуждала террор и насилие, совершаемое нацистами, однако о евреях молчала.

Русская Православная Церковь в 1941–1944 гг. пыталась противостоять уничтожению евреев, хотя практические действия предпринимались лишь отдельными представителями церкви и верующими мирянами. Наиболее явно отношение православной церкви к Холокосту проявилось на Украине, где действовали две церкви – автокефальная и автономная в составе Московского Патриархата. Автономная церковь безусловно осуждала уничтожение евреев, протестуя (скрыто и открыто) против казней евреев, пряча их и выдавая свидетельства о крещении или поддельные документы. Отношение к Холокосту автокефальной церкви было менее однозначным. В оккупированной Беларуси про-

изошла большая часть случаев спасения евреев православными священниками и мирянами (более 500) В целом проблема отношения православных священнослужителей и мирян к Холокосту рассматривается историками как составная часть истории Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны и представляет собой одно из самых перспективных направлений исследования.

Литература

1. За гранью понимания. Богословы и философы о Холокосте / под ред. Джона К. Рота и М. Беренбаума. – Киев : Дух і літера, 2003.

2. Подольский, А. Е. Катастрофа европейского еврейства религиозный аспект // Катастрофа і опір українського єврейства (1941–1944) : нариси з історії Голокосту і опору в Україні. – Київ, 1999.

3. Полонский П. Еврейский взгляд на христианство. Две тысячи лет вместе. – OROT YERUSHALAIM, 2014.

4. Шкаровский, М. В. Отношение Русской Православной Церкви к Холокосту в годы Второй мировой войны // Память о Холокосте: проблемы мемориализации // Уроки Холокоста и современная Россия : материалы 6-й Междунар. конф. / под ред. И. А. Альтмана. – М. : Центр «Холокост», 2012.

УДК 316.7(476)

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: АВТОНОМИЯ И КОНТРОЛЬ

И.П. САЛТАНОВИЧ

*Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь*

Организация креативной экономики заслуживает подробного изучения, поскольку мы можем узнать из творческих индустрий о способах организации и управления творчеством. В силу своей зависимости от творчества, креативные индустрии в целом обеспечивают уроки для управления новым процессом на предприятиях и в администрациях, показывают прямую или опосредованную связь с традиционной экономической моделью.

Какое значение имеет культура для предпринимательства и имеет ли она его вообще? Часть исследователей утверждает, что предпринимательство «изолирует», исключает культуру, то есть она не имеет значения. При этом предпринимательство – это процесс, в котором бизнесмен всегда выстраивает свою деятельность в той или иной социокультурной среде, работает с целым спектром исключений, отклонений, учитывая культурный контекст. Более того, культура, благоприятствующая бизнесу, скорее всего, приведет к росту таких отклонений. С этой точки зрения культура действительно имеет значение. До сих пор понимание роли, которую культура играет в предпринимательстве, остается ограниченным и фрагментарным, хотя исследователи изучают этот вопрос на протяжении десятилетий. Сложно сводить оба понятия, еще сложнее их измерить. Что касается самой культуры, то ее пространственная и временная изменчивость делает объекты культурных исследований спорными. Соответственно, современные исследователи используют разные показатели для измерения эффективности предпринимательской деятельности, самым весомым для многих выступает уровень инноваций.

Заметим, что число исследований, связывающих культуру с уровнем предпринимательства и инноваций, продолжает расти. Тот факт, что в современной экономической науке культура часто определяется как нечто противоположное предпринимательству, не означает, что культуру невозможно добавить в экономическую науку [1]. Противопоставление позволяет рассматривать культуру как полностью экзогенную для экономической сферы.

Американский социолог Л. Харрисон, автор книги «Culture Matters» («Культура имеет значение») пытается ответить на один из самых интригующих вопросов всемирной истории – почему одни государства процветают, в то время как другие остаются экономически неразвитыми? Он считает, что ответ надо искать в культуре, во влиянии культурных различий и ценностей на экономику и, как следствие, на благоденствие наций [2].

Ряд ученых придерживаются принципа Г. Хофстеда (1980), который определил культуру по четырем ключевым параметрам: дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм, и, наконец, маскулинность по сравнению с женственностью. В 1993 году было добавлено пятое измерение («долгосрочная ориентация»), которое основано на будущей ориентации, бережливости и настойчивости. Хотя Хофстеде внес важный вклад в измерение различных аспектов культуры, некоторые критики указали на слабости его теории в сравнении с результатами, полученными в разных культурах.

В новой книге Джоны Лереп «Proust Was a Neuroscientist» («Пруст был нейробиологом») с высоты знаний XXI века анализируется творчество писателей и художников прошлых лет, есть попытка показать, какое значение для человечества имеют различные способы познания мира и какие плоды могла бы принести их связь. Автор уверен, что именно за конвергенцией науки и искусства будущее и что именно их взаимовлияние породит «четвертую культуру», которая даст нам возможность «свободно перемещать знания между фундаментальными и гуманитарными науками и создавать связи между редукционистскими фактами и нашим настоящим опытом».

«Теперь мы знаем достаточно, чтобы быть уверенными в том, что мы никогда не будем знать все. Именно поэтому нам нужно искусство: оно учит нас, как жить с тайной. Только художник может исследовать невыразимое, не предлагая нам ответ, которого иногда может и вовсе не быть. Джон Китс назвал этот романтический порыв «отрицательной способностью», отметив, что это качество способно сформировать гения»[3].

Некоторые авторы указывают на то, что бизнес-индустрии все больше уподобляются культурным индустриям (Лэш и Урри), другие (Падиоло) предполагают, что культурные индустрии «нормализуются», теряя отличия от других индустрий. Произошел частичный, но весьма ощутимый сдвиг в экономике, основанной на культуре.

Руководители современных предприятий должны выступать в качестве посредников в креативной экономике, объединяя разрозненные таланты, будучи способными привносить разнообразие или устранять творческую напряженность. Управление творчеством также требует нахождения правильного баланса между свободой, с одной стороны, и функциональной эффективностью, с другой.

Многие предприятия креативного сектора, работающие на передовой экономики впечатлений и сетевой экономики, могут рассматриваться в качестве образцов для подражания, когда дело доходит до понимания того, как управлять творческой организацией. Однако креативные специалисты часто предоставляют творческие и инновационные услуги компаниям, работающим вне сферы культуры и творчества, и все чаще рассматриваются играющими важную роль в стимулировании изменений в общей экономике.

Такое понятие происходит от двух различных характеристик бизнеса, которые действуют в креативном секторе:

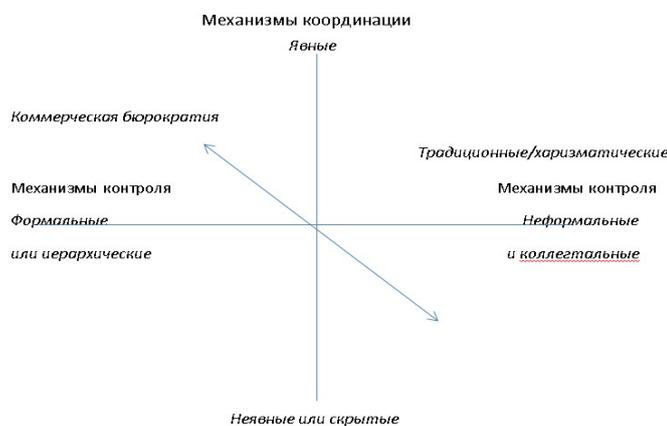
Во-первых, это относится к общепринятой практике культурных и творческих предприятий, работающих в тесном сотрудничестве, сетевых и ориентированных на интересы людей средах, в которых ключевыми являются импровизация и риск. Эти факторы характерны для культурного и творческого сектора и все более становятся характерными для предприятий, действующих в более широком экономическом ландшафте.

Во-вторых, это связано с идеей о том, что прогрессивные компании и общественные учреждения все шире используют культурные и творческие услуги по всей цепочке создания стоимости в таких областях, как НИОКР, маркетинг, связь и человеческие ресурсы.

Управление творчеством является предметом большой исследовательской работы в плане понимания того, как организационные, руководящие структуры могут влиять на развитие творчества посредством создания определенной рабочей среды, систем поощрения или посредством автономии, предоставляемой сотрудникам. В этом контексте творчество часто ассоциируется с повышением производительности и эффективностью.

Поэтому термин креативность применяется без разбора ко всем видам работ (не обязательно на основе культуры) и подчеркивается как организационный ресурс. Риск состоит в том, что эти процессы препятствуют спонтанности, которая часто приводит к творческому полету. Бизнес-процессы требуют линейности, что затрудняет возникновение творческих мыслей (отклонений от заданного маршрута). А ведь системы, вознаграждающие творчество, могут быть более эффективными, чем четко построенные схемы.

Говард Дэвис и Ричард Скейз предлагают свое понимание в управлении креативностью, выделяя четыре идеальных типа организации, основанных на том, как компании координируют и контролируют труд.

Типология креативных организаций [4, Р. 99]

Отношения между менеджментом и сотрудниками все больше напоминают отношения между покупателями и поставщиками, а поскольку работа теперь может выполняться либо внутри компании, либо сторонними силами, в результате наблюдается рост сетевых команд за пределами компаний («уплощение» коммерческих бюрократий) [5, стр. 261].

Реализация творчества связана со сложными соглашениями и, следовательно, является способом управления изменениями. Ценность искусства и культуры – это способность, которую они приносят, чтобы бросить вызов существующим методам ведения бизнеса и управления. Однако, поскольку творчество, основанное на культуре, трудно измерить, менеджеры могут неохотно пытаться внедрить его. В мире, который требует отчетности, результатов и прогресса, поддержка творческих изменений требует определенного доверия. Творческий подход также требует принятия неудач и изменений, которые часто вызывают беспокойство у успешно функционирующих организаций.

«Творческие люди отличаются от других людей, как с плохой стороны, так и с хорошей, в плане того, что мы только начинаем их понимать», – утверждает Гордон Торр, автор книги «Управление творческими людьми» [6].

Творчество основано на самовыражении часто мятежных, «хаотичных», непредсказуемых людей, чье поведение и это делают их несколько «враждебными» для бизнес-организаций. Творческими людьми трудно управлять. С другой стороны, творцы часто являются источником вдохновения для общего стратегического направления компании – по крайней мере, когда руководство разделяет их видение.

Любой бизнес имеет свои риски, но бизнес, связанный с культурными индустриями, сталкивается с особыми рисками и непредсказуемостью.

Пара креативность-коммерция помогает многим предпринимателям добиваться относительной и временной автономии, при этом помним, что она же усиливает неопределенность и трудности. Диалектическая их связь самым серьезным образом проявляется в коммодификации культуры, которая крайне сложна, имеет место в разных областях и принимает множественные формы (книги, информация, сетевые ресурсы, т. д.).

Организованное творчество во многих случаях является ключевым для установления связи между креативными людьми и управлением сложностью этих отношений. Творческие индустрии – это специалисты по управлению творческими людьми и командами. Взаимное доверие и уважение – ключевой компонент для развития специализации, которая часто является особенностью, долго искомой «фишкой». Руководители творческих индустрий привыкли справляться с эмоциональным напряжением и разногласиями, которые существуют между творческими умами.

Как можно адаптировать социальную среду, чтобы создать условия для появления наиболее продуктивных социальных групп, институтов, способных воспользоваться в наилучшем варианте, в своих интересах эффектом от инноваций? В первую очередь мы должны исследовать, как социум реагирует на распространение инноваций. Вместо того чтобы определять, какое влияние оказывают инновации, мы должны рассмотреть, как двигаться к новым производственным практикам, индуцирующим инновации или специализирующимся в тех видах производства, которые имеют сильный потенциал развития либо создают социальные условия, позволяющие внедрять инновации [7].

Эффективность социума зависит от действующих институтов («правил игры»). Если имеет место институциональное нововведение и исходные институты меняются, то людям нужно время и ресурсы (усилия, деньги, технологии), чтобы адаптироваться к произошедшим изменениям для сохранения прежней эффективности системы. С одной стороны, институты снижают неопределенность относительно результатов и поведения людей, с другой — они также «определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека» [1]. Соответственно, чем больше «плотность» институциональных перемен и период, в течение которого они происходят, тем больше у населения адаптационные издержки [8], социокультурная подложка не является еще той эффективной почвой, на которой будут активно произрастать инновационные всходы.

При высоком уровне инновационной культуры общества в силу взаимокорреляции, взаимозависимости ее частей изменение одной составляющей вызывает быстрое изменение других. В условиях же инновационной стагнации необходим мощный организационно-управленческий и правовой импульс, чтобы заработали механизмы саморегулирования. Для этого требуется институционализация креативной экономики, инновационной культуры, т. е. превращение ее развития в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения, ответственностью участников. Речь идет не о бюрократизации деятельности, а о необходимых мерах консолидации, поскольку нужно в короткие сроки решить крупные общественно значимые вопросы.

Литература

1. *Бёгельсдейк, Ш.* Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / Ш. Бёгельсдейк, Р. Маселанд. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. — 446 с.
2. *Harrison, L. E.* Culture matters : how values shape human progress / L. E. Harrison, S. P. Huntington. — N. Y. : Basic Books, 2000. — 348 p.
3. *Lehrer, J.* Proust Was a Neuroscientist / J. Lehrer. — Boston — N. Y. : Houghton Mifflin Company, 2007. — 256 p.
4. *Davis, H.* Managing Creativity / H. Davis, R. Scase. —Milton Keynes: Open University Press, 2000. — 176 p.
5. *Хезмондалиш, Д.* Культурные индустрии / Д. Хезмондалиш. — М. : Издат. дом ВШЭ, 2014. — 454 с.
6. *Torr, G.* Managing Creative People: Lessons in Leadership for the Ideas Economy / G. Torr. — Chichester : Wiley, 2008. — 303 p.
7. *Lévesque, B. and F.* La nouvelle sociologie économique/ Bourque and Forgues Lévesque. — Paris. — Desclée de Brouwer. — 2001. — P. 284.
8. Институциональные и технологические ловушки: калейдоскоп идей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kapital-rus.ru/articles/article/institucionalnye_i_tehnologicheskie_lovushki_kalejdoskop_idej/. — Дата доступа : 04.01.2019.

Статья посвящена процессам формирования управления творчеством в креативной экономике, экономике, основанной на культуре. Одной из важнейших составляющих данной стратегии является нахождения правильного баланса между свободой, с одной стороны, и функциональной эффективностью, с другой. Внутренние движения такого процесса связаны, прежде всего, с пониманием того, что организованное творчество во многих случаях является ключевым для установления связи между креативными людьми и управлением сложностью этих отношений. В статье делается попытка расширить смысловую область понятия организации креативной экономики, по сути управления креативностью.

СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Л. Н. СЕМЕНОВА

*Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Беларусь*

Глубинные изменения, переживаемые современным обществом, интерпретируемые как системная трансформация, побуждают исследователей к осмыслению понятия общественных систем. Это тем более актуально, так как во время трансформации уходящая система, как правило, максимально приоткрывает себя и позволяет себя прочесть. Да и формирующаяся система, вырастая из предыдущей, не может обойтись без многих ее несущих конструкций и элементов и ясно указывает перспективу своего развития. Поэтому неслучайно общественную трансформацию при смене систем сравнивают с разломом какого-либо предмета, в частях которого хорошо видно содержимое.

В общественном сознании сообразно политической и культурно-исторической ситуации и господствующей методологии всегда конструируется множество разнообразных социальных систем. Возможно найдется в гуманитарных науках свой Д. И. Менделеев, который выстроит таблицу определения общественных систем. А может вполне достаточно философских направлений и метатеорий, подобных позитивизму, марксизму, системологии, синергетике и др., которые обосновывают подходы к выделению таких систем. Но в любом случае как зафиксированные Менделеевым в соответствии с атомной массой химические элементы называют реальные вещества, так и выделяемые мыслителями социальные системы обозначают реальные общественные процессы. Как взаимосвязанность химических элементов образует вещества, так же все общественные системы нужно осознавать во взаимозависимости и, самое главное, во взаимовложенности друг в друга. В контексте глобализации представление о взаимовложенности систем становится важнейшей методологической установкой.

В гуманитарных науках, особенно благодаря марксизму, сложилась традиция при употреблении термина «система» делать упор на экономику и социально-экономические классовые отношения (традиционная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая системы). В контексте цивилизационного подхода, благодаря таким его основоположникам, как Н. Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглер, при использовании термина «цивилизация» главное внимание принято уделять культуре, духовным кодам и смыслам (китайско-конфуцианская, индо-буддийская, исламская, западная христианская, русская православная цивилизации). Хотя подчас эти термины обозначают одни и те же хронотопы – протяженные во времени, пространственно локализованные образования. Просто рассматриваются они с разных точек зрения.

Развивая марксистскую традицию, знаменитый французский историк Ф. Бродель и основатель школы миросистемного анализа И. Валлерстайн ввели многогранный термин «мир-экономика». Политической формой мир-экономики по большей части становится мир-империя. В таких мирах формировался устойчивый рынок, складывалась своя система хозяйственных связей, развивалась общая

система культурных норм и символов, сходство художественных вкусов, единство политических, религиозных, эстетических представлений, правил повседневной жизни, по сути дела цивилизация. Как заметил Б. Ю. Кагарлицкий, мир-экономика по Валлерстайну – это и есть цивилизации по Шпенглеру и Тойнби. Ничего мистического и загадочного нет ни в их появлении, ни в их развитии, ни даже в их упадке и исчезновении, ведь экономические условия и границы мировых хозяйственных регионов с течением времени менялись [1, с. 29].

Любая социальная система, мир-экономика, мир-империя, цивилизация – это прежде всего управленческая система, организуемая и поддерживаемая в целостности, благодаря управленческо-информационному воздействию. Самостоятельность такой системы определяется по осуществлению в ней полной функции управления, представленной такими управленческими приоритетами, как методологический, хронологический, идеологический, экономический, военный и др. Три первых приоритета есть не что иное как феномен концептуальной власти, которая задает главные тенденции развития. Причем делается это, как правило, не структурно, через властно-административные распоряжения, а бесструктурным способом – путем формирования культурных представлений, общественного мнения, умонастроения правящих элит. Таким образом, если призма системного и цивилизационного подходов позволяет выделить различные социальные общности, конечно же взаимосвязанные и взаимодействующие между собой, то призма управления и концептуальной власти помогает понять взаимовложенность всех систем в рамках глобального исторического процесса, составить малые и средние «системы-матрешки» в одну большую глобальную «матрешку».

Глобализация – это процесс объективный, обусловленный прежде всего развитием и концентрацией производительных сил и централизацией управления для обеспечения равновесия между человечеством и биосферой, глобальным историческим и глобальным эволюционным процессами. Современные информационные технологии являются лишь одним из средств реализации этого процесса. Вопрос лишь в том, что возможны разные сценарии глобализации. Сегодня она развивается по сценарию, заданному капитализмом, ставшим максимально адекватным воплощением библейского проекта, идеологически закрепившего управленческое неравенство и духовное не-развитие человека, и финансово-кредитной ростовщической экономики, закрепившей социально-экономическое неравенство. Это собственно и есть ведущие характеристики единой глобальной системы, в которой сегодня оказалось все человечество.

Современность труднее всего поддается осмыслению. Как говорил Экклезиаст, «ибо не знает человек времени своего». «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи», – вторил ему поэт. Динамика и многообразие событий буквально обезоруживают исследователей, которые к тому же находятся под прессом постмодернизма, раскритиковавшего теории и саму возможность рационального научного постижения истины. У многих исследователей практически нет адекватной терминологии для обозначения современности и стремительно надвигающегося будущего. Приставки «пост-», щедро нанизываемые на различные понятия («постиндустриализм», «постмодернизм», «постсовременность»), ясности не прибавляют. Неслучайно современность принято характеризовать как постоянно меняющуюся, неуловимую для фиксации. Автор

книги «Текучая современность» З. Бауман отмечает: «Все конфигурации, констелляции, паттерны зависимости и взаимодействия были брошены в плавильный тигель, чтобы впоследствии преобразоваться и измениться; это была стадия «разрушения формы» в истории нарушающей, ломающей границы, всеразрушающей современности» [2, с. 13]. И тем не менее смеем утверждать, что с помощью представленного выше инструментария вполне можно дать важные системные характеристики современности, прежде всего назвав и определив глобальную, охватывающую все человечество систему, самую большую «матрешку», вместившую в своем чреве все остальные.

Прежде всего, это мировая капиталистическая система, находящаяся на исходе своего существования в периоде глубочайшего системного кризиса, или системной трансформации. Отдельные институты капитализма сложились и развивались с давних времен. Но в качестве системы, экспансионистской по своему характеру и стремящейся к мировой, капитализм стал развиваться с XVI в. Пройдя стадии первоначального накопления капитала, мануфактурного капитализма, где господствовал финансовый торгово-ростовщический капитал, в XIX в. капитализм вступил в свою высшую индустриальную стадию с большой ролью производственного капитала, после которой в XX в. начинается его движение по нисходящей. После периода государственно-монополистического капитализма (ГМК), капитал на принципиально новом витке исторической спирали вступил в стадию финансовой глобализации, в которой «взбесившиеся» нерегулируемые финансы, как доминирующая самостоятельная институция мировой экономики, оторвались от реальной материальной экономики и смывают все социально-государственные устои на своем пути. Именно эта ситуация со всей ясностью показывает, что капиталистическая система, как и все другие системы, отнюдь не определяется как это принято в нашей официальной науке микроэкономикой. Ведь у нас принято под капитализмом понимать частную собственность, рыночные отношения, предпринимательство, систему свободного найма рабочей силы, материальное стимулирование труда и т. д. Эти элементы могут существовать во всех системах: и в феодальной, и в социалистической. Большая социальная система в первую очередь проявляется как управленческая система и определяется тем, кто является ее правящей верхушкой и как эта верхушка правит, на основе каких приоритетов, какова ее концептуальная власть. Неслучайно Ф. Бродель помещал капитализм на верхних этажах международных финансово-торговых операций. А, например, Дж. Арриги под капитализмом понимает «волнообразно достраивающуюся систему контроля (а не производства и не обмена) над рыночными отношениями и политикой государств» [3, с. 6]. По большому счету капиталистическая система призвана оградить общество от разрушительной экспансии капитала. Поэтому в ней и развивались институты, обладающие такими возможностями: национальные государства, публичная политика, гражданское общество, система социального обеспечения (социальное государство), образование и т. д. Демонтаж, распад, перерождение этих институтов свидетельствуют о необратимом кризисе и трансформации системы капитализма.

Мировую систему капитализма В. Ю. Катасонов удачно охарактеризовал как закономерный плод денежной цивилизации. Он подчеркивает объемлющий характер этой цивилизации, включающей в себя традиционно понимаемые ци-

визации с разными культурами, государства, интеграционные объединения, религии, разные стадии развития материальной культуры и т. д. Катасонов отмечает такие черты денежной цивилизации, что для части людей богатство становится конечной целью, самоцелью. Для очень небольшой группы людей, «избранных», богатство выступает средством по достижению цели господства (власти) над всем остальным обществом, слугами и рабами, «плебсом». Для укрепления своих позиций в обществе «избранные» умело используют стремление «плебса» к обогащению. В обществе происходит непрерывная социально-имущественная поляризация [4, с. 38].

Учитывая традицию употребления термина «цивилизация» для обозначения духовно-культурных реалий, Катасонов подчеркивает, что под термином «денежная цивилизация» понимается все «дерево капитализма как единство социально-экономической, политико-правовой, культурной и духовно-религиозной сфер данного типа общества. При этом определяющей является последняя сфера, которая является корнем капитализма». А корень общества определяет программу развития дерева, формирование его ствола, веток и веточек, листьев, цветков и, в конечном счете, плодов [4, с. 21–22].

Дерево капитализма с корнем денежной цивилизации в определенное время и в определенном месте выросло благодаря многим факторам, среди которых существенную роль играют духовно-религиозные основания. Пунктирно их можно обозначить как иудаизм, библейский проект христианства, протестантизм. Напитавшись их соками, денежная цивилизация подмяла их под себя, заставив людей служить мамоне, потребительским стандартам, технике, а не освоению собственного генетического обусловленного потенциала и духовно-информационных смыслов мироздания.

Такая определяющая черта денежной цивилизации и капитализма, как неравенство и иерархичность пронизывает все общности, начиная от любой профессиональной корпорации, нации, страны и заканчивая миром в целом, разделенным капиталом на ядро-центр стран «золотого миллиарда» и всех остальных в качестве подчиненной угнетаемой периферии. Правящая верхушка «золотого миллиарда», представленная давно оторвавшейся от своих стран «корпоратократией» (крупнейшие ТНК), «банкстерами» (глобальная финансово-кредитная система), «нетократией» (информационные технологии), демонтируя институты отжившей и ненужной им капиталистической системы, по накатанной ею колее, ведет мир в качестве «эффективных менеджеров» к еще более жесткой неорабовладельческой системе. В этом грядущем уже вырисовывающемся глобальном «электронном концлагере» информационные технологии, «цифровизация», «чипизация», «искусственный интеллект», «сверхразум», трансгуманизм и т. д. позволяют полностью манипулировать общественным сознанием, а значит напрямую без всяких посредников управлять единым человечеством. Сначала это человечество, по прогнозам французского писателя Жака Аттали, превратится в кочевников, постоянно перемещающихся по планете в поисках лучшей доли, а потом эти кочевники, перемешав все человечество этнически и генетически, сделают из него единую унифицированную монокультуру киборгов и искусственного интеллекта, переложившей с себя ответственность на технику и потому не способной к эволюции в ладу с биосферой и космосом. Это путь к уничтожению. Тому подтверждение – глобальный социально-экологический кризис.

Залогом принципиально иного проекта и рывка в справедливое будущее является сохранение цивилизационного многообразия, подрывающего принципы денежной цивилизации. На это обратил внимание выдающийся советский писатель-фантаст Иван Антонович Ефремов. Велением его фантазии в романе «Час быка» на планете Торманс именно единая монокультура привела к установлению разрушительной системы олигархического государственного капитализма и деградации планеты.

На Земле же, согласно жизнеутверждающему прогнозу автора, великое множество народов, несколько больших культур, которые во взаимопроникновении и в прямой борьбе задержали образование монокультуры и мирового государства до тех пор, пока не поднялось общественное сознание, состоялось качественное развитие человека, совершенствование его психотипа, которые смогли вывести на новый уровень технику и создать справедливые общественные отношения.

Литература

1. Кагарлицкий, Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
2. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
4. Катасонов, В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В.Ю. Катасонов. – Изд. 4-е дополненное. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.

В логике системной методологии, теорий управления, капитализма, глобализации современность применительно к глобальному миру есть основания характеризовать, как мировая система капитализма на исходе своего существования в глубочайшем системном кризисе и денежная цивилизация, главные принципы которой стали концептуальной властью для всех взаимовложенных управленческих социальных систем.

УДК 316.55

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

М. Г. СОКОЛОВСКАЯ

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Маскулинность (мужественность) – это совокупность принимаемых и одобряемых обществом подлинно мужских качеств, ценностных ориентаций, ролей, норм поведения, свойственных представителям мужского пола в каждом конкретном обществе. Маскулинность отвечает на вопрос: каким должен быть «настоящий мужчина» в определенное историческое время и в конкретном социуме?

К числу подлинно мужских качеств в большинстве социальных систем традиционно относят агрессивность, независимость, героизм, рациональное мыш-

ление, физическую силу, ответственность и сексуальную активность. Настоящий мужчина обязан быть непохожим на женщин и избегать в своей жизни всего женского. Он должен быть сильным, независимым и самодостаточным. И ни в коем случае не проявлять слабость, сомнения, эмоциональную чувствительность и открытость. Наоборот, мужчина должен быть агрессивным, склонным к насилию.

Качества, которые определяются как маскулинные, призваны, как правило, вести к социальному успеху в условиях жесткой конкуренции между представителями «сильного пола» за различного рода социальные и иные ресурсы.

Существуют цивилизационные и страновые различия по эталонам мужественности. Чтобы соответствовать, к примеру, существующему в современном белорусском обществе стереотипу маскулинности, мужчина должен быть белым, сильным, независимым, активным, агрессивным, рациональным, ориентированным на достижение успеха в различных социальных контекстах, включая и предпочтения женщин.

Добавим, что исторически маскулинность дает мужчине право на господство и доминирование как в обществе, так и в семье, в то время как феминность в общественном и обыденном сознании связывается с обязанностью (и готовностью) подчиняться.

С точки зрения христианского мыслителя Обри Анделина, настоящий современный мужчина должен быть создан «из стали и бархата» и заключать в себе, исходя из Священного Писания, следующие качества: а) быть лидером в семье и на работе; в) выступать созидателем общества в различных его проявлениях; г) отвечать за духовное, душевное и материальное благополучие семьи; д) обладать уверенностью, мужеством и силой духа; е) быть защитником для окружающих; ж) находиться в хорошей физической форме [1, с. 31].

В постиндустриальном обществе получили распространение два типа маскулинности. С одной стороны, особенно в медийном контексте, широко распространены мужской образ «мачо», который на жизненной сцене презентует себя как активный, физически сильный, привлекательный и агрессивный мужчина, думающий исключительно о победах над женщинами в сексуальных интерьерах, а не о построении с ними гармоничных отношений. Он часто является «эмоциональным кретином», неспособным к сопереживанию, нежности и заботе, что существенно ограничивает его мужской потенциал, поскольку в современной социуме существует большой спрос на близкие отношения, эмоциональные сопереживания и интимность.

С другой стороны, очевидно, что, несмотря на то, что мужественность ассоциативно связывается с понятиями силы, власти, успеха, рациональности, контроля и ответственности, императивы постмодерна заключают «мужскую жизнь» в жесткие социальные рамки. Многие исследователи приходят к выводу, что в постиндустриальном обществе мужчины представлены жертвами, поскольку давление гендерных ролей помещает не только женщин, но и мужчин под мучительное напряжение, лишаящее оба пола свободы выражать свои потребности и желания. К примеру, мужчины, согласно традиции, не могут выразить свои эмоции так же, как женщины, что противоестественно человеческой природе.

Все это может привести к тому, что ученые обозначили термином «несостоявшаяся маскулинность». Мужская психологическая энергия часто использует-

ся для того, чтобы защищаться «против» чего-либо, нежели выражать то, что он в действительности существует. Например, усилия мужчины направлены на то, чтобы доказать, что он не феминный, независимый, не эмоциональный, не пассивный, не боящийся, не беспомощный, не потерянный, не неудачник, не импотент и т. д. Подобные установки ограничивают возможности выбора и степень человеческой свободы, что может приводить и к трагическим последствиям.

Действительно, в современном обществе успешный мужчина в глазах многих людей должен выглядеть гламурно, иметь доступ к материальным богатствам, обладать хорошей машиной и молодой девушкой модельной внешности. Желательно, чтобы он был хорошо одет, казался привлекательным и физически сильным. Но одновременно очевидно, что даже по объективным обстоятельствам социальный успех – это прерогатива явного меньшинства.

Постоянные же попытки подтверждать свой статус приводят его к сильному психологическому напряжению, поскольку подобное стремление далеко не всегда заканчивается успешно. В обществе эпохи постмодерна один из наиболее простых способов доказать, что я мужчина – это насилие как над женщинами, так и над другими мужчинами.

В современном мире существует традиция отказа от взгляда на маскулинность как застывший шаблон. Все чаще звучит точка зрения, что она может быть социально изменчивой и в разных культурах существуют «плюральные маскулинности».

В постиндустриальном обществе во многих странах, в особенности относящихся к иудо-христианской цивилизации, идея дихотомизма маскулинных и феминных черт (по принципу «или – или») уступила место идее континуума маскулинно-феминных качеств.

Это обусловлено социальной необходимостью: для того, чтобы обеспечить гендерное равенство и усилить конструктивный потенциал общества, необходимо, чтобы мужчины могли пересекать границу социальных ролей, которые им предписаны традицией и культурой.

Кроме того, все очевиднее становится социальной необходимостью избавления мужчин от постоянного и сильного стресса, поскольку только немногие из них в состоянии достигнуть в условиях острой конкуренции успеха, который исторически является мерилем мужского достоинства.

Существует и немалая группа женщин, для которой принципиальное значение имеет способность мужчины быть «сапиосексуалом», т. е. «человеком умным и рассудительным», поскольку для них самая «эрогенная зона» находится в мозге мужчины, его интеллекте и в способности конструктивно и ответственно мыслить, формировать чувство эмоциональной, психологической близости.

Одна из причин этого заключается том, что, поскольку традиционные представления о маскулинности остались неизменными (мужчины должны быть сильными, кормильцами и эмоционально глухими), то в силу неизбежного несоответствия им, у многих мужчин может создаваться впечатление, что «жизнь не удалась» с последующим возникновением депрессивных и даже суицидных настроений. Поэтому общество должно разрешить им быть слабыми. Как справедливо отмечала белорусский культуролог Юлия Чернявская, «смерть быстрее выкашивает мужчин. Тому есть не только физиологические, но и психологические причины. Например, установка "мальчики не плачут". Она разрушает человеческую

спонтанность, лишает права на яркое выражение чувств, формирует закрытого, закомплексованного человека, который всю жизнь чувствует себя самозванцем. Он должен быть сильным, а ведь он знает, что внутри он – другой» [2].

Кроме этого, новое прочтение гендерных ролей, ставящее под сомнение мужское лидерство, приводит ко все большему и грубому контролю женщин над мужчинами в частной и социальной сферах, что чревато для последних существенными психологическими потрясениями и приводит их к трудностям в конструировании своей гендерной идентичности.

Дело в том, что на протяжении многих столетий мужчины подчеркивали свою мужественность, «гегемонную маскулинность», используя принижение женщин, их игнорирование и исключение из публичной сферы.

Исторический же уход от модели мужского доминирования, широкое распространение установок на более равноправное гендерное поведение, освобождение мужчин от ригидных норм привели как к усилению позиций женщин в достижении ими равных прав и возможностей, в распределении социальных ресурсов, так и увеличению их контроля и даже доминирования над мужчинами. Например, в современной Польше из ведущих информационных каналов почти полностью исчезли мужчины, а «голос женщин – телевизионных журналистов, ведущих и публицистов как никогда раньше стал громким» [3, с. 18].

Таким образом, объективно увеличившаяся эмансипация женщин в современном обществе с необходимостью порождает у некоторой части мужчин такие защитные реакции, как высокая степень агрессивности либо пассивность.

В конечном счете, по утверждению российской исследовательницы Е. Луковицкой, у мужчин наблюдается сочетание власти и страха, «причем власть их уменьшается, а страх увеличивается, «благодаря» во многом: 1) рекламе гипермаскулинности и гиперсексуальности в средствах массовой информации; 2) неумению многих мужчин реализовать себя в семье; 3) уменьшению определенности в обществе в отношении гендерных ролей. Все это приводит к внутреннему конфликту и часто ведет к таким стратегиям поведения, как насилие, уход (пьянство, наркомания), философствование и рационализация, апатия, депрессия» [4, с. 27].

Литература

1. Анделин, О. Мужчина из стали и бархата / О. Анделин. – СПб. : Христ. миссия, 2015. – 400 с.
2. Чернявская, Ю. Личные истории. Интервью / Ю. Чернявская // Народная воля. – 18 ноября 2014 г. – № 90.
3. Socha-Jakubowska, P. IV władza jest kobietą / Socha-Jakubowska, P. // Wprost. – 2019. – № 17–18. – S. 18–25.
4. Луковицкая, Е. Г. Введение в гендерные исследования : уч. пособие / Е.Г. Луковицкая. – В. Новгород : НГУ, 2003. – 127 с.

В статье исследуются процессы трансформации мужской гендерной идентичности в постиндустриальном обществе. Указывается на его противоречивость. С одной стороны, особенно в медийной форме, сохраняется ориентация на традиционный образ мужчины, персонифицирующий силу, агрессию, ответственность, стремление к доминированию, успех и т. п. С другой – наблюдается отход от традиционной модели маскулинности, укорененной в христианскую традицию, что позволяет преодолеть ряд внутренних конфликтов и обрести мужчинам новые жизненные смыслы.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. В. СТРЕЛЕЦ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Предмет исследования настоящего доклада, совпадающий с его названием, весьма объёмный. Многие его аспекты нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных учёных. Автор доклада решил сосредоточиться на тех аспектах, которые наименее разработаны научным сообществом.

«Уникальность Европейского Союза (ЕС) заключается в том, что на данный момент это единственное интеграционное объединение, которое обладает уникальным качественным состоянием, воплощённым в сочетании черт интеграционного объединения по территориальному признаку и наличием правоустанавливающих документов, характерных по содержанию и целеполаганию для международных организаций» [1].

Адекватное понимание этой уникальности даёт возможность основательно разобраться в тех рычагах, которые задействует ЕС, внося вклад в формирование глобальной архитектуры. Он постоянно доводит до сведения международных акторов своё видение модели глобального экономического и экологического управления. С 2003 года в основополагающих документах ЕС чётко указывается главная несущая конструкция этой модели – «эффективная многосторонность». Первый опыт формулирования такого подхода прослеживается в датированной 2003 годом Европейской стратегии безопасности (ЕСБ). В данном документе читаем: «В мире глобальных угроз, глобальных рынков и глобальных массмедиа наши безопасность и благосостояние во все большей мере зависят от эффективности многосторонней системы» [1]. А сейчас обратимся к Лиссабонскому договору о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества. Первые лица государств-членов ЕС скрепили своими автографами этот договор на саммите, проходившем 13 декабря 2007 года в Жеронимуше в Лиссабоне. В статье 21 этого договора «было записано, что Союз добивается «развития международной системы, основанной на усиленном многостороннем сотрудничестве и хорошем глобальном управлении». «Эффективная многосторонность», краеугольными камнями которой должны выступать ООН и ВТО, была представлена в этом документе как путь к глобальному управлению и управляемой многополюсности» [1]. Автор настоящего доклада может со знанием дела заявить, что сейчас нет ни одного влиятельного международного института, где не прослеживалась бы активность ЕС.

На современном этапе происходит возрастание внешнеполитической роли ключевых надгосударственных, наднациональных органов ЕС. Всё больше наполняется реальным содержанием Общая внешняя политика и политика безопасности. Здесь высшей инстанцией в принятии решений выступает Европейский совет. Заметно расширяется компетенция Европейской комиссии по части

значимых для всех государств-членов ЕС международных экономических переговоров. Нельзя отрицать тот факт, что всё больше становится вопросов внешнеполитического характера, по которым государства-члены выступают единым фронтом.

Вместе с тем нельзя слишком идеализировать состояние дел по части внешнеполитической составляющей интеграции в рамках ЕС. Следует отметить, что «пока ещё внешняя политика имеет межгосударственный характер. Все 28 стран-членов контролируют свои международные отношения в значительной степени» [2].

«В сфере принятия решений говорить о полной автономности Союза не приходится, но это является следствием природы самого объединения: Европейский Союз – не федеративное государство, он создан государствами во имя достижения общего блага, и его автономность будет ограничена государствами-членами ЕС, по крайней мере, в краткосрочной перспективе» [3]. У Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности Федерики Могерини сейчас хватает работы по преодолению разногласий между странами-членами в области внешней политики и не станет меньше в ближайшем будущем.

«В рамках процесса создания Европейской службы внешнеполитической деятельности, предусмотренной Лиссабонским договором, 1 января 2010 года все бывшие делегации Европейской Комиссии были переименованы в делегации Европейского Союза и до конца месяца 54 делегации были преобразованы в дипломатические представительства, которые имеют более высокие полномочия, чем обычные делегации. Эти обновлённые делегации взяли на себя функции, ранее осуществляемые национальным посольством Государства-председателя Совета Европейского союза и объединилась с независимыми делегациями Совета по всему миру. Благодаря этому делегации ЕС взяли на себя функцию координации национальных посольств и представления интересов ЕС в целом, а не только Европейской Комиссии» [2].

«Формирующаяся политика безопасности ЕС содержит элементы всеобъемлющей, кооперативной и многосторонней моделей и предусматривает предотвращение конфликтов с помощью превентивных мер в отношении их первопричин, а также укрепление структурной стабильности, которая охватывает широкий спектр социальных, политических, экономических и экологических факторов ...

Евросоюз уже утратил свой прежний имидж и гуманистический, «постмодернистский» статус и в настоящее время находится в некой «точке перехода» от «гражданской силы» к традиционной, обладающей военно-силовым потенциалом» [4].

«В настоящее время Европейский Союз обладает всем комплексом структурных возможностей для действий в международных отношениях... Европейский Союз является крупнейшим мировым донором, который обеспечивает 70% общемирового объема средств, направляемых на помощь беднейшим странам. Европейский Союз заключил с 101 третьими странами торговые соглашения, а также соглашения о сотрудничестве в целях развития, которые предоставляют бедным странам возможность осуществления безтарифного экспорта некоторых товаров, в то время как договора об ассоциации дают дополнительные привилегии, и в каком-то смысле являются символом «повыше-

ния партнерского статуса». Все эти договора содержат в себе политические условия, основанные на уважении прав человека, верховенства закона и других демократических ценностях; в соглашениях прописано, что оно аннулируется в том случае, если в стране, с которой заключен договор, будут выявлены нарушения прав человека и акты насилия над людьми. Помимо экономического сотрудничества, ЕС ежегодно выделяет финансовую помощь, структурированную по различным программам» [3].

В мае 2019 года исполнилось 10 лет Восточному партнёрству. «Восточное партнёрство — проект Европейского союза, имеющий основной заявленной целью развитие интеграционных связей Евросоюза с шестью странами бывшего СССР: Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной.

Рассматривается как своего рода региональное (восточное) измерение европейской политики соседства, которая была инициирована Евросоюзом в отношении своих «новых соседей» после очередного расширения в мае 2004 года, дополнение к «Северному измерению» и «Средиземноморскому союзу».

Идея проекта была представлена министром иностранных дел Польши Радославом Сикорским при участии Швеции на Совете ЕС по общим вопросам и внешним связям 26 мая 2008 года. Дискуссия о создании «Восточного партнёрства» состоялась 19—20 июня 2008 года на Европейском совете^[3]. Чехия подписалась под предложением в полном объёме, в то время как Болгария и Румыния были гораздо осторожнее, полагая, что новая программа может свести на нет деятельность существующих Черноморского форума за диалог и сотрудничество (англ.) и Организации черноморского экономического сотрудничества. Основными приоритетами реформ в странах-партнёрах и их сотрудничества с ЕС названы следующие области:

- демократия, совершенствование системы управления и обеспечение стабильности;
- экономическая интеграция и конвергенция с отраслевой экономической политикой ЕС, включая создание зон свободной торговли;
- энергетическая безопасность;
- развитие контактов между людьми (либерализация визового режима и усиление борьбы с незаконной миграцией)» [5].

««Восточное партнёрство» за 10 лет существования не решило ни одной фундаментальной проблемы своих участников: больше того, оно обострило существующие проблемы и создало новые.

Из шести стран-участниц программы четыре вошли в нее с нерешенными региональными конфликтами. Ни один из этих конфликтов за 10 лет решен не был, зато к четверке проблемных стран именно благодаря «Восточному партнёрству» добавилась пятая — Украина. Украина, Грузия и Молдавия шли на участие в программе сближения с простой и ясной целью — вступить в Евросоюз. Однако никто из них так туда и не вступил. Больше того, европейские политики раз за разом дают понять, что истинная цель «Восточного партнёрства» в том и состоит: держать постсоветские страны в европейской сфере влияния, но не пускать их в Евросоюз.

Беларусь, Армения и Азербайджан шли в «Восточное партнёрство» с установкой сближаться с Европой, но сохранять интеграционные связи с Россией. Им на это с самого начала было сказано, что такого не будет: вы либо с Евро-

пой против России, либо с Россией против Европы. В первом случае мы говорим, что «Крым — ваш» и выступаем за вашу территориальную целостность. Во втором можем вспомнить и о праве наций на самоопределение»[6].

Таким образом, «Европейский Союз является международным актором глобального масштаба, который существенно влияет на международные отношения без привлечения излишнего внимания к своим действиям, резко контрастируя на фоне США»[3].

Литература

1. Место Европейского Союза в системе международных отношений [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://naukarus.com/mesto-evropeyskogo-soyuza-v-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy>. – Дата доступа: 25.01.2019.

Внешняя политика Европейского союза — Википедия [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Внешняя_политика_Европейского_союза. – Дата доступа: 15.04.2019

2. Восточное партнёрство — Википедия [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Восточное_партнёрство. – Дата доступа: 05.01.2019.

Оспанова, Бакыт Аманжоловна. Старший преподаватель кафедры международных отношений, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, г. Астана. Европейский Союз как глобальный актор международных отношений [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <fmo.enu.kz/-storage/aaospanovabakyt-rus.pdf>. – Дата доступа: 25.04.2019

3. Юбилей «Восточного партнерства» позорно провалился - RuBaltic.ru [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/.../15052019-yubiley-vostochnogo-partnerstva-pozorno-prov>. – Дата доступа: 05.05.2019.

В докладе предпринята попытка комплексного анализа места и роли Европейского Союза в системе современных международных отношений. При этом автор доклада опирался на основополагающие документы этого интеграционного объединения. Всесторонне показано возрастание внешнеполитической роли ключевых надгосударственных, наднациональных органов ЕС. В докладе подводятся также итоги 10-летия программы «Восточное партнёрство».

УДК 7.067

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. В. СУШКО

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В современном обществе культура все больше аккумулирует ценности, являясь их носителем и источником. Анализируя понятие «культура», очевидным и неоспоримым будет трактовка её как многовариативной, полигранной категории. Культура (от лат. – возделывание, образование, развитие, почитание) является отражением совокупности отношений и объектов, форм человеческого поведения и деятельности, созданных людьми в дополнение к природным, знаний и способов описания окружающего мира, выработанных в ходе социальной практики [1, с. 567]. Многозначность характеристик понятия «культура», таким образом, исходит из многообразия форм её исторического существования,

условий существования общества в целом. Таким образом, каждая культура является воплощением особых наборов способов социальных практик исторических сообществ, существовавших и продолжающих существовать в конкретное время и в особых условиях.

Следует отметить, что культура выполняет ряд важнейших функций, которые во многом задают курс развития, как отдельных обществ, так и взаимодействию между ними – межкультурному диалогу. Информационная, коммуникативная, аксиологическая, социализаторская и т. д. функции культуры образуют устойчивую модель взаимодействия между индивидами, учитывая особенности предметной и природной реальности.

Однако одной из самых актуальных форм культурной динамики является межкультурный диалог. Данное понятие может быть охарактеризовано как непосредственные связи и взаимодействия, которые формируются между культурами, а также конкретные итоги, результаты изменений, образующиеся при сотрудничестве. Взаимоотношения культур включают такие уровни, как: этнический (отношения между локальными этносами, этноконфессиональными общностями), межнациональный (диалог государственно-политических структур и элит), цивилизационный (отношения различных социальных систем, ценностей, форм культуротворчества) [1, с. 588].

Таким образом, в эпоху глобализации, в результате тесного взаимодействия культур, актуальность обретает изучение проблемы культурных отличий и базиса межкультурных коммуникаций.

Знакомство с другими культурами помогает формировать поликультурно-грамотную личность, способную вести диалог в поликультурной среде. Диалог включает в себя готовность принятия и взаимодействия различных культур. Именно в диалоге проявляется толерантность [2].

Учитывая, что наибольшая способность к коммуникации и принятию инноваций, восприятию иных, нетрадиционных компонентов, характерных для отечественной культуры, проявляется именно в молодежной среде, именно эта возрастная категория чаще всего реализует межкультурный диалог. Для молодежи это выражается в возможности обмена информацией, нравственного обогащения, процессе творческой реализации, способности анализировать и принимать позицию представителей иных общественных традиций, обретать единомышленников и совершенствовать коммуникативные навыки.

У каждого народа формируются особенные сложившиеся традиции, уклад жизни, разные уровни социально-экономического развития. Именно культуре принадлежит роль преодоления граней межчеловеческого диалога. Теряют актуальность различного рода различия: национальные, религиозные, государственные, расовые, так как культура их синтезирует, обобщает.

Руководящими принципами осуществления межкультурного диалога являются свобода выбора, свобода самовыражения, равенство, толерантность и взаимное уважение человеческого достоинства. Успешный межкультурный диалог требует ряда качеств, развиваемых в демократической культуре, включая непредубежденность, способность как слушать, так и говорить, способность разрешать конфликты мирными средствами и признавать обоснованность аргументов других сторон [2].

Важно отметить, что именно молодежь активнее всего является участником межкультурного диалога, особенно, если юноши и девушки непосредственно участвуют в культурных программах массовых форм: фестивалях, конкурсах, театральных постановках, организации праздников и т. д. Особенности восприятия реальности, мировоззренческие установки, активная деятельность в различных областях творчества – обуславливают приоритет в межкультурном диалоге именно с участием молодежи. Творческая деятельность формирует разностороннюю личность, помогает усваивать нравственные ценности молодому поколению. Творчество призвано обогащать, развивать, совершенствовать человека. Являясь непосредственным участником творческого процесса – межкультурного диалога – становится возможным применение новых форм, методов общения, где приоритетом будут обладать понимание, терпение, уважение к культурному наследию других людей и т. д.

Участие в концертной и фестивальной деятельности позволяет приобрести багаж психологической устойчивости, эмоционально раскрепоститься, обогатить речь, развивать фантазию, коммуникативные навыки и выразить свое настроение [2]. Несмотря на свойственную молодежи категоричность, максимализм и стремление к новизне во всем, тем не менее, будут формироваться и позитивные черты, например, оптимизм, романтизм, динамичность, креативность, разнообразие эмоционального восприятия. Большое количество молодежных проектов, фестивалей, форумов, общественных организаций способствуют становлению культуры общения, развития коммуникационных навыков, эмпатии, искусству осуществлять диалог и т. д.

Многовариативные направления творческой деятельности позволяют находить самовыражение в различных видах искусства, осуществляя диалог культур. Наиболее распространенными в молодежной среде являются: хореография, вокальные жанры, медиапроекты, театральное и киноискусство, а также площадки общения с известными представителями сферы политики, бизнеса, средств массовой информации.

Одним из таких видов творческой деятельности, с помощью которого осуществляется межкультурный диалог в молодежной среде, является искусство танца. Танец может гармонизировать внутреннее состояние человека и повышать эффективность мыслительной деятельности. Занятия хореографией знакомит молодежь с сознанием другого народа. Этнический танец, исполняемый в естественной среде, наделяется особой коллективной психологической силой, побуждающей к гармонии. Воплощенные в танце элементы, которые позволяют наладить общение без слов, обеспечивают наиболее безбарьерное взаимодействие представителей разных культур. Особенно эти тенденции будут ярко выражены в контексте народного танца, который раскрывает суть не только этнической хореографии, но и традиции, историю и особенности мировоззрения народов.

Являясь представителями различных танцевальных коллективов, молодые люди имеют возможность раскрывать своё творчество не только локально, но и в качестве участников конкурсов, фестивалей, арт-проектов и т. д., которые, в свою очередь, выступают площадкой межкультурного диалога. Полученный опыт выступлений, яркая эмоциональная атмосфера, общение и обмен впечатлениями – всё это способствует культурному обогащению, воспитывает толерантность и уважение к представителям иных традиций и взглядов.

Не менее важной средой для реализации и налаживания межкультурного диалога является вокальное творчество, которое разнообразно по жанровой и стилистической направленности. Как и искусство хореографии, пение способно раскрыть многоликость культурных палитр, обмен опытом профессиональных исполнителей и любителей. Но самое главное заключается в том, что, в силу возрастных особенностей, музыка (в первую очередь, интерес к вокалу) является наиболее востребованной формой выражения эмоций, переживаний, внутреннего мира молодых людей. Осуществление межкультурного диалога приобретает, таким образом, особую актуальность: увлекаясь тем или иным исполнительским жанром, личностью певца или коллектива, подражая известным вокалистам, юноши и девушки проявляют интерес к изучению соответствующей культуры: традиционной, языковой, коммуникативной и т. д.

Таким образом, искусство, как специфическая форма культуры, определяющееся не только художественными законами и индивидуально-психологическими особенностями творчества, но и социокультурными требованиями эпохи, рассматривается как проводник для выстраивания контекстуальных связей личности с социумом и культурой в целом. Художественно-творческая деятельность личности выступает как процесс межкультурной коммуникации и как интегрирующий элемент [3].

Актуальной формой воплощения межкультурного диалога в молодежной среде также можно считать участие в общественных организациях различной направленности: гражданской, просветительской, патриотической, экономической и других. Занятость в обозначенных объединениях создает условия для раскрытия творческого потенциала культуры общения, презентации бизнес-идей и их обмена, личностного роста индивидов.

Межкультурный диалог молодежи в процессе осуществления творческой деятельности является важной составляющей для успешного развития современного общества в целом. Творчество, в данном контексте, характеризуется как один из оптимальных способов достижения этих целей. Разнообразные фестивали, форумы, концерты, диалоговые площадки соединяют в общем действии представителей разных этносов и культур, способствуя формированию поликультурного общения.

Литература

1. Философия: учеб. Пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.С. Степин [и др.]; под общ. ред. Я. С. Яскевич. – Минск : РИВШ, 2006. – 624 с.
2. Фахтулина, А. Г. Роль межкультурного диалога молодежи в процессе творческой деятельности / А.Г. Фахтулина // Педагогическое мастерство: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). — М.: Буки-Веди, 2012. — С. 236-238. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://moluch.ru/conf/ped/archive/22/2137/>. — Дата доступа: 15.05.2019.
3. Бережная, М. С. Концепция социокультурной адаптации молодежи в процессе художественно-творческой деятельности \ М. С. Бережная. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://art-education.ru/electronic-journal/koncepciya-sociokulturnoy-adaptacii-molodezhi-v-processe-hudozhestvenno>. - Дата доступа: 12.05.2019.

Статья посвящена анализу особенностей межкультурного диалога молодежи в процессе реализации творческой деятельности и форм, которые при этом являются наиболее результативными и востребованными.

ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. И. СЫТНИК

*Луцкий национальный технический университет,
г. Луцк, Украина*

Философское обоснование проблем образования привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. В развернувшихся дискуссиях затрагиваются вопросы поддержания национальной системы образования как стратегически важной сферы жизни общества, отмечается повышение ценности образования. Даже краткий перечень круга вопросов показывает, что проблемы образования приобрели широкое социальное звучание. Но при этом выяснилось, что имеющиеся уровень и масштабы их философской разработки для современных условий явно недостаточны, а подходы частных наук (педагогики, социологии образования, психологии образования и других) ограничены спецификой частнонаучной методологии, не достигают необходимого уровня обобщения и глубины исследования концептуальных вопросов. Преимущество философского подхода к образованию состоит в том, что философия поднимает целый ряд вопросов: в какой форме должно осуществляться образование, чтобы оно было признано наилучшим? Каково взаимодействие культуры и образования? Какое знание имеет высшую ценность? Ответ на эти и другие вопросы, связан с областью философских проблем образования.

Дифференциация научного знания об образовании получила настолько выраженный характер, что оказалась вполне естественной обратной реакцией – возник интерес к интеграции отраслей науки, занимающейся исследованием образования.

В первую очередь речь пойдёт о философском подходе к образованию, оформившемся в границах особой отрасли знания – философии образования.

В современных условиях сложилось три подхода к определению статуса философии образования. Первый из них считает философию образования прикладной философией. Прикладной – в том смысле, что общие принципы и положения философии применяются (прикладываются) для анализа самых различных сторон образования, рассматриваемых и как система, и как процесс, и как деятельность, и как ценность, и как социальный институт (Н. Г. Алексеев, П. Г. Щедровицкий и др.).

Второй подход к философии образования отрицает её статус как особой отрасли знания. Сторонники её утверждают, что содержание философии образования в основном совпадает с теоретико-методологической проблематикой педагогической науки. Если приверженцами прикладного характера философии образования являются преимущественно представители философской науки, то сторонниками второй позиции оказываются учёные-педагоги (В. В. Раевский, Г. М. Филонов, Б. Л. Вульфсон, В. В. Кумарин).

Третий подход принципиально отличается от двух предыдущих. Согласно этому подходу, философия образования выступает как самостоятельная область научных знаний, предметом которой являются закономерности функционирования и развития сферы образования во всех её аспектах – ценностно-целевых, системных, процессуальных и результативных. Общефилософские знания сами по себе останутся абстрактной схемой, если они не будут обогащены знаниями политологии, педагогики, этики и т. д. [1, с. 646].

Философия образования – это интегрированная наука, которая определяет политику в сфере образования и которая даёт междисциплинарные знания о сущности объектов целенаправленного изучения и управления в данной сфере, об оптимальных путях достижения общественно и лично необходимых целей образовательной деятельности, о перспективе развития системы образования в целом и отдельных её составляющих.

Современная философия пытается преодолеть субъект-объектную дихотомию человека, вернуть ему целостность, соединяя это с философским принципом толерантного отношения к “другому”. В условиях нарастания разнообразия толерантность, ориентация на взаимопонимание и взаимоуважение обуславливает необходимость формирования полилогической культуры и становится едва ли не единственным условием нейтрализации нарастания тотальной конфронтации индивидов, социальных групп, конфессий, стран, культур, цивилизаций.

Принцип толерантности логично соответствует такой философско-методологической установке, как интерпретация. В современной философской практике всё нагляднее выступает тенденция перехода от “законодательного” типа мышления к его “интерпретирующему” типу. Именно интерпретирующий способ философствования “снимает” проблему методологических оппозиций, трансформирует её в проблемы дискурса [2, с. 110]. Образование выступает механизмом воспроизведения человеческой жизнедеятельности на индивидуально-личностном и общественном уровнях. Если индивидуальное в личности, как правило, является неповторимым и уникальным, то общественное – тем, которое делегируется в образование как требование конкретного исторического типа культуры.

Возрастание роли знания, роли человека и его творческой деятельности в общественной жизни определяют глубину изменений характера и структуры образования. Содержание образования, его структура и методология должны отвечать характеру общества, а поскольку человек – основа современного общества, антропологическое содержание образования приобретает определяющий характер.

Антропологическое содержание идеи человекоцентризма сводится прежде всего к раскрытию творческого в индивиде, того, что определяется как личностное начало в человеке. Современный субъект образовательного процесса должен иметь возможность выборочно получать знания на основе только ему присущих мотивационных стратегий.

Образование следует рассматривать как способ становления, реализации нового человека, развитие которого базируется на всеобщности, многогранности, богатстве всех его способностей, возможностей, талантов, ресурсов и потенций. Творение нового человека есть одновременно и творением нового общества.

Построение идеальной модели будущего человека базируется на выполненном анализе перспектив развития общества в целом и требований, которые оно будет ставить перед человеком. Обобщая, можно назвать черты так называемого “идеального образа” человека, которые должно сформировать образование: открытость экспериментам, инновациям и изменениям; умение находить и обрабатывать информацию; способность критически мыслить и принимать самостоятельные решения; умение планировать будущие действия для достижения прогнозируемых целей, как в общественной, так и в личной жизни; хорошо сформированные качества коммуникации; нематериальная мотивация. Это идеальная модель современного образованного человека является критерием, за которым формируется содержание, организационная система и методология образования.

Антропологическое содержание образования включает всестороннее развитие активной, направленной на самореализацию личности. Человек должен быть целью, а не средством – этот императив ещё не стал нормой. И именно образованию следует внедрять его в жизнь, формируя самодостаточного человека, который признает другого человека равным себе и самодостаточным.

Как метафизическое и мировоззренческое мышление человекоцентризм имеет дело с более глубоким фундаментальным предметом, чем гуманизм или антропология. Если философия есть проявление человекоцентризма, то человекоцентризм – проявление жизни человека. Поэтому предметом философии человекоцентризма является жизнь индивида, взятое как целостность материальных, сознательных и неосознанных, конечных и бесконечных, общих и национальных явлений. В мировоззренческом плане философия человекоцентризма выступает как главное средство осознания сущности личности.

С точки зрения философии образование – это трансформация “духа эпохи” в структуру сознания, мировоззрения, культуру. Трансформированный образованием “дух эпохи” становится базовой основой личности, определяет соразмерность человека с эпохой. Через образование он задаёт общественно-определённые параметры личности.

Философия образования определяет, во-первых, общественное качество и значение образовательного идеала, который содержит в себе “дух эпохи”, во-вторых, эффективность его реализации педагогическими мероприятиями в условиях определённого типа культуры, в-третьих, соответствие цивилизационным магистралям развития человечества в общеисторическом аспекте.

Литература

1. Педагогика: Большая современная энциклопедия [Текст] / Сост. Е. С. Рапацевич. – Минск: Современное слово. – 2005. – 720с.- ISBN 985-443-481-8
2. Горбунова Л. С. Предметне поле філософії освіти: крок до визначення [Текст] / Л. С. Горбунова // Вища освіта України. - №1. – 2001. – С.108-112.

Рассматривается вопрос человекоцентризма в философии образования. Антропологическое содержание идеи человекоцентризма сводится прежде всего к раскрытию творческого в индивиде, того, что определяется как личностное начало в человеке. Предметом философии человекоцентризма есть жизнь индивида, взятое как целостность материальных, сознательных и неосознанных, конечных и бесконечных, общих и национальных явлений. В мировоззренческом плане философия человекоцентризма выступает как главное средство осознания сущности личности.

Антропологическое содержание образования включает всестороннее развитие активной, направленной на самореализацию личности.

МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВОЕННОГО ВУЗА

И. А. ХАЦИЕВА, А. В. ШЕСТЕРИКОВ

*Вольский военный институт материального обеспечения,
г. Вольск, Россия*

Одной из характерных особенностей современной системы профессионального образования является то, что она предполагает развитие и становление личности человека как профессионала в течение всей его жизни.

Проблема профессионализации военных кадров также решается на всех этапах военной службы. Основы профессионализма у будущих офицеров формируются в системе образовательного процесса военного вуза. Эффективность профессионализации в решающей степени зависит от способности субъектов образовательного процесса конкретного высшего военно-учебного заведения привлекать потенциал военной дидактики.

Особенностью отечественной военной дидактики является то, что она рассматривает процесс обучения не только как средство передачи знаний и формирования умений, но и как важнейший фактор всестороннего развития личности. При этом она, прежде всего, нацелена на определение основ содержания образования, исследование закономерностей и принципов обучения, разработку системы методов обучения и условий их наиболее эффективного применения в образовательном процессе.

Согласно педагогическому словарю, образовательный процесс – это совокупность учебно-воспитательного и самообразовательного процессов, которые направлены на решение задач образования, воспитания и развития личности в соответствии с государственным образовательным стандартом [2, С. 94].

Исходя из сказанного выше, образовательный процесс военного вуза также следует рассматривать как систему, состоящую из таких компонентов, как обучение, воспитание и развитие. Кратко проанализируем каждый из этих процессов.

Процесс обучения в военном вузе по своей сущности является социальным процессом, который опосредованно отражает потребности государства в квалифицированных военных специалистах, которые способны качественно и эффективно выполнять поставленные перед ними задачи по обеспечению военной безопасности государства.

В настоящее время процесс обучения курсантов военного вуза характеризуется не только как система подготовки высококвалифицированного военного специалиста, но и как целенаправленная, организованная деятельность, направленная на всестороннее развитие личности будущего офицера.

Сущность процесса обучения в целом сводится, прежде всего, к тому, что это всегда сознательный, организованный и направленный на определенную цель процесс; процесс совместной, активной деятельности обучающего и обучаемых; процесс вооружения будущих офицеров знаниями, навыками и умениями и формирование у них морально-боевых и психологических качеств.

Характерной особенностью процесса обучения в военном вузе является его внутренняя логика, которая требует и от преподавателя, и от курсанта постоянного творческого подхода к решению поставленных задач, проявляясь в том, что каждое действие обучаемого должно соответствовать требованиям повседневной службы и современного боя.

Сегодня, в условиях изменившейся военно-политической обстановки, процесс воспитания курсантов военных вузов обуславливается запросами военной практики, спецификой современной войны.

Современный бой, служба в мирное время требуют подготовки не узкого специалиста, а гражданина – патриота, верного конституционному и воинскому долгу, инициативного и дисциплинированного вооруженного защитника Отечества, что достигается в ходе процесса воспитания.

В традиционной общей и военной педагогике под воспитанием, как правило, принято понимать целенаправленное воздействие (влияние) на развитие личности, формирование у нее необходимых качеств. Такой точки зрения придерживался известный советский педагог Бабанский Юрий Константинович, отмечая, что «...воспитание в специальном педагогическом смысле – есть процесс и результат целенаправленного влияния на развитие личности, ее отношений, черт, качеств, взглядов, убеждений, способов поведения в обществе» [3, С. 307].

Воспитание часто характеризуется и как процесс целенаправленного «воздействия» на личность с целью побуждения воспитанника следовать определенным нормам, правилам социального поведения. В данном случае акцентируется внимание на слове «воздействие».

Как показывает практика, личные качества офицера, его страстность, духовность, личная примерность во всех отношениях оказывают решающее влияние на результаты воспитания. Вот почему курсанты уже в стенах военного вуза на всех занятиях должны решать не только образовательные задачи (т. е. получать определенные знания, вырабатывать навыки, умения и привычки профессиональной деятельности), но и формировать у себя высокие личностные качества офицера-воспитателя подчиненного личного состава.

Процесс воспитания всегда подчинен определенной цели. Нет, и не может быть бесцельного воспитания. Цель воспитания – это всегда то, к чему стремится воспитание, это своеобразный идеал, на достижение которого направляются все его усилия. Причем цель воспитания характеризуется как общая, если речь идет о качествах, формируемых у всех людей, и, как индивидуальная, личная, когда предполагается воспитание определенного (отдельного) человека.

Говоря об основополагающей цели воспитания курсанта военного вуза, следует выделить, прежде всего, формирование и всестороннее развитие высоко нравственной, разносторонне развитой личности, а также таких качеств как гражданин-патриот, военный профессионал, обладающий высокими морально-боевыми качествами.

Содержательной стороной процесса воспитания в военном вузе являются следующие направления воспитания: государственно-патриотическое, воинское, нравственное, правовое, экономическое, эстетическое, физическое, экологическое и антикоррупционное.

Обозначенные направления воспитания, отражая содержательную сторону единого воспитательного процесса, построены на основе идей Российского гос-

ударственного патриотизма, верности воинскому долгу и готовности защитить Родину.

Особое место в этой структуре принадлежит государственно-патриотическому воспитанию, сущность которого заключается в формировании у курсантов высоких патриотических качеств, чувства гордости и ответственности за свою Отчизну, ее будущее, ее безопасность.

Другим, не менее важным направлением процесса воспитания в военном вузе является воинское воспитание курсантов и слушателей, которое имеет своей целью формирование профессиональных и специальных знаний, привитие морально-боевых качеств, высокой воинской дисциплины.

Для достижения целей воспитания используется вся совокупность средств и методов воспитательной работы.

Не менее важную роль в процессе воспитания курсантов и слушателей занимают также нравственное, правовое, эстетическое, экологическое и другие виды воспитания.

Они в комплексе дополняют процесс привития будущим офицерам необходимых нравственно-эстетических, правовых и других качеств и имеют конечной целью следующее:

вооружение курсантов теорией морали, ее норм и правил поведения, знаниями требований общества к их профессиональному и нравственному облику;

стимулирование потребности в моральном совершенствовании, стремления к положительному нравственному идеалу;

повышение теоретической и методической подготовки курсантов по правовым вопросам;

формирование бережного отношения к государственному имуществу, боевой технике, вооружению и военному имуществу, рационального использования материально-технических средств;

формирование эстетического отношения к военной службе, воинскому долгу, к воинской среде, субъектам и объектам профессиональной деятельности;

привитие эстетического отношения к военной форме одежды и снаряжению, воспитание неприязни к безобразному;

повышение эстетического содержания воинских ритуалов;

проведение спортивно-массовых мероприятий, организация активного досуга в выходные и праздничные дни;

пропаганда здорового образа жизни и спортивных достижений;

разъяснение причин и негативных экологических последствий воинской деятельности и путей их предотвращения;

вовлечение воинов в практические мероприятия по охране природы;

формирование у военнослужащих потребности в противодействии коррупции, неприятия коррупции как средства достижения личных целей.

Основные виды и направления воспитания курсантов военных вузов взаимобусловлены и имеют свою специфику.

Реализация содержания воспитания предполагает комплексный подход, единство и согласованность всех его составных частей.

Результатом процессов обучения и воспитания выступает профессионально-личностное развитие курсанта как целенаправленный процесс формирования личностных и служебных качеств, социальных установок и усвоение професси-

онально-значимых свойств, овладение навыками саморазвития и самосовершенствования.

Развитие личности курсанта военного вуза, а затем и офицера происходит на протяжении всей жизни, но именно в военном вузе закладываются основы тех качеств специалиста, с которыми он вступит в новую сферу деятельности, способствующей его дальнейшему развитию как личности.

Таим образом, именно в военном вузе в ходе целостного образовательного процесса формируются и развиваются патриотические, морально-нравственные, профессиональные качества будущего офицера, которые образуют основу общепрофессиональных компетенций специалиста.

Литература

1. Военная педагогика: учебник для вузов [Текст] / под ред. О. Ю. Ефремова. – Санкт-Петербург: Питер. 2014.

2. Коджаспирова, Г. М. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 176 с.

3. Педагогика: Учеб пособие для студентов пед. ин-тов [Текст] / Ю. К. Бабанский, В.А. Сластенин, Н. А Сорокин [и др.]; под ред. Ю. К. Бабанского. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 479 с.

4. Психология и педагогика. Военная психология [Текст] /под ред. А. Г. Маклакова. – СПб. 2007.

5. Психология и педагогика: Учеб. пособие [Текст] / Под ред. Э. В. Островского. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012.

Статья посвящена вопросам методологии развития личности в образовательном процессе военного вуза. Значительное внимание уделяется структурным компонентам образовательного процесса: обучению, воспитанию и развитию. Выделяются и описываются основные направления воспитания, способствующие профессионально-личностному развитию курсанта военного вуза.

УДК 378.147

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА» КУРСАНТАМИ ВОЕННОГО ВУЗА

Е. В. ШОРИКОВ, И. А. ХАЦИЕВА

*Вольский военный институт материального обеспечения,
г. Вольск, Россия*

Изучение социального интеллекта имеет давнюю, насыщенную событиями и открытиями историю. Понятие «социальный интеллект» было введено американским психологом и педагогом Эдвардом Ли Торндайком еще в 1920 году. Он рассматривал социальный интеллект как «способность понимать других людей и действовать или поступать мудро в отношении других». В дальнейшем эти представления были уточнены и развиты многими исследователями.

Так, в рамках структурно-динамической теории Д. В. Ушакова социальный интеллект является одним из видов интеллекта, который образует способность

к познавательной деятельности. В ряде концепций социальный интеллект определяется как система интеллектуальных способностей, связанных с познанием поведенческой информации.

Согласно модели структуры интеллекта Дж. Гилфорда, социальный интеллект важен в тех областях профессиональной деятельности, где индивид действует вместе с другими или по отношению к другим [2].

Следующая точка зрения на проблему социального интеллекта определяет его через систему когнитивных свойств, от которых зависит эффективность общения, коммуникативная компетентность, когнитивная компетентность, жизненная компетентность, успешность обработки социальной информации и т. д.

В. Н. Панферов в функциональной структуре общения выделяет социальный интеллект как когнитивную функцию, проявляющуюся во всеобщих функциях человеческой деятельности на разных уровнях функционирования субъекта общения.

По мнению О. Б. Чесноковой, социальный интеллект не может рассматриваться только как совокупность когнитивных процессов без учета аффективной составляющей и вне контекста развития мотивационно-потребностной сферы. Она определила социальный интеллект как «способность ориентироваться на существенные характеристики коммуникативной ситуации, недоступные непосредственному наблюдению (на психическую активность – мысли, чувства, намерения; причины взаимообусловленного поведения в межличностной ситуации и социальные позиции в системе отношений) и способность на основе этой ориентировки намечать возможные способы опосредованного достижения своих или общих целей в условиях, когда прямые способы ее достижения невозможны» [5].

Известный отечественный психолог Валентина Николаевна Куницына рассматривает социальный интеллект как многомерную, сложную структуру, имеющую следующие аспекты:

- коммуникативно-личностный потенциал – комплекс свойств, облегчающих или затрудняющих общение, на основе которого формируются такие интегральные коммуникативные свойства, как психологическая контактность и коммуникативная совместимость; это – основной стержень социального интеллекта;

- характеристики самосознания – чувство самоуважения, свобода от комплексов, предрассудков, подавленных импульсов, открытость новым идеям;

- социальная перцепция, социальное мышление, социальное воображение, социальное представление, способность к пониманию и моделированию социальных явлений, пониманию людей и движущих ими мотивов;

- энергетические характеристики: психическая и физическая выносливость, активность, слабая истощаемость.

Таким образом, социальный интеллект – это индивидуальные задатки, способности, свойства, облегчающие выработку в личном опыте умений и навыков социальных действий и контактов. Отличительной характеристикой и признаком личности с высоким уровнем социального интеллекта, с точки зрения В. Н. Куницыной, является достаточная социальная компетентность во всех ее аспектах [3].

Обобщая вышесказанное, отметим, что сторонники различных психологических школ трактуют понятие «социальный интеллект» следующим образом:

- способность уживаться с другими людьми;
- способность иметь дело с окружающими;
- знания о людях;
- способность легко сходитьсь с другими, умение входить в положение другого человека, ставить себя на место другого;
- способность критически и правильно оценивать чувства, настроение и мотивацию поступков других людей.

Несмотря на различные подходы в раскрытии сущности социального интеллекта, общим для большинства авторов является то, что среди функций социального интеллекта они выделяют адекватность отражения ситуации взаимодействия и партнера по общению (его личностных свойств, вербальных и невербальных реакций); возможность самопознания, саморазвития и самообучения; прогнозирование логики развития ситуации и поведения партнера; увеличение чувствительности к партнерам по взаимодействию, формирование способности посмотреть на ситуацию глазами партнера.

Социальный интеллект принимает непосредственное участие в регуляции социального поведения, выступает как средство познания социальной действительности, объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (человека как партнера по общению, группы людей).

Благодаря социальному интеллекту обеспечивается интерпретация информации, понимание и прогнозирование поступков и действий людей, адаптация к различным системам взаимоотношений между людьми (семейным, деловым, дружеским), показывает, как человек взаимодействует с внешним миром, как он решает и преодолевает каждодневные проблемы, в том числе – и при общении с окружающими. Также выявлено влияние социального интеллекта на успешность в профессиональной деятельности (в том числе в учебной деятельности) и на самореализацию человека в целом.

Социальный интеллект представляет собой индивидуально-личностное свойство человека, которое проявляется в способности формировать отношение к самому себе, прогнозировать результаты своей деятельности, понимать своё поведение и поведение окружающих.

Формирование социального интеллекта стимулируется системой обучения на различных его этапах – семья, школа, вуз. Развитие интеллекта находится в тесной зависимости от воздействия социально-культурных факторов: обучение, воспитание, практическая деятельность, язык.

Особую актуальность социальный интеллект имеет в образовательной среде, в процессе приобретения новых знаний, навыков и умений, в том числе по приобретению военной профессии в военном вузе. Образовательное пространство выполняет функции своеобразного «стабилизатора» и регулятора отношений, внутри коллектива действуют сложившиеся и принятые отношения и правила. Образовательное пространство и стиль воспитания влияют на формирование социального интеллекта.

Социальный интеллект – это только одна из способностей, которая может помочь успешному функционированию человека в обществе, эффективности

его в той или иной деятельности, это способность правильно понимать поведение людей и самого себя во взаимодействии с окружающими.

С социальным интеллектом связывают успешность в профессиональной деятельности (прежде всего в деятельности, где немаловажное значение имеет взаимодействие с людьми), социальный интеллект считают одним из компонентов творчества (как способность продвинуть идею).

Военно-учебные заведения материально обеспечения являются специфическими образовательными учреждениями, которые имеют свои особенности в организации и содержании учебного процесса.

Одной из главных задач военного института является воспитание морального духа военного человека, нравственных качеств военного «снабженца», следовательно, военный вуз стремится дать своим обучающимся не только глубокие знания, но и всестороннее развитие, научить понимать и ценить других людей, раскрывать творческий потенциал, поддерживать атмосферу добрых взаимоотношений, взаимопонимания и поддержки.

Основным направлением деятельности института является формирование качеств грамотного управленца, умеющего вести диалог с окружающими и по вертикали, и по горизонтали. Все это определяет особую актуальность специфических особенностей развития социального интеллекта.

Особое место в этом процессе принадлежит дисциплине «Психология и педагогика». Изучая дисциплину, курсанты совершенствуют свой социальный интеллект или стараются его развить. Этому способствуют занятия по таким направлениям, как:

- методы изучения личности военнослужащего и воинского коллектива;
- структура психики и основные направления её формирования и развития в процессе воинской деятельности;
- структура личности и пути формирования и развития её структурных элементов (военно-профессиональных способностей, военно-профессиональной направленности, профессионально важных черт характера);
- особенности воинского коллектива и его психологии, социально-психологические процессы и явления, происходящие в них;
- формирование и развитие взаимоотношений, коллективного мнения и настроения, морально-психологического климата, изучение и разрешение межличностных конфликтов, использование результатов профессионального психологического отбора военнослужащих и др. [4, с. 36-39].

Развитию социального интеллекта курсантов военного вуза способствуют и такие практические занятия, как:

- методика психопрофилактики негативных психических состояний;
- методика изучения личности военнослужащего и разработка психолого-педагогической характеристики на военнослужащего;
- разработка развернутой социально-психологической характеристики воинского коллектива;
- методика изучения взаимоотношений методом социометрии [4, с. 46-51].

Изучение дисциплины «Психология и педагогика» в военном вузе способствует формированию у курсантов знаний именно в этих областях и в целом развивает умение работать с различными категориями военнослужащих и гражданским персоналом.

Далеко не все молодые люди, выбравшие профессию офицера служб материального обеспечения, знают, какие индивидуальные психологические качества нужны для успешной профессиональной деятельности после окончания высшего военного учебного заведения. Требования к профессиональной деятельности выпускника вуза материального обеспечения изложены в общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации, квалификационных требованиях к выпускнику и других руководящих документах.

Данные требования определены федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования по специальности военного вуза материального обеспечения. В связи с этим, на различных этапах военно-профессионального отбора, в ходе распределения на различные специальности для обучения, в ходе организации образовательной деятельности, психологического сопровождения курсантов и распределении на офицерские должности после окончания военного вуза, необходимо изучать и учитывать у курсантов уровень развитости социального интеллекта.

В образовательной деятельности следует активно использовать специализированные методы развития социального интеллекта у курсантов на всех курсах и с различным уровнем успеваемости, привлекая к этому как преподавателей дисциплины «Психология и педагогика», так и специалистов групп психологической работы.

Литература

1. Григоренко, Е. Л. Академический и практический интеллект как факторы успешности обучения в вузе // Когнитивные и личностные факторы учебной деятельности: Сборник научных статей / Е. Л. Григоренко, С. А. Корнилов; под ред. С. Д. Смирнова. – М.: Изд-во СГУ, 2007. – С. 34-48.

2. Иванова, И. А. Основные направления исследования социального интеллекта в отечественной науке и за рубежом // сборник научных трудов СевКавГТУ серия «Гуманитарные науки». – № 3.

3. Куницына, В. Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение // Теоретические и прикладные вопросы психологии. – Вып. 1, ч.1. – 1995.

4. Психология и педагогика. Военная педагогика / Под ред. А.Г. Маклакова. – СПб: Питер, 2007.

5. Чеснокова, О. Б. Социальный интеллект в условиях сложных социальных систем / О. Б. Чеснокова, Е. В. Субботский // Национальный психологический журнал. – 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 22–29.

В статье рассматривается феномен социального интеллекта; выделяются основные концепции, определяется его значение в изучении дисциплины «Психология и педагогика» курсантами военного вуза. Раскрывается связь компонентов социального интеллекта и коммуникативных и организаторских способностей у будущих специалистов.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. В. БЕЛЯЕВА

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь*

**МОДЕРНО-ТРАДИЦИОННАЯ И НЕОТРАДИЦИОННАЯ
ПРАВСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ** 3

О. П. БУРКО

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

**ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА
В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ** 7

О. П. БУРКО, Ю. Д. ДАНИЛОВ, Е. Г. КУДРИЦКАЯ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

**КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ
КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ** 13

В. Н. ВАРИЧ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ** 18

И. В. ВАШКЕВИЧ

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Беларусь*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 22

С. В. ГРИБОВА

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

**ТАТАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ В НЕМУСУЛЬМАНСКОМ
ОБЩЕСТВЕ БЕЛАРУСИ: ОБЩИЙ ОБЗОР** 25

Ю. Д. ДАНИЛОВ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ИНТЕРНЕТ-ПОЛИТИКИ:
ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ** 30

О. В. ИПАТОВА

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ СПЛОЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 35

С. Т. КАВЕЦКИЙ <i>Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь</i>	
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ	40
А. В. КЛИМОВИЧ <i>Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь</i>	
ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ КОНЦА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	44
Н. Н. КОВАЛЁВА <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i>	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	47
Е. Г. КУДРИЦКАЯ <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i>	
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	50
В. Н. КУЗЬМИЧ <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i>	
НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ТОВАРООБОРОТ НА БЕЛОРУССКОМ УЧАСТКЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ В 1921-1939 ГГ.	56
О. В. КУЧМАЕВА <i>Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социально-политических исследований Российской академии наук, г. Москва, Россия</i>	
РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕНДЕНЦИИ И ОЦЕНКИ	59
Е. А. ЛАГУНОВСКАЯ <i>Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь</i>	
КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ С ПРИРОДНЫМ И СОЦИАЛЬНЫМ МИРОМ	63
Т. В. ЛИСОВСКАЯ <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i>	
ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И МИГРАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО	66

Е. С. ЛУЧЕНКОВА <i>Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Беларусь</i> НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	71
А. И. ЛЫСЮК <i>Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь</i> ДОСТОЕВСКИЙ КАК ПРОРОК ТОТАЛИТАРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК	74
Л. Ю. МАЛЫХИНА, А. В. ЖЕБИТ <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i> КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В XIX В. В РАБОТАХ Ю. И. КРАШЕВСКОГО	78
Е. И. МЕДВЕДСКАЯ <i>Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ КРЕАТИВНОСТИ АКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	85
В. В. МИЦКЕВИЧ <i>Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», г. Минск, Беларусь</i> СОЦИО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ И ПОРТРЕТЫ ПРЕСТУПНИКОВ «СРЕДНЕГО КЛАССА»	89
А. В. МОЩУК <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ	93
А. П. МЯДЕЛЬ <i>Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Беларусь</i> ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА	96
В. И. НАУМОВА <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i> ПОЛИТИКА ПОЛОНИЗАЦИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-1939)	100

И. Д. ПОПОВ <i>Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия</i>	
БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ В XX ВЕКЕ	105
С. В. ПОСТНИКОВ <i>Вольский военный институт материального обеспечения, г. Вольск, Россия</i>	
ПРОБЛЕМА МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	109
Н. А. ПРИЛУЦКАЯ, О. В. ИПАТОВА, А. Н. ВЕЛИЧКО <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i>	
ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ПРИ БАНКРОТСТВЕ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	114
З. Н. ПРИМИЧЕВА <i>Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Беларусь</i>	
ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ МАТЕМАТИКЕ В РАМКАХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	118
С. А. ПТИЧКИНА <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i>	
ИНСТИТУТ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	121
Е. С. РОЗЕНБЛАТ <i>Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь</i>	
РЕЛИГИОЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ХОЛОКОСТА	124
И. П. САЛТАНОВИЧ <i>Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь</i>	
КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: АВТОНОМИЯ И КОНТРОЛЬ	128
Л. Н. СЕМЕНОВА <i>Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь</i>	
СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОСТИ	133
М. Г. СОКОЛОВСКАЯ <i>Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	137

<p>М. В. СТРЕЛЕЦ <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i> ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....</p>	141
<p>В. В. СУШКО <i>Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь</i> АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ</p>	144
<p>А. И. СЫТНИК <i>Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина</i> ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....</p>	148
<p>И. А. ХАЦИЕВА, А. В. ШЕСТЕРИКОВ <i>Вольский военный институт материального обеспечения, г. Вольск, Россия</i> МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВОЕННОГО ВУЗА</p>	151
<p>Е. В. ШОРИКОВ, И. А. ХАЦИЕВА <i>Вольский военный институт материального обеспечения, г. Вольск, Россия</i> ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА» КУРСАНТАМИ ВОЕННОГО ВУЗА</p>	154

Научное издание

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ,
ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Под общей редакцией кандидата философских наук,
доцента В. Н. Варич

Основан в 2004 г.

Выпуск XII

Ответственный за выпуск: Варич В. Н.
Редактор: Боровикова Е. А.
Компьютерная вёрстка: Соколюк А. П.
Корректор: Никитчик Е. В.

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г., № 3/1569 от 16.10.2017 г.

Подписано в печать 01.11.2019 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,53. Уч. изд. л. 10,25. Заказ № 1484. Тираж 50 экз.

Отпечатано на ризографе Учреждения образования «Брестский государственный
технический университет». 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.